

ИЗВЕСТИЯ

Архитектурно-этнографического музея «Талъцы»

Выпуск 10

Иркутск, 2019

УДК 050+39(571.53)
ББК 63.3(2Рос-4Ирк)я43
И 33

Издаётся по решению Ученого совета
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Редакционная коллегия: канд. культурологии Е. Ю. Колганова, канд. ист. наук Т. А. Крючкова, канд. ист. наук Ю. П. Лыхин, канд. культурологии В. В. Тихонов, канд. ист. наук А. И. Шинковой

Ответственный редактор Ю. П. Лыхин

И 33 Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» / отв. ред.
Ю. П. Лыхин. Иркутск, 2019. Вып. 10. 204 с.

ISBN 978-5-00133-127-8

ISBN 978-5-00133-127-8

© ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2019

NEWS

of Architectural and Ethnographic Museum «Taltsi»

Issue 10

Irkutsk 2019

Edition by permission of Scientific Council
of Architectural and Ethnographic Museum «Taltsi»

Editorial board: Candidate of Culturology E. Yu. Kolganova, Candidate of History
T. A. Kryuchkova, Candidate of History Yu. P. Lykhin, Candidate of Culturology
V. V. Tikhonov, Candidate of History A. I. Shinkovoy

Editor-in-Charge Yu. P. Lykhin

News of Architectural and Ethnographic Museum «Taltsi». Irkutsk, 2019. Iss. 10. 204 p.

ISBN 978-5-00133-127-8

ISBN 978-5-00133-127-8

© AEM «Taltsi», 2019

ИСТОРИЯ

Ю. И. Чивтаев

ДНЕВНИК Д. Г. МЕССЕРШМИДТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(по материалам маршрута 1723 г. от Мангазеи до Иркутска)

На фризе здания Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (сейчас здесь расположен отдел истории Иркутского областного краеведческого музея) среди имен выдающихся исследователей Евразии увековечено имя Даниила Готлиба Мессершмидта (1685–1735). Его путешествие (1719–1727) стало первой научной комплексной сибирской экспедицией, дало российской науке значительные и во многом новые для того времени сведения в области сибирской ботаники, зоологии, минералогии, географии, истории, археологии, палеонтологии, этнографии и филологии. Материалами Д. Г. Мессершмидта пользовались несколько поколений отечественных ученых XVIII–XX вв. разных специальностей, в том числе и при подготовке новых экспедиций по Сибири.

Научное наследие Д. Г. Мессершмидта продолжает оставаться предметом исследования и современного сообщества ученых.

В недавней монографии И. В. Тункиной и Д. Г. Савинова дан подробный анализ отечественной историографии научного наследия Мессершмидта [1]. Назовем некоторые, наиболее значимые, на наш взгляд, работы последних десятилетий, появившиеся после совместного издания АН СССР и АН ГДР в 1962–1968, 1977 гг. в Берлине на языке оригинала пяти томов рукописных дневников Д. Г. Мессершмидта.

Это, прежде всего, замечательная монография М. Г. Новлянской, ставшая настольной книгой для каждого исследователя сибириады Д. Г. Мессершмидта [2]. Одной из первых к тексту дневников обратилась тунгусовед Г. М. Васильевич [3]. Член-корреспондент РАН В. В. Напольских переводом не вошедших в берлинское издание записей с 21 по 31 декабря 1726 г. продолжил публикацию дневников [4]. Фрагменты из отдельных листов рукописи дневника, содержащие этнографические сведения о коренных народах Сибири, переведены З. Д. Титовой [5]. В 2012 г. появился перевод первого тома берлинского издания, выполненный Е. А. Ким [6]. Н. В. Копанева доказала, что экспедиция Д. Г. Мессершмидта была частью общего плана Петра I по научному изучению Российского государства [7].

Научное наследие Д. Г. Мессершмидта обсуждается на международных форумах. Так, в ноябре 2014 г. в Галле (Германия) прошла международная

конференция, ведущей темой которой стала научная деятельность Мессершмидта [8]. На научной конференции с международным участием «Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия», прошедшей в мае 2018 г. в Санкт-Петербурге, Д. Г. Мессершмидту посвящены доклад академика Гёттингенской академии наук доктора В. Лефельдта «Тобольский рапорт Д. Г. Мессершмидта как образец программы ученого для исследования Сибири» и пять докладов на первом заседании секции «Азия в экспедициях, документах и исследованиях».

Тем не менее, остается актуальным общий вывод, прозвучавший в 2013 г. на международной конференции в Санкт-Петербурге и подтвержденный в вышеназванной монографии И. В. Тункиной и Д. Г. Савинова, о том, что «научное изучение творческого наследия ученого-энциклопедиста Д. Г. Мессершмидта по прошествии почти 300 лет с момента начала его экспедиции до сих пор находится на начальном этапе» [9]. Не изменились и причины такого положения: «Причина такого положения — пугающая воображение специалистов обширность научного наследия подвижника науки, а также незнакомство современных исследователей с немецкой палеографией и латинским научным языком XVIII в. Следствием этого стала неопубликованность большей части архива Д. Г. Мессершмидта» [10].

Сейчас наиболее известным является текст вышеназванного берлинского издания дневников. Записи маршрута 1723 г. помещены во втором томе [11]. Но это текст на немецком и латинском языках, и потому для русскоязычного читателя он остается малодоступным. Между тем записи ученого — единственный в своем роде достоверный источник знаний об этой части Средней Сибири того времени.

Перевод дневника Д. Г. Мессершмидта на русский язык представляет немалую трудность, так как в старом немецком языке множество устаревших грамматических конструкций, архаизмов. Кроме того, ботанические и зоологические описания выполнены на латыни. Поэтому автору статьи пришлось прибегнуть к помощи профессиональных переводчиков, а также обратиться за советами к профессору Гёттингенского университета Вернеру Лефельдту. Доктор В. Лефельдт входит в интернациональный коллектив ученых, которые готовят к изданию документы первого этапа экспедиции Д. Г. Мессершмидта (Санкт-Петербург — Москва — Тобольск). Он внес некоторые уточнения и отметил, что в целом перевод довольно качественный. Кроме того, г-н Лефельдт любезно согласился расшифровать страницу оригинала рукописи дневника, полученную автором статьи из СПбФ АРАН. Расшифровка именно этой страницы потребовалась, поскольку там есть записи, говорящие о плавании экспедиции в районе Усть-Кута, а в берлинском издании некоторые фрагменты текста подлинника оказались пропущенными. И благодаря содействию профессора был установлен непосредственный контакт с библиотекой Гёттингенского университета, которая дала разрешение опубликовать фрагмент документа с подписью Д. Г. Мессершмидта.

Кроме берлинского издания для раскрытия темы статьи использованы некоторые русскоязычные документы, которые аккуратно собирали в отдельный журнал Д. Г. Мессершмидт. Этот журнал под названием «Actis curialibus russicis» сохранился и находится в фондах СПбФ АРАН.

Чтобы читатель имел возможность при желании обратиться к тексту берлинского издания, в статье при цитировании дневников в круглых скобках указывается том и страница. В квадратных скобках указывается номер авторского

примечания. Чтобы дать читателю представление о проходимых экспедицией расстояниях, эти расстояния указываются по данным Государственного водного реестра [12].

Иллюстрации подобраны из берлинского издания дневников (использован фонд научной библиотеки Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартынова), из фонда научной библиотеки Гётtingенской академии наук, из личного фонда автора, несколько фотографий получены от жителей современных населенных пунктов, расположенных в тех местах, где побывал путешественник, одну фотографию предоставил отдел истории Иркутского областного краеведческого музея. Фото Туруханского Троицкого монастыря получено от красноярского историка, канд. ист. наук И. Г. Фёдорова, это фото есть и в его монографии [13]. Кроме того, автором составлены две карты-схемы, иллюстрирующие текст дневника.

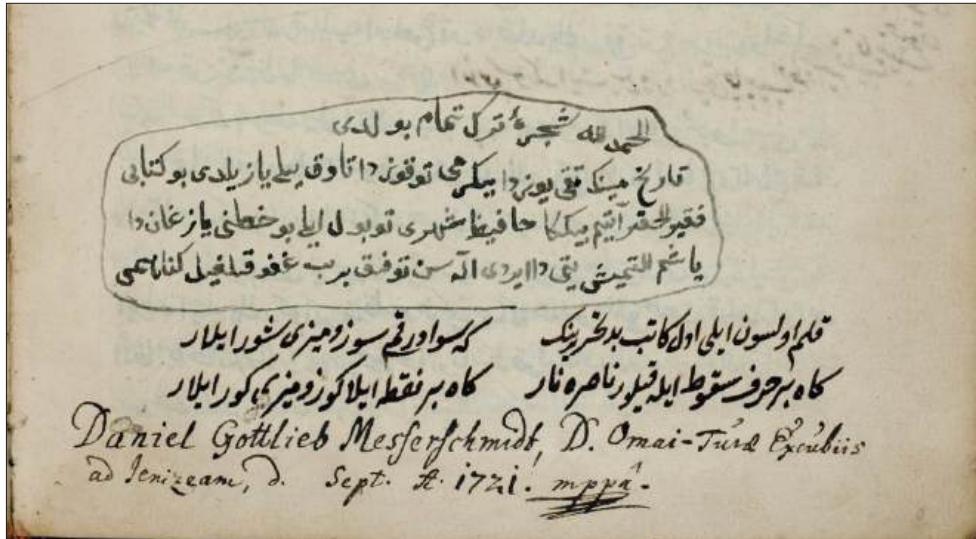
Прежде чем говорить непосредственно о материалах путешествия по междуречью Енисея и Лены и Верхнему Приленью, расскажем о подготовке к такому маршруту.

Первоначально поход по Нижней Тунгуске не планировался. Об этом свидетельствует письмо в Медицинскую канцелярию, написанное в июле 1722 г. по дороге в Красноярск, в котором ученый сообщал, что намерен перезимовать в Красноярске или в деревнях Красноярского дистрикта, а весной, если получит задержанное жалованье, он отправится в Селенгинск и Нерчинск, в противном случае вернется в Петербург [14]. Жалованье он получил, но во время зимовки в Красноярске изменил свой план.

По прибытии в мае 1723 г. в Енисейск ученый решает отправиться не на восток, в Забайкалье, а спуститься вниз по Енисею и достичь побережья Северного Ледовитого океана. Обеспечивать всем необходимым для дальнейшего путешествия должны были уездные власти, и ученый обратился в земскую канцелярию с доношением. Ему требовалась «один дощаник вместе с принадлежностями, парус и якорь, два рулевых и двенадцать гребцов, знающий местность проводник, «...провиант 2 ведра хорошей водки, 10 фунтов пороха, 1 пуд свинца и... 1 стопа хорошей бумаги для записи» (II. 55). То есть требовалось 15 человек, чтобы спуститься по Енисею. С 27 по 30 мая ему «дважды доставили два ведра аниской водки», дощаник, «стопку голландской бумаги для записи, называется RIARDEL, потому что лучше у них не было», «300 аршинов линяной ткани на парус, также свинец 1 пуд, и крупный мушкетный порох 10 фунтов, которому точно уже было больше 50 лет... якорь и веревки, зажимы, гвозди, сверла, катушки и т. д.» (II. 56).

В Енисейске в то время архимандритом Спасского мужского монастыря был Даниил Матвеев, имевший хорошую библиотеку церковно-славянских книг. В беседе, проходившей в непринужденной обстановке «с медовым напитком, чаем и пивом» (II. 55), архимандрит рассказал Д. Г. Мессершмидту, что за одно лето сходить до моря и вернуться невозможно, придется там зимовать. А вот по Нижней Тунгуске, когда вода пойдет на убыль и не будет опасных водоворотов, можно за 5–6 недель подняться вверх по течению, после перезимовать на Лене в Киренском монастыре и отправиться дальше в Якутск или в Иркутск. По словам архимандрита, «дорога до обоих этих мест была одинаково хорошей» (II. 55).

В Енисейске Д. Г. Мессершмидту 1 июня под расписку даются 14 подводчиков-гребцов и один проводник. Это енисейские служилые люди, их поименный список есть в «Реестре гребцам от Енисейска до Мангазеи» [15].

«Сибирская» подпись Д. Г. Мессершмидта [16]

В этот же день экспедиция отправляется вниз по Енисею и 16 числа прибывает в Мангазею. По прибытии Д. Г. Мессершмидт расспрашивает о морском побережье. Он получает подтверждение слов енисейского архимандрита о том, что за одно лето сходить к Ледовитому океану не получится. Выясняется также, что и в Мангазее зимовать нежелательно. В дневнике появляется запись: «Продукты питания здесь очень дорогие и пуд муки стоит 20–30 копеек, в то время как в Тобольске он стоит всего 4–5 копеек, потому что здесь не занимаются земледелием. Животноводство здесь тоже развито слабо и не продается ни молоко, ни масло, а каждый оставляет свое себе. Так что придется путешественнику здесь умереть с голоду, если девять зимних месяцев пережидать зиму» (П. 69).

Д. Г. Мессершмидт надеялся, что к его прибытию в Мангазею все будет готово для дальнейшего путешествия, но сразу отправиться дальше не получалось. 17 июня в дневнике появляется запись: «Только сегодня были изготовлены мачтовое дерево и кормовое весло, поэтому пришлось приостановить экспедицию» (П. 72).

Приходилось с учетом изменяющейся обстановки принять другое решение. Об этом сказано в писарской копии его доношения от 18 июня 1723 г. в мангазейскую канцелярию. Ученый пишет, что прибыл в Мангазею «для вниз по Енисею реке и до моря ехать ради изыскания нашатырю и ентарю и иных вещей будь какие взыщутца». Но из расспросов служилых и промышленных людей выяснилось, «что, де, одного лета сходить невозможно за дальним расстоянием, а зимовать мне тамо невозможно, потому что я человек необыкновенной, в пустых местах в студеной стране зимовать не обыч и запасу тамо купить не у кого, жилья и мест хлебных нет. А нынче я хочу плыть на них по Енисею реке неделю, места посмотреть, самоетскую землю и назад воротитца, итти по Нижней Тунгуске реке и на Лену в Якуцкой, и в Іркуцкой, и в Ілимской и в ыные места» [17]. Но спуститься вниз по Енисею тоже не получается, хотя в этот же день дощаник, мачта, парус, кормовое весло были готовы, оставалось получить подводчиков, кормчиков и проводника. Дело в том, что Д. Г. Мессершмидту нужен письменный рапорт от некоего тобольского сына боярского Федора Раевского, который бы подтвердил наличие янтаря и нашатыря на побережье. «Без письменной информации мне было невозможно отправиться

в такое опасное большое путешествие, а с устными инструкциями у меня уже часто плохо заканчивалось», — записал Д. Г. Мессершмидт в дневнике 19 июня (П. 74). Разыскать Раевского сразу не удается. В этот же день ученый узнает, что «по расчетам местных людей, ходоков на промысел, расстояние от устья Нижней Тунгуски до Лены составляет 9–10 недель пути, и необходимо учесть, что из-за порогов придется идти и ночами по 4–5 часов» (П. 75). Учтя все обстоятельства, 19 июня ученый принимает решение «полностью отказаться от поездки к самоедам ниже по Енисею» (П. 75). В Енисейск он не возвращается, а решает отправиться вверх по Нижней Тунгуске.

В последующие дни путешественник собирает разнообразную информацию о Севере: со слов мангазейцев записывает, как самоеды (ненцы) охотятся на белого медведя, узнает о количестве семей самоедов в уезде, получает письменные рапорты о местах нахождения янтаря и нашатыря на побережье и горючей серы в верховьях р. Илимпей, получает образец горючей серы.

Ему привели тунгуса из тех, которые жили по Нижней Тунгуске, и ученый записал первых 138 слов языка этого народа.

Наконец он получает еще два каюка, так как предполагается, что подняться на дощанике выше устья Илимпей из-за низкой летней воды вряд ли получится.

Судя по записям в дневнике, люди, направляемые с ученым в столь длительное путешествие, должны были самостоятельно обеспечить себя продуктами и всем необходимым. Об этом говорит такая запись от 21 июня: «Рано утром в 6 утра подводы — 12 гребцов, 2 кормщика и 1 вож или проводник, в сумме 15 человек, были на моем дощанике и сообщили мне, что только вчера, 20 июня, командированы и таким образом не смогли подготовить себе запас. Помимо этого один из них был настолько беден, что не мог раздобыть даже муки или хлеба, и попросил у меня 1 рубль на прокорм или на пропитание, в противном случае ему придется умереть с голоду.

Так я снова послал денщика Михайлу вместе с Петром к приказчику, и попросил разобраться с этим беспорядком. В ответ мне сказали, что здесь все люди бедные, и что он будет сам себе промышлять столько, сколько ему необходимо. Таким образом, мне пришлось довольствоваться этим ответом» (П. 76).

Но все же требования Д. Г. Мессершмидта были удовлетворены. 23 июня он записал, что «в 9 утра подводчики были готовы, также оснащены надлежащим запасом или пропитанием», каждому из десяти казачьих детей «выплатили по 150 копеек, за что они расписались в приказе. 4-м служивым и вожу или проводнику ничего не дали, потому что они получают годичное жалованье» (П. 78).

Наконец 24 июня 1723 г. экспедиция отправляется из Мангазеи вверх по Енисею к Туруханскому Троицкому монастырю, стоящему в устье Нижней Тунгуски. Во время нахождения в монастыре подводчики ученого заявляют, что нужны еще 15 человек и дополнительные канаты для успешного подъема по Нижней Тунгуске. Они по требованию ученого пишут сказку об этом, в которой приводят и список из 15 человек тех мангазейских казачьих детей, которых дополнительно следует взять в экспедицию. Д. Г. Мессершмидт хотел было отправить их сказку в Мангазею для решения этого вопроса, но, побеседовав с архимандритом Лаврентием Кивлиным, который убеждал его в том, что вверх по Нижней Тунгуске со своими опытными подводчиками и служилыми путешественник поднимется без особых сложностей, хотя, конечно, нужна осторожность, отказался от своего намерения.

И вот после обеда 25 июня 1723 г. от высокого правого берега Нижней Тунгуски, на котором стоял Туруханский Троицкий монастырь, начинается

Вид на село Туруханск. Фото 2007 г. Получено от местного жителя

это рискованное путешествие в дикие, почти необжитые места, путешествие беспрецедентное, никем из ученых не повторенное до сих пор. Д. Г. Мессершмидт шел в неизвестность с именем Господа на устах: «отправился дальше во имя Господа» (П. 80).

При отправлении из Туруханского монастыря состав экспедиции таков. Начальник — доктор Д. Г. Мессершмидт. Он, отправляясь в Россию, русского языка не знал. Поэтому в Тобольске ему был назначен слугой, переводчиком и охотником Петер Кратц, немец родом из Диршау (город на Висле, выше Данцига, ныне польский Тчев). Был ли Петер Кратц из числа плененных в ходе Северной войны, достоверно не известно. Но из переписки Д. Г. Мессершмидта

Туруханский Троицкий монастырь. Вид с Енисея. Фото начала XX в.

с сибирским губернатором в апреле 1722 г. следует, что по указу царя в связи с заключением Ништадского мирного договора придется путешественнику в мае этого года отпустить своих помощников из числа шведских пленных (капитана Ф. И. Табберта и рисовальщика К. Г. Шульмана), а вот Петера Кратца он, Д. Г. Мессершмидт, оставляет у себя «для того, что русского языку я не знаю, и переводчика иного никакого при мне нет, кроме онаго Кратца» [18]. Конечно, за время путешествия Д. Г. Мессершмидт в минимальной степени освоил разговорный русский и совсем немного научился письменному русскому языку. Но все эти годы Петер Кратц оставался с ученым, был верным его слугой, переводчиком и охотником. К сожалению, дальнейшая судьба этого человека, который много сделал для успеха экспедиции, неизвестна.

Еще одним слугой, а также денщиком и поваром был тобольский драгун из обруссевших немцев Андреас Хеслер-Невинг или Андрей Геслер Невинг (в дневнике Мессершмидт называет его Андреем). Этого человека Мессершмидт содержал за свой счет.

Был у Д. Г. Мессершмидта и крепостной слуга. Это русский мальчик Иван Путимцов, которого доктор приобрел у родного отца его в Ялуторовской слободе в декабре 1720 г. за 12 серебряных рублей. Тогда Ивану было 15 лет [19]. В записи от 28 мая 1722 г. фамилия мальчика записана Сутимцев, ученый хорошо отзывался о нем, называл «смышленым юношей» (I. 224). Во время путешествия по Нижней Тунгуске и Лене Иван собирал минералы, помогал ученыму в обработке тушек животных и подготовке их к консервации и в прочих работах. Прибыв в Иркутск, Д. Г. Мессершмидт 11 февраля 1724 г. продал возмужавшего и обученного Ивана таможенному комиссару Пивоварову за 16 руб., о чем была совершена купчая. С покупателя доктор взял расписку, чтобы, как записал он в дневнике, «по запросу его родителей, которые передали его мне в залог навечно, смог бы предъявить в письменной форме, что он был передан во владение из рук в руки». Здесь фамилия Ивана записана Путимцев (II. 205).

Из Тобольска Д. Г. Мессершмидту были даны русские денщики из драгун Тобольского полка, они же плотники, Михайло Бахметьев и Данила Приезжев.

Проводником стал мангазейский казачий пятидесятник Василий Смирнов, человек грамотный и опытный, знающий Нижнюю Тунгуску до верховий, именно его в Мангазее просил Д. Г. Мессершмидт в проводники. Были еще четверо мангазейских служилых: Ефим Юрлов, Венедикт Милков, Родион Листвягов и Исаи Велков, обязанные обеспечить безопасность Д. Г. Мессершмидта в период следования до Лены. Подводчиками были 11 мангазейских «казачьих детей», их поименный список сохранился [20]. Кроме того, из осяцкого селения, расположавшегося в 5–6 верстах на берегу Енисея ниже устья Нижней Тунгуски, были взяты еще два человека, «потому что на самом деле правитель Никифор Иванович Сотников это им разрешает, чтобы переправлять транспортные средства через пороги более безопасно» (II. 79).

По данным М. Г. Новлянской, во время путешествия по Нижней Тунгуске из 14 подводчиков пять человек заболели, их пришлось заменить другими, но ссылки на соответствующее место в дневнике или на иной источник нет [21].

Итак, всего в экспедиции было 16 мангазеевцев, два денщика-плотника и повар из тобольских драгун, два осяка, двое слуг Д. Г. Мессершмидта и он сам. Итого 24 человека. Помощников по научной работе у путешественника не было, никто не мог грамотно писать, никто не умел делать чучела, препарировать животных, рисовать и т. д.

Кроме названных в дневнике казенного дощаника длиной 18 аршин и шириной в 4 аршина ($12,8 \times 2,85$ м; высота борта неизвестна) и входившей в комплект с дощаником небольшой весельной лодки для переправы команды через реку, двух казенных каюков (размеры их не указаны) был, оказывается, еще и павозок. Об этом известно из копий русскоязычных документов. Добравшись до Чечуйского волока, Д. Г. Мессершмидт отпустил мангазейских служилых и подводчиков и передал им мангазейское казенное имущество под расписку. В ней сказано: «Сего 1723 году сентября в 16 день у Господина дохтора Мессершмита приняли мангазейские служилые люди Василий Смирнов, Ефим Юрлов, Венедикт Милков, Родион Лисвегов, Исаи Велков дощеник, якори, верховую снасть, drogi, ноги, вешди, шейму остатную, два каючка, лодку, павозок. В том ему росписку Господину дали. А росписку писал по их служилых людей велению Василий Смирнов своею рукою в Васильевой Подволошной заимке сентября 16 дня 1723 году» [22]. Дальше до Киренска его везли чечуйские подводчики, потом до Усть-Кута киренские, до Усть-Илги — усть-кутские.

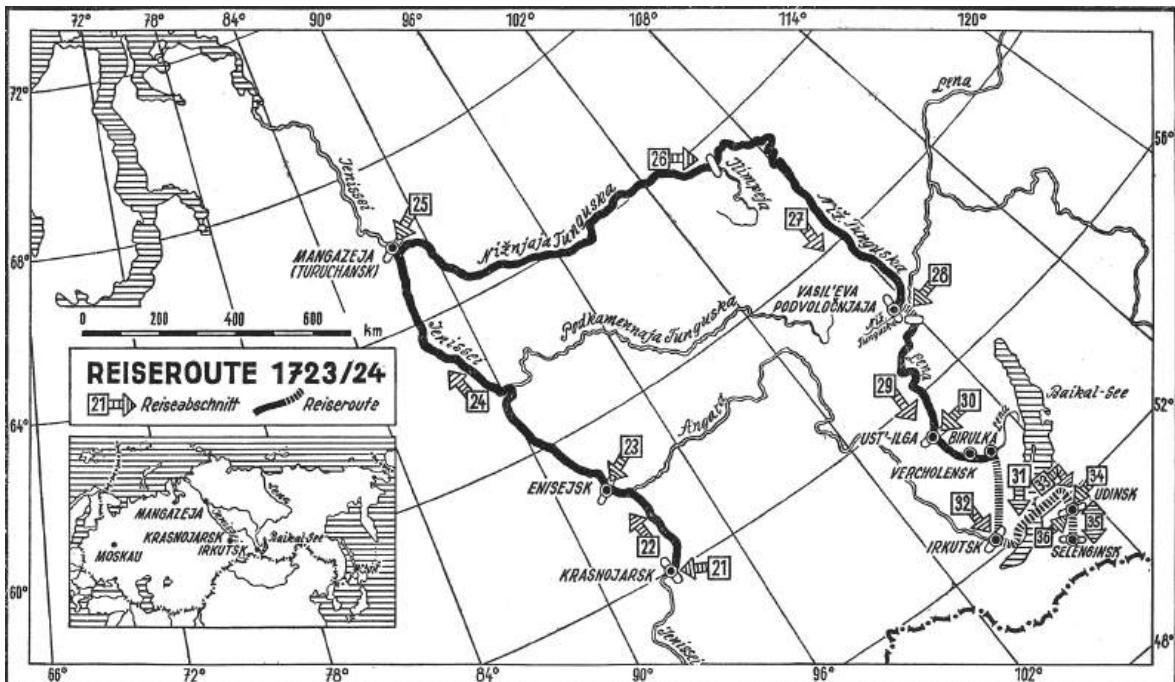
Как размещались люди и груз, неизвестно. Известно лишь, что в самом начале, когда Д. Г. Мессершмидт выплыл из Мангазеи, каюки были пустые, их отложили «в резерв» (П. 78), а при отправлении от Туруханского монастыря осадка дощаника в корме составляла $\frac{3}{4}$ аршина.

Насколько можно судить по записям в дневнике, Д. Г. Мессершмидт с научными инструментами, книгами, собранными материалами всегда плыл на дощанике. Возможно, с ним на дощанике были слуга Петер Кратц, повар Андрей, слуга Иван Путимцев, денщики, их вещи, основные запасы экспедиции, некоторые вещи других участников экспедиции. Здесь же, разумеется, были кормчий и гребцы-подводчики, которые управляли дощаником, в нужное время занимались парусом. Скорее всего, служилые с остальными вещами и подводчики, не занятые буксировкой дощаника, когда судно шло под парусом, двигались на каюках. По-видимому, твердо установленной последовательности движения судов в караване не было. В дневнике есть записи, свидетельствующие о том, что каюки иногда отставали от дощаника на несколько часов. Но в основном весь караван шел вместе.

Предваряя дальнейшее исследование дневника, необходимо отметить, что Д. Г. Мессершмидт очень торопился, опасаясь быть застигнутым ледоставом еще на Нижней Тунгуске, где зимовать было просто негде и все погибли бы. Об этой опасности русские не раз его предупреждали. Поэтому ученый вынужден был часто ограничивать себя в поисках растений, минералов, исследовании птиц и животных, добываемых его слугой Петером Кратцем.

Вот характерная запись, сделанная еще в начале подъема по Нижней Тунгуске 11 июля: «Здесь на берегу под камнями я нашел несколько кусочков горного хрусталя, которые я велел кропотливо искать, так что я не сомневаюсь, что где-либо на сторонних потоках должны быть найдены минералы, и мне было очень жаль, что опасность, о которой русские предупреждали единогласно, заставила меня без исследования этих потоков ехать дальше» (П. 90). Особенно кратки записи во время путешествия вверх по Лене.

От Мангазеи вверх по Нижней Тунгуске и затем вверх водой по Лене до Усть-Илги и по санной дороге к Иркутску Д. Г. Мессершмидт преодолел около 4 000 км, из них водой около 3 400 км, и это был самый длинный водный его маршрут. Отправившись из Мангазеи в разгар лета, в Иркутск путешественник прибыл во второй половине декабря [23].

Карта маршрута 1723–1724 гг. из второго тома берлинского издания

За это время Д. Г. Мессершмидт собрал немало материалов о русских старожилах. В одних случаях он специально обращал внимание на их образ жизни, но чаще такие сведения приходилось выбирать по крупицам из обычных ежедневных записей.

Нижняя Тунгуска осваивалась русскими еще с первой четверти XVII в., по ней строились ясачные и промышленные зимовья. Д. Г. Мессершмидт называл встречающиеся русские зимовья, а на примере одного из них сделал подробное описание.

Повсюду, где стояли зимовья, Д. Г. Мессершмидт характеризует окружающую местность как гористую, холмистую, скалистую, поросшую хвойным лесом. Зимовья в такой местности строились потому, что гористая и хвойная тайга благоприятна для обитания соболя, в ней затруднена охота с собаками, но охота с разного рода ловушками может быть успешной. 6 июля он записывает: «Берег по обеим сторонам был все время гористым и с крупным лесом, и вождь Василий Смирнов доложил, что на иркутской стороне (это левый берег Тунгуски. — Ю. Ч.) бывало очень много красивых черных соболей, но сейчас они истреблены русскими промышленниками, которых воеводы содержат в своих личных интересах, так что, ни одного там больше не найти» (П. 85). 7 июля в районе устья р. Буданихи (совр. название р. Чикты, 520 км от устья) приплывают к зимовью, название которому путешественник объяснил так: «в русском языке называется бело-моховое зимнее место стоянки, потому что вокруг много белого мха». Это «Беломошное» зимовье (П. 86).

Следующее находилось несколько выше р. 5-я Белая Попова (совр. название р. Кирамки, 933 км от устья) Д. Г. Мессершмидт приплыл сюда 21 июля, это Архипово зимовье. Оказалось, что здесь 10 лет тому назад охотился один из его подводчиков мангазейский казачий сын Кузьма Финогенов сын Потапов. Ученый подробно описал это зимовье и отметил, что так обычно выглядели и другие зимовья. «Эти зимовья обычно состоят из одной черной комнаты, 4 аршина высотой, в которой по обеим сторонам широкие лавки,

как [их] обыкновенно делают в татарских хижинах, на которых они сидят и лежат. Под лавками пустое пространство и голая земля, потому что они все свои принадлежности спускают туда как бы в подвал. Печь, построенная из скальника и глины, стоит в углу избы. Окна на почти такой высоте как лавки, менее $\frac{3}{4}$ аршина над полом. Если печь разжигают рано утром, то дым стоит немного выше окон или 1 аршин над полом, как облако, так что им приходится лежать на лавках и ждать пока вытягивается дым из отверстия для дыма, которое открыто в середине потолка. После этого там тепло как в бане, так они могут себя достаточно защищать от холода.

Вокруг этих черных комнат снаружи есть 3–4 срубленных из бревен длинных ящика 2 сажени длиной, $\frac{1}{2}$ сажени шириной и 1 аршин высотой, в которых собаки, которых они всегда должны были вести с собой, находят убежище от холода. Вокруг, всякий раз, когда очень холодно, разводят костры, хотя, несмотря на это, собаки все равно часто замерзают, и их находят в этих ящиках мертвыми» (II. 99).

Со слов Потапова Д. Г. Мессершмидт описывает занятия охотников. «Самый сильный мороз держится с середины декабря до середины января, поэтому они ничего не могут делать кроме домашней работы — рубить дрова, печь хлеб и тому подобное. Когда холода спадают, они первым делом выходят на своих лыжах или снегоступах на ловлю соболя. Так, в вышеупомянутую зиму 1713 года они поймали около 10 соболей, стоимостью 15 рублей каждый, еще 3 росомахи по $1\frac{1}{2}$ рубля, что составляло сумму 150 рублей. Других диких животных, например, медведей, волков, рысей, лис и тому подобное, а также горностаев, которые мало попадаются в скалистых горах, они ничего не убили» (II. 99).

На следующий день, 22 июля, экспедиция проплывает Фарковское и Ипатово зимовья и оказывается у устья р. 1-й Качисмы (совр. название Нижний Кочечумо, 1 068 км от устья) (II. 100), а 25 июля зимовье Переломное (у р. Верхний Кислокан, 1 159 км от устья).

Группа зимовий, которые он проплыл с 7 июля, располагалась на протяжении примерно 640 км в нижнем течении Нижней Тунгуски.

У устья Илимпей Д. Г. Мессершмидтом названо «Казачье зимовье» (II. 104). Ясачное зимовье известно здесь еще с 1627 г. [24]. Потом на его маршруте встретилось еще только одно Казачье зимовье. Это было уже в октябре на р. Лене выше устья р. Турукай (II. 146).

С 5–6 августа экспедиция опять проходит горную и лесистую местность. Здесь Нижняя Тунгуска прорезает несколько хребтов, русло ее извилистое, берега высокие, Д. Г. Мессершмидт называет несколько заметных скал и яров, гор. И 6 августа он у Крестового зимовья недалеко от устья р. Ларивонихи (совр. название р. Колокит, 1 554 км от устья) (II. 110). 7 августа Д. Г. Мессершмидт останавливается у Нижнего Пеньиного зимовья, или 1-го Пеньиного зимовья (II. 111), 13 августа — ученый у Новосельского зимовья (II. 115), 17 августа — у 2-го Пеньиного зимовья или Верхнего Пеньиного зимовья (II. 116) и 23 августа приплывает к устью Верхней Кочёмы (2 063 км от устья) и к стоящему здесь зимовью (II. 120). Эта группа зимовий располагалась на протяжении примерно 510 км.

О Пеньиных зимовьях следует сказать подробнее.

В берлинском издании их названия записаны как Pen'ino, а в описании маршрута экспедиции» Hodogeticum sibiricum («Сибирский путеводитель»), который включен в главную рукопись Sibiria perlustrata, их названия записаны иначе — Penjina Simowia [25].

Такое несовпадение не влияет на запись при транслитерации, так как сочетание букв «jí» также записывается буквой «ъ».

Несмотря на то, что буква «d» в названии зимовий отсутствует, можно утверждать, что здесь речь идет о зимовьях, названия которых произошли от имени (или прозвания, или фамилии) Пенда (Пянда), и это Пендинские зимовья, а «Пеньины» — так называл их информатор Д. Г. Мессершмидта, поскольку все русские названия путешественник записывал со слов.

Этот вывод основывается на следующем.

Рассказ о мангазейском гулящем человеке Пенде услышал в Якутске в 1736 г. от потомков мангазейских казаков участник академического отряда Великой Камчатской экспедиции И. Г. Гмелин. Казаки рассказывали, что Пенда организовал отряд и впервые вышел на Лену с Нижней Тунгуски через Чечуйский волок. Этот рассказ лег в основу исследования известного археолога и историка А. П. Окладникова, который опубликовал статью «Пенда — забытый русский землепроходец XVII века» [26]. Окладников пришел к выводу о том, что Пенда и его спутники — это не вымышленные герои казачьего фольклора, а реальные люди, первыми еще в 1620-е гг. побывавшие на Лене в землях якутов. А. М. Окладников не раз возвращался к этой теме. Приведем соответствующую запись из дневника И. Г. Гмелина, воспроизведенную Окладниковым в книге «Открытие Сибири»:

«Пенда, некий русский гулящий человек, хотел с 40 человеками частью в России, частью в Сибири собравшегося народа искать свое счастье в Сибири, ибо он так много о захвате земель слышал и свое имя, тоже как и другие, о чьих больших делах рассказывали, хотел сделать знаменитым.

Он приходит на Енисей, идет по нему вниз до Мангазеи, слышит там, что Нижняя Тунгуска, которая невдалеке выше в него впадает, очень заселена чуждыми народами и что против ее начала есть другая очень большая река, по которой тоже много наролов живет. И вскорости он решает идти вверх по этой реке и всю эту страну исследовать.

Он строит себе необходимое для этого число судов, но в первое лето доходит не далее чем область Нижней Кочомы реки. Вслед за тем тунгусы преградили ему дорогу сваленными через реку многими могучими деревьями и не пропустили его суда.

Он должен был, таким образом, решиться провести зиму в той же самой области, для чего он и построил себе хижину, чтобы жить в ней, которая еще и в настоящее время известна под именем Нижнего Пендина зимовья. Тунгусов, однако, не остановила даже и хижина, и они делали частые набеги на нее. Но Пенде было нетрудно отгонять их обратно огнестрельным оружием, которым он был вооружен, так часто, как он этого хотел, поскольку они не имели ничего другого, кроме лука и стрел.

Следующим летом он отправился опять на суда. Но чем далее тунгусы прошлой зимой были им отогнаны назад и чем более они узнавали его силу, тем более считали они в высшей степени необходимым препятствовать во всех его предприятиях, чтобы он не мог приблизиться к ним еще ближе и стать полным хозяином над ними. Они мучили его так, что он летом никак не мог дойти до Средней Кочомы и был вынужден снова остановиться и построить хижину, в которой прожил всю зиму. Она известна под именем Верхнего Пендина зимовья.

Тунгусы увидели, что они ему ни на воде, ни в его хижине ничего сделать не могут. Они оставили его в его зимнем лагере в покое и, как он третьим летом опять вверх шел, не мешали ему нимало» [27].

Окладников цитирует и Г. Ф. Миллера, ссылаясь на его «Историю Сибири»: «Пенда, или Поянда, промышленный человек из России, отправился в старые времена из Туруханска водою вверх по Нижней Тунгуске с собранными из разных мест 40 человеками, желая открыть новые земли. В первое лето он дошел до речки Нижней Кочомы, где тунгусы загородили реку, навалив в нее множество деревьев. Так как он не мог пройти дальше на своих судах, он построил там зимовье, которое до сих пор известно еще под названием Нижне-Пендинского зимовья. Зиму он провел за соболиной охотой, а когда тунгусы делали попытки напасть на него, он без труда прогонял их огненным боем. Следующей весной, когда полая вода снесла сделанную тунгусами преграду, он снова двинулся в путь на своих судах, но встретил такое сильное сопротивление, что это лето и всю зиму ему пришлось провести в тамошних местах. Свидетельством этому якобы служит построенное им в расстоянии всего ста верст от предыдущего, недалеко от устья речки Средней Кочомы, Верхне-Пендинское зимовье.

Наконец, третий год был для него настолько благоприятным, что он достиг той части реки Тунгуски, где от нее шел небольшой волок на реку Лену, который назывался Чечуйским волоком, по реке Чечую, впадающей в Лену» [28].

Теперь обратимся к ориентирам из дневника Д. Г. Мессершмидта.

6 августа он проходит р. Колокит (Ларивониху), а 7 августа он у Нижнего Пеньиного зимовья, стоявшего на правом берегу Нижней Тунгуски. По координатам Д. Г. Мессершмидта ($63^{\circ}9'$), это северная излучина Нижней Тунгуски и зимовье находится в восточном плече этой излучины в 1 км выше впадения в нее справа р. Могды́ (1 568 км от устья Нижней Тунгуски).

8 и 9 августа Д. Г. Мессершмидт дважды определяет местоположение между Нижним Пеньиным зимовьем и Дурновым островом, 10 августа проходит Дурнов яр (скалу). Следующие измерения широты он проводит 14 августа, не называя это место, а 15 августа вновь определяет координаты и называет это место Кокшарова щека. «Щека» — это крутой скалистый берег реки. Такое место там действительно есть в небольшой излучине в 6 км выше р. Катанги (1 821 км от устья Нижней Тунгуски). 16 августа Мессершмидт рано утром проходит устье Нижней Кочёмы (1 846 км от устья Нижней Тунгуски). Расстояние между местом Первого (Нижнего) Пеньиного зимовья (р. Могды́) и Нижней Кочёмой — 259 км. 17 августа Д. Г. Мессершмидт находится у Верхнего Пеньиного зимовья (правый берег), определяет его координаты 62° . Расстояние от Нижней Кочёмы до указанного им места Второго (Верхнего) Пеньиного зимовья — примерно 45 км. А 18 августа проплывает устье Средней Кочёмы (1 918 км от устья), определяет координаты $62^{\circ}10'$, что соответствует действительным координатам места впадения Средней Кочёмы в Нижнюю Тунгуску.

По координатам Д. Г. Мессершмидта, расстояние между Первым (Нижним) Пеньиным зимовьем (р. Могды́) и Вторым (Верхним) Пеньиным зимовьем (45 км выше устья Нижней Кочёмы) составляет примерно 300 км, или около 141 старых 1000-саженных верст. По рассказам мангазейцев, между зимовьями Пенды примерно 100 старых верст и эти зимовья располагались в районе речек Нижняя Кочёма и Средняя Кочёма.

Следовательно, район расположения зимовий по дневнику Д. Г. Мессершмидта и район расположения зимовий по рассказу мангазейцев совпадают. Что касается расхождения в расстояниях между зимовьями (по легенде мангазейцев — 100 верст, по Д. Г. Мессершмидту — 141 верста), то этой разницей можно пренебречь, поскольку мы определяли расстояние по современным топографи-

ческим картам, используя координаты Д. Г. Мессершмидта, а мангазейцы рассказывали легенду более чем через 100 лет после самого похода Пенды, расстояния же тогда измерялись в днях пути, а если в верстах, то очень приблизительно.

Во всяком случае, такое сходство названий зимовий и расположение этих зимовий в тех же местах, о которых говорили мангазейцы, не может быть просто случайным совпадением.

Таким образом, в дневнике Д. Г. Мессершмидта содержатся **самые первые документальные сведения**, подтверждающие достоверность рассказа мангазеев о Пенде, по крайней мере, в части его похода вверх по Нижней Тунгуске. Отсутствие в исторической литературе сведений из дневника Д. Г. Мессершмидта об этих зимовьях подтверждает тезис о слабой изученности научного наследия ученого.

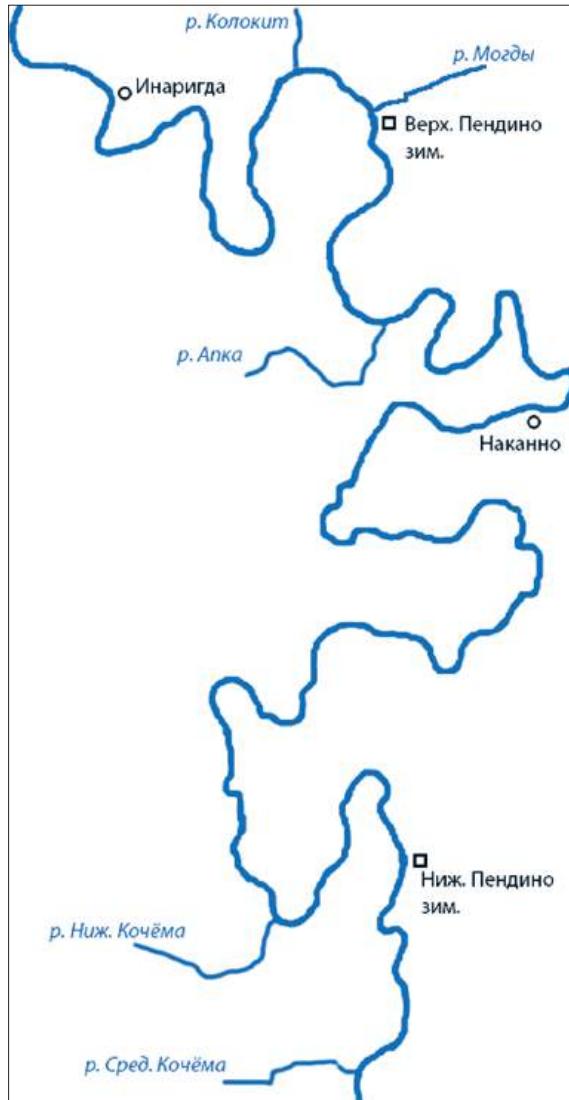
Следующая группа зимовий находилась выше устья р. Непы. Этот район осваивался русскими одним из первых на Нижней Тунгуске, сюда с 1640-х гг. приходили не только из Мангазеи, но и с Лены.

10 сентября экспедиция проплыла Ружников бор (около 2 514 км от устья) и Логиново зимовье (П. 130), 11 сентября он проходит устье р. Болванихи (совр. название р. Болванинка, 2 534 км от устья) и Панкратино зимовье (П. 131) (позже здесь возникла д. Соснина), 12 сентября — Трофимово зимовье (П. 132). И опять повсюду местность горная, поросшая пихтами, лиственницей, рябиной, елями, бересой. Также много ивняков, «в которых должно обитать очень много лосей и оленей» (П. 132).

Эта группа зимовий располагалась на протяжении примерно 60 км.

В этих местах Д. Г. Мессершмидт находит ловушки на животных и дает их описание.

«Я рассматривал капканы для диких животных, которые здесь повсюду были расставлены, и которые русские называли пасть, в которые они ловят волков, росомах, лис, рысей, также, видимо, соболей и тому подобное. Они

Карта-схема расположения
Пендинских зимовий

Ружников бор. Фото 2017 г.
Из архива автора

строились из 10 или 12 молодых деревьев, толщиной в руку и 14–15 футов длиной, которые сложены рядом друг с другом в нору и в конце закреплены поперечным бревном. Над этой норой капкан сложен из такого же количества молодых деревьев таким же образом, и их передние тяжелые концы закреплены длинным поперечным бревном, которое выступает с одной стороны под прямым углом. Стороны этого капкана как бы огорожены короткими палками или дубинками, что и есть все устройство полностью. То есть, когда необходимо его расставить, поднимают передний край капкана так высоко, насколько предполагают нужным, и закрепляют его с рычагом, действующим в противоположном направлении, который изготовлен из тонкого дерева, на высоту 2–3 фута к точке фиксации, от него же более короткое плечо подпирает пасть капкана. От края длинного плеча свисает веревка вниз до норы, и на ней прикреплена деревянная рейка или дощечка, в середине которой круглая дырка толщиной с большой палец, через которую просунут деревянный гвоздь, который опирается на боковую перегородку капкана. На просунутый конец гвоздя, который изнутри достает до норы, наматывается немного сырого мяса в качестве приманки, при малейшем движении которой гвоздь сразу же выскакивает и приводит в движение рейку, и таким образом дальше дает рычагу капкана свободный ход вниз» (П. 131–132).

Выше урочища Красная Сосна он находит в лесу ловчую яму. «В этом лесу я также нашел звероловную яму в периметре 40 футов по поверхности земли или 10 футов глубиной, длиной и шириной, боковая стенка которой внутри была прочно укреплена, сверху у нее был борт примерно 1 фут шириной, так что выходное отверстие сверху было немного уже. Поперек лежала тонкая палка примерно в 3 пальца толщиной и две более широкие, на которых параллельно лежали тонкие доски, чтобы скрыть яму, на которых на самом верху лежало немного разбросанной рыхлой земли и на ней трава тонким слоем вместе с несколькими сухими тонкими кустиками, которые не имели веса. Как только дикие животные — лось, медведь, волк и т. д. — захотят по ней пройти, ломается срединная палка, и дикое животное падает вниз вместе с настилом и никогда больше не сможет выбраться» (П. 133).

Д. Г. Мессершмидт всегда обращал внимание на занятие местных жителей охотой. Вот характерная запись в дневнике, сделанная 4 октября: «У Дядиной Зaimки оказалось много тетеревов, и крестьяне на расстоянии 100 шагов устанавливали более 15–18 капканов. Про это я писал еще 21 сентября 1722» (П. 148). Тогда он находился на Енисее у д. Бельк ниже Абаканского острога и описал устройство стоявших там ловушек на тетеревов, но рисунок отсутствует [29].

Находясь в Верхоленске, 6 декабря Д. Г. Мессершмидт подробно записал рассказ одного крестьянина о повадках кабарги и о том, что в летнее время «самца можно очень легко поймать с помощью березовой приманкой дудки, поскольку они подбегают почти до охотника, думая, что слышат своих оленят. Но по какой причине самка не следует за этой приманкой дудкой, он не знал» (П. 176).

У деревни Сосниной. Фото 2017 г.

Из архива автора

Во время своего путешествия по Нижней Тунгуске Мессершмидт дал описание заимок русских крестьян. Первая такая заимка встретилась на пути ученого 27 августа (П. 122) и называлась она Осипова заимка. Это селение позже стали называть Оськино. Здесь Мессершмидт заночевал. Он пишет: «Около Осиповой заимки... я был вынужден заночевать из-за подводчиков, которые хотели запастись новой провизией» (П. 122). Подробностей нет, но в дневнике отмечено, что около заимки было поле. Возможно, подводчики могли купить на этой заимке муку, ведь со времени начала путешествия прошло более двух месяцев, а хлеб для русского человека был основным продуктом питания, без него он не мог долгое время обходиться. Позже ученый вновь писал об этой заимке и назвал ее «Осипова пашня», а также с явным осуждением расточительного отношения к природным богатствам отметил, что Осипова пашня «минувшей зимой наловила и засолила столько рыбы, что потом им пришлось выкинуть большое количество в навоз» (П. 125). Так как Д. Г. Мессершмидт говорит именно о пашне в этом месте, то мы получаем сведения о существовании самого северного в Сибири в то время пашенного хлебного земледелия (д. Оськино находится на широте 60°48'). Попытки завести хлебную пашню в районе Якутска, предпринятые в XVII в., были в это время уже оставлены.

Напротив р. Ерёмы тогда была заимка государственного крестьянина Якова Фаркова, а позже это д. Ерёма. Д. Г. Мессершмидт с удовольствием пишет: «И здесь я обнаружил прекрасную пашню со сжатой рожью, которая еще стояла в снопах и уродилась на славу. Дальше вглубь было поле репы с красивыми, крупными круглыми репами... некоторые из которых я запек для себя в золе. Таким образом, можно было видеть, что здешний климат намного дружелюбнее и мягче, чем в Мангазее, где ничто не может достичь спелости». На озере за заимкой Д. Г. Мессершмидт видел несколько мереж или морд (П. 125).

Петер Кратц, слуга и переводчик, расспросил Якова Фаркова, и тот рассказал, «что за такие пашни или усадьбы, организованные в пустынных местах, такой как этот Яков Фарков и также другие должны вносить годовую пошлину 7 рублей Его Императорскому Величеству, чтобы свободно сеять и собирать урожай или заниматься земледелием.

Но кроме земледелия, то, что им приносит в 3–4 раза больше рублей, это занятия охотой на соболя и диких зверей. Так за одну зиму каждый убил 100–130 северных оленей и лосей, без учета соболей, росомах, волков, рысей, зайцев и тому подобное, что привело к тому, что дикие звери стали настолько редкими, что через несколько лет будет больше не найти никаких следов диких зверей. С рыбным промыслом дело обстоит точно так же» (П. 125). И вот здесь он как раз и привел для примера, как на Осиповой пашне выбросили засоленную рыбу в навоз.

Как видим, уже тогда Д. Г. Мессершмидт опасался, что такое хищническое отношение к природе подорвет ее силы. Надо сказать, что его опасения не были беспочвенными. Основу хозяйствования тунгусов, основу самой их жизни составляла охота на диких копытных животных. Тунгусы, в отличие от русских земледельцев, не могли выжить без мяса, они кочевали с целью поиска таких мест, где концентрация копытных была выше. И массовая добыча зверя русскими, имевшими огнестрельное оружие, вполне могла угрожать голодом для тех семей тунгусов, которые жили в окрестной тайге.

Д. Г. Мессершмидт дает первое описание и других русских заимок. Это пашня Туруханского Троицкого монастыря (позже здесь образовалось с. Преображенское), куда он приплыл 5 сентября: «Это маленькая усадьба в хозяйстве

Троицкого монастыря... состоит из 3 домов, в одном из которых живет старец (отшельник) или инок (монах) и который сменяется каждые 2 года для проведения инспекции земледелия. В остальных живут 4–5 крестьян, занимающиеся хлебопашеством. Но урожая это приносит очень мало, и он составляет меньше 25 Tschetwerik (четвериков. — Ю. Ч.) ежегодно. Свекла и капуста тоже не хотят выходить, так что они тоже редко доходят вниз до Монастыря, а по большей части потребляются работниками, как и почти все 20 пудов муки в расчете на одного человека ежегодно... чуть выше стоит симпатичная мельница, которая принадлежит Троицкой заимке». Дальше опять на противоположном берегу была государева пашня, а еще выше д. Калинина (II. 127, 128).

Через два дня экспедиция добирается до Даниловой пашни (здесь потом была д. Данилова) и 16 сентября приплывает к началу Чечуйского волока на нижне-тунгусской стороне, здесь заимка Васильева Подволовочная (сейчас это с. Подворошино Катангского района Иркутской области, около 2 672 км от устья) (II. 129, 134). У этой заимки Мессершмидт видел поле, но оказалось, что там «смотреть больше было нечего, здесь был только большой участок земли полон колоса. Но из-за чрезвычайно холодной погоды, которая стояла здесь в этом году, семена пропали и не смогли прорости, и колос был без зерен или пустоколосица» (II. 135).

Д. Г. Мессершмидт хотел было отправиться еще выше по Нижней Тунгуске и добраться до следующего волока на Лену, который назывался Прокопьев волок, и расстояние до Лены через который «не более 10 старых верст», но добраться до этого волока было очень трудно из-за совершенно мелкой Нижней Тунгуски, где даже каюки постоянно садились на мели. Со слов местных жителей и своего проводника Василия Смирнова Д. Г. Мессершмидт записал подробности пути до этого волока. От Васильевой Подволовочной надо было сначала подняться примерно 60–70 верст до заимки Голых, а потом еще 15–18 старых верст до Прокопьевой заимки (II. 134–135). Из этого описания мы узнаем наиболее ранние сведения о самых верхних русских селениях на Ниж-

*Вид на село Подворошино с дороги от Нижней Тунгуски на Лену
(бывший Чечуйский волок). Фото 2017 г. Из архива автора*

ней Тунгуске, где во второй половине XVIII в. поселили пашенных крестьян и возникли деревни Нижняя Карелина (займка Голых) и Верхняя Карелина (Прокопьевая займка).

В дневнике есть запись, из которой следует, что интересы Киренского Троицкого монастыря распространялись и на пушной промысел, а монастырские крестьяне вели промысел на далекой территории Мангазейского ведомства.

11 сентября у Панкратина зимовья Д. Г. Мессершмидту повстречались двое крестьян Киренского Троицкого монастыря, идущих на промысел. Они рассказали, что «их зимовье, куда они ходят, находится на левом берегу речушки Ика, которая впадает с севера с левой стороны по течению Непы, переправа через которую занимает примерно один день. От устья Ики до устья Непы они ходили 2–3 дня вниз и 7–8 дней вверх, но вершину Непы они не знали, потому что так далеко промышлять они не ходили. Их промысел состоял из больших и красивых росомах, лис, изюбров или оленей, которые часто сами пропадают, лосей, белок, волков, зайцев и тому подобное. Косуль здесь совсем не бывает, из-за глубоко снега, кабарги тоже не бывает, но она часто встречается возле Киренска на Лене в скалистых горах. Они подарили мне из своего запаса (провианта) примерно 20 кренделей и распрошались» (П. 131). Тот район, где промышляли монастырские крестьяне, совсем еще не был освоен русскими. Только почти через 100 лет Киренским уездным судом на р. Непе даны были земли под пашню киренским государственным крестьянам Кузаковым, и там появились постоянные русские деревни Токма и Бур, а в середине XIX в. и д. Ика недалеко от устья той самой речушки.

Теперь вслед за Д. Г. Мессершмидтом перейдем на Лену, куда путешественник вышел 21 сентября у Государевой мельницы (устье р. Бобошиной).

Сборы заняли один день, и 23 сентября на рассвете двинулись дальше вверх по реке на трех каюках теперь уже на конной тяге, имея с собой еще и маленькую лодку для плавания команды через реку. В одном каюке находились Д. Г. Мессершмидт, кормщик, он же проводник, и шесть гребцов. Второй каюк шел с багажом путешественника, провиантом, кухней и т. д., вели каюк один кормщик и четыре гребца. Третий каюк вез «денщика с провиантом и со шкурами подводчиков, которые из-за вшей нельзя было вместе с моими вещами положить», в нем один кормщик и два гребца. Всего в команде было 15 человек (П. 140).

Д. Г. Мессершмидт очень торопился, чтобы успеть в Верхоленск до ледостава. В дневнике теперь совсем короткие записи, отмечаются речки, заметные скалы, утесы, острова и другие приметные места, перечисляются займки, деревни, указывается пройденное за день расстояние, иногда измеряется широта местности.

Несмотря на скучность записей, все же есть материалы исторического и этнографического характера. 24 сентября напротив речки Черепанихи Д. Г. Мессершмидт записал: «Здесь до середины реки плавают в лодках для ловли харисса, а русские еще часто здесь собирают черемшу или медвежий лук» (П. 141).

Речка Бобошина. Где-то здесь
была Государева мельница. Фото 2017 г.
Из архива автора

В этот же день совсем короткая запись о Киренске: «Киренский погост состоит из 20–30 курных изб, симпатичной церкви с колокольней. Здесь приказчиком был Петр Игнатов сын Максимов, направленный Илимским приказчиком, а подчиняется он Иркутску» (П. 141). От Киренска подводчиков поменяли.

О ценности дневника для историков и краеведов можно судить по записи, позволяющей уточнить формирование территории нынешнего города Усть-Кута.

В ночь с 29 на 30 сентября 1723 г. Д. Г. Мессершмидт ночевал немного ниже ручья Брагин. 30 сентября у него в дневнике запись: «Устье Брагина (пр), дер. Мельничная (л), Усть-Кутский Острог (л)» (П. 145). Ручей Брагин и сейчас впадает в Лену справа в черте города; вдоль него в верхнем конце поселка ремонтно-эксплуатационной базы флота идет одноименная улица. О существовании деревни с названием Мельничная **это первые документальные сведения**. Утром двинулись дальше: «Рано утром все было белое от инея и вершины гор тоже были покрыты туманом и облаками. В 6 $\frac{3}{4}$... прошли мы... плесо — ровное, открытое место на реке или местность или место в потоке, которое здесь называют осетринная тоня или осетровая ловля, хотя сегодня ни здесь, ни выше нет никаких следов присутствия осетра» (П. 145).

В берлинском издании запись за это число неполная, о чем говорит многочленное, которым редакция отмечала пропуски текста, и неточная. Разобраться помогает содержание оригинала рукописи. Весь текст таков:

«Мы повернули опять на запад-тень-юг; шли в 8 $\frac{1}{4}$ ч. Румбом юг-тень-запад, но в 8 $\frac{1}{2}$ ч. Больше на запад-тень-юго-запад, прошли маленький порог на енисейской стороне, где я вышел на берег, чтобы идти впереди пешком. Здесь я обнаружил хорошие пахотные земли и часовню, в которой я увидел установленный большой деревянный крест с Распятием Христа с прикрепленным армянским платом Спаса Нерукотворного. Это меня очень удивило, потому что по строгому Указу Его Величества (*смотреть от 13 февраля 1723 года*), который так плохо выполняется, запрещено возводить часовни. В 8 $\frac{3}{4}$ ч. курс опять

Устье р. Таюры. 2016 г. Из архива автора

Место слияния Куты и Лены. Фото 2015 г. Из архива автора

был на запад-тень-юг и в 9 ч. прямо на запад, и здесь дошли до Усть-Кутского Острога, состоящего из одного Приказа (это приказная изба. — Ю. Ч.), одной церкви и 10 жилых курных изб на Енисейском берегу Лены, располагающихся на левом берегу потока Куты довольно-таки справа, в непосредственной близости от устья. Здесь были поменяны Podwoden (подводы. — Ю. Ч.) и переведены на другую сторону через поток (р. Лену. — Ю. Ч.), на что ушло $\frac{1}{2}$ часа; 9 $\frac{1}{2}$ ч. Отшвартовались от Кутского Острога и направились прямо на запад; в 9 $\frac{3}{4}$ ч. Мы уже повернули на запад-тень-юг, и прошли здесь Куту-реку, которая впадает сюда с енисейской стороны, образуя довольно широкую дельту с маленьким островом в виде холма» [30].

Из записи в дневнике следует, что между р. Брагиной и Усть-Кутским острогом была д. Мельничная. Ручей Мельничный и сейчас протекает в Усть-Куте. Сравнение румбов движения, указанных Д. Г. Мессершмидтом, с расположением русла Лены в этом районе, исследование этого же места в «Описании реки Лены» 1736 г. И. Яхонтова («Описание» подписано переводчиком академического отряда Великой Камчатской экспедиции, но это результат коллективного исследования ученых отряда) [31], а также изучение сведений 1699–1701 гг. из «Дозорной книги» Илимского воеводы Ф. Р. Качанова [32] позволяет установить, что указанная Д. Г. Мессершмидтом деревня как раз и находилась возле сохранившегося до сего времени одноименного ручья и была она на месте существовавшей еще с 1655 г. залежки. Немного ниже устья ручья Мельничный на р. Лене было место, называвшееся «осетринная тоня» (т. е. место ловли осетров). Сейчас здесь городская застройка, примерно напротив «тони» на берегу Лены здание вокзала Осетровского речного порта.

И самое главное: между ручьем Мельничный (есть автобусная остановка Мельничный ручей) и Усть-Кутским селением (острогом) стояла на ленском берегу часовня во имя Спаса Нерукотворного. Скорее всего, часовня стояла на пашнях д. Мельничной. И это единственное документальное сведение о еще одном культовом сооружении начала XVIII в. на территории нынешнего города.

Запись о часовне нуждается в комментарии. Говоря о ней, Д. Г. Мессершмидт употребил словосочетание «armenische Schweißtuch». Здесь второе слово является церковным или библейским термином и переводится «пелена», «плат» или «плащаница». Каждое из этих слов означает изображение Иисуса Христа на ткани. Такое смысловое значение этих слов связано с возникшей в VII–VIII вв. легендой о том, что когда римские легионеры по приказу римского наместника в Палестине Пилата вели на казнь Иисуса Христа, некая жительница Иерусалима Вероника сжалилась над ним и дала платок, чтобы Спаситель отер пот и кровь со своего лица. На платке чудесным образом сохранился Нерукотворный Образ. Этую христианскую святыню стали называть «плат Вероники». Содержание легенды вошло в латинскую повесть «Смерть Пилата».

Тот Святой Лик, что остался на плате Вероники, и стал прообразом изображений Иисуса Христа для последующих иконописцев Западной Европы, множество раз повторялся. В русской православной традиции такой образ называется Спас Нерукотворный и изображается на фоне, символизирующем именно плат, ткань. Самой известной иконой, считающейся первым изображением Святого Лика на фоне платы, является икона, нарисованная на кедровой доске и хранившаяся в Генуе в церкви Святого Варфоломея Армянского. Эта икона в XVIII в. до наполеоновских войн в Европе раз в году выставлялась на всеобщее обозрение.

Очевидно, что Д. Г. Мессершмидт, сам глубоко верующий и образованный человек, прекрасно знал и латинскую легенду, и об иконе из храма Святого Варфоломея Армянского. Представляется, что поскольку в России Мессершмидт уже не раз видел образ Спаса Нерукотворного именно на фоне платы, как он и показан на иконе в церкви Святого Варфоломея Армянского, поэтому он и употребил словосочетание «armenische Schweißtuch», чтобы дать немецкому образованному читателю, знающему о Святом Лице в Генуе, представление о том, какой именно образ Спасителя был обнаружен в сибирской часовне.

Об указе о сносе часовен есть запись в дневнике от 13 февраля 1723 г. Тогда Д. Г. Мессершмидт зимовал в Красноярске: «Сегодня из Енисейска опять пришли новые Указы, а именно, что все часовни или молельни на сельских дорогах должны быть снесены, все церковные дворы очищены, и не должно больше находиться никаких надгробий или домиков, в которых оплакивают умерших у могил» (П. 18).

Из дневника, кроме того, становится ясно, что бечевник шел не по левому берегу Лены, где у левой протоки Куты стоял острог, а по противоположному. Именно там, за рекой Леной, напротив острога, поменяли лошадей и подводчиков. Значит, где-то здесь был брод через Лену, хотя сам станок находился в Усть-Кутском селении, за рекой.

Всего по Лене до Усть-Илги и дальше по санной дороге до Иркутска Д. Г. Мессершмидт назвал 140 слобод, деревень, заимок, бурятских юрт, зимовий и указал в некоторых из них количество жилых и нежилых домов.

Там, где ученый останавливался на несколько дней или хотя бы на несколько часов, он старался собрать сведения об окружающей местности и о занятиях местных жителей. Например, 3 декабря на заимке Петрова, находившейся выше погоста Тутура, он расспрашивал крестьян. Оказалось, что «они были земледельцами и никогда не занимались промыслом и дикими животными» (П. 173). А остановившись 4 декабря в Верхоленске, он «незамедлительно» велел привести назначенного к нему служивого, расспросил его об окружающей местности и животных в здешних местах. Служивый рассказал, что в округе встречаются

Карта-схема «Усть-Кут в конце XVII — первой трети XVIII в.»

кабарга, волки, лоси и олени, росомахи и лисы, а вот «соболей их братья всех выловили, и было редкостью найти хотя бы одного» (П. 174–175). Внимание Д. Г. Мессершмидта привлекли 8 декабря проезжавшие через Качуг «4 или 5 саней из погоста Илги или Знаменской, чтобы привести рыбу с Байкала», и отсюда он узнал, что этой рыбой пользовались «все близлежащие населенные пункты» (П. 177). Факт довольно неожиданный, учитывая, что и р. Лена не была бедна рыбой, хотя и не омулем.

Во время своего путешествия Д. Г. Мессершмидт неоднократно подчеркивал, как трудно ему было жить и работать в курных избах ленских жителей. Такие избы отапливались печью, не имевшей трубы, дым заполнял избу и оседал копотью на потолке и стенах, выводили его, открыв дверь или через специальные волоковые окна в верхних частях стен.

В Усть-Илге ему предоставили новопостроенную курную избу, которую еще ни разу не протапливали, но он отказался в ней жить «из-за угар, который бывает в новых домах, а для немецких голов это очень опасно» и предложил поселить его «в часовне, которая согласно Указу... должна быть снесена и стояла пустая [33]. Приказал навести в ней порядок, открыть окна, протопить ее, что сразу же было сделано» (П. 151).

И все же «утро застало меня, — пишет Д. Г. Мессершмидт, — в моей квартире, в которой чувствовался сильный угар, с такими сильными головными болями и головокружением, что я был не в состоянии встать с кровати и заниматься чем-либо». Д. Г. Мессершмидт обратил внимание на то, из чего строились в Усть-Илге печи: «на реке Илга... весь берег был полон тонких, отшелушившихся от горной породы пластин разной величины, которые местные жители усердно собирали и использовали для строительства печей потому, что ни к чему другому эти пластины более не пригодны» (П. 153). И опять он жалуется: «Моя квартира была в очень жалком состоянии, в ней было темно, душно и чувствовался угар. Поэтому меня снова беспокоили сильные головные

боли, и я вынужден рано лечь спать, потому что был не в состоянии ни читать, ни писать», — запись от 14 октября в Усть-Илге во время проживания в часовне (П. 155). И вновь 21 октября: «В послеобеденное время я настолько угорел в моей квартире, которая была курной избой (от 8 октября), что мне пришлось лечь в кровать и прекратить мои труды» (П. 155).

Он приезжает в Жигалово 2 декабря, и здесь вновь приходится жить в курной избе. И вот как образно о тяготах работы в такой избе написал Д. Г. Мессершмидт: «В заимке Жигалова я расчленил сокола... Но заниматься этой анатомической работой в русских курных избах почти не было возможности, также как поселить художника миниатюрной живописи или часового мастера в дымовую трубу и требовать от первого изготовить миниатюру, а от второго английские карманные часы, потому что я почти уверен, что их работа, в том случае если им все же удастся проделать работу, она будет цениться намного больше и дороже в нашей культурной Европе, где работают в чистых, в специально отведенных помещениях» (П. 172). Очевидный намек на то, что его исследования в Сибири проходят в особых условиях и заслуживают более высокой оплаты.

9 декабря Д. Г. Мессершмидт прибыл в деревню Бирюльку, определил ее координаты, полдня расспрашивал местных жителей «о близлежащих населенных пунктах», реках, путях к Байкалу, т. е. занимался географическими исследованиями. «Ближе к вечеру меня так сильно охватил печной дым в моей курной избе (к чему я никак не могу привыкнуть), что я из-за головокружения и головных болей больше ничего не мог делать, и решил ехать дальше, пока не найду удобную горницу или чистую комнату», — пишет Д. Г. Мессершмидт (П. 179).

Особенно сложно было проводить анатомическую работу с тушками животных, не хватало освещения в таких избах. Требовались сальные свечи, но оказалось, что достать животный жир на Лене можно не везде. В Усть-Илге сала не было, Д. Г. Мессершмидт объяснял этот тем, что «у скота здесь из-за плохого пастбища в лесах и горах редко вырабатывается жир» (П. 162). 2 ноября ему пришлось дать денег знаменскому священнику, отправлявшемуся в Тутуру, и просить его достать там сала. 5 ноября пришли люди из Тутуры и принесли 9 фунтов нерастопленного жира. Однако этого количества хватило недолго, и вот когда, наконец, 26 ноября после долгих ожиданий ему доставили кабаргу, он не смог заняться ее вскрытием и описанием и с досадой записал: «В этом месте я ничего не мог предпринять, поскольку невозможно было достать сало для светильников, а я при древесных светильниках или русских лучинах смогу провести только плохое анатомическое исследование» (П. 169). Та же история могла повториться и в Верхоленске, где ему пообещали добить кабаргу. И путешественник предусмотрительно отметил в дневнике: «Здесь также было не раздобыть жира для свечей, потому что русские пекут на жиру пироги и привыкли их кушать с особым аппетитом» (П. 175).

Не часто, но все же удавалось пожить в лучших условиях. У ленских жителей бывали и горницы, т. е. избы с отдельными чистыми помещениями, отапливаемыми печью с трубой, выводящей дым наружу. В таких случаях их предоставляли путешественнику.

В первый раз он жил в горнице в Тутурском погосте (ныне с. Тутура Жигаловского района), куда прибыл 3 декабря. Здесь жилище ему предоставил тутурский поп. Это был зажиточный человек, он владел четвертой частью мельницы, отнесся он к Д. Г. Мессершмидту «с уважением и преподнес несколько куриц, немного хлеба и яйца». Квартира, которую поп предоставил

Д. Г. Мессершмидту, была «красивой горницей или комнатой на наш немецкий фасон, однако окна внутри были сделаны еще на русский лад почти 2 фута по диагонали, и так абсурдно вырублены, что, если ты хочешь выглянуть наружу из окна, приходится наклонять голову на 2 фута вниз. Печь была кубической формы, 8 футов в кирпиче, и достаточно большой, хотя она была построена из довольно красивых зеленых и синих и желто-лазоревых изразцов и имела симпатичный вид». Отделка печей изразцами в то время была редкой. Комфорт настолько понравился ученому, что он «украсил комнату Ephemerides calendarias (астрономический календарь. — Ю. Ч.) предстоящего нового 1724 года» (П. 173). То ли этот календарь был у путешественника с собой, то ли это подарок священника, не ясно.

О том, что подобные астрономические календари у ленских жителей бывали, свидетельствует запись от 18 декабря. Перед отъездом из Оёкской слободы приказчик Герасим Афанасьевич Соколов зашел к путешественнику попрощаться и подарил ему «календарь прошлого 1722 года. Это год из «Гамбургского календаря» Йохана Генриха Фойгта [34], переведенный на русский и напечатанный в Москве в ноябре 1721 года, в котором я увидел зачеркнутые два лунных затмения, но, к сожалению, слишком поздно» (П. 173). Этот фрагмент показывает, что в сибирской глубинке были образованные люди, даже интересующиеся астрономическими явлениями.

То, чем занимался немецкий путешественник, было понятно местным жителям, и они даже содействовали ученому в его поисках. Так, 29 сентября, когда Д. Г. Мессершмидт приближался к Усть-Куту, к нему пришел из Якутской заимки крестьянин Сазон Григорьев сын Роднин и принес «3–4 медных камня (он так считал, несмотря на то, что не хотел признаваться, что проверил это)» (П. 144).

Заметим, что это самое первое упоминание о медистых песчаниках в Приленье. Впоследствии в 70–80-х гг. того же столетия были предприняты попытки выплавлять медь из медистых песчаников и из медесодержащих глин в районе устья р. Таюры (Ключе-Воскресенский завод) и в районе выше Оренгской слободы (Троицкий завод), которые, впрочем, из-за малого содержания меди успехом не увенчались.

Вернемся к условиям проживания ученого.

В той же Оёкской слободе Д. Г. Мессершмидт с 16 до 18 декабря: «Дали горницу в качестве квартиры, окна в которой были, как и во всех курных избах, маленькие и очень темные», и ученый отметил, что заниматься в таких избах анатомией было невозможно (П. 184). Ни на холода, ни на дым он не жаловался, а так как был декабрь, то можно сказать, что эта горница отапливалась «по-белому».

А раньше, 4 и 5 декабря, т. е. сразу после Тутуры, он опять останавливался в горницах, сначала на однодворной заимке крестьянина Опушкина (на этом месте сейчас д. Тюменцева Качугского района), а потом в Верхоленске.

И в Иркутске, куда он прибыл 19 декабря, его квартирой стала «изящная теплая горница, но только с двумя окнами на северную сторону, остальные, к слову сказать, на восточной стороне были забиты гвоздями» (П. 185).

Приведем некоторые повседневные записи этнографического характера, одновременно показывающие взаимоотношения ленских жителей и путешественника.

Д. Г. Мессершмидт часто употребляет слово «подарил», когда пишет о принятых от русских людей продуктах, и с удовлетворением отмечает, что делать такие подарки — это русский обычай.

Вообще по контракту обеспечение Д. Г. Мессершмидта жильем, дровами, расходными материалами и припасами (включая еду), транспортом, оборудованием для экспедиции производилось за казенный счет. Поэтому эти «подарки» могли быть выполнением приказаний местных приказчиков крестьянам кормить путешественника, но он сам об этом не упоминал, а, наоборот, часто отдавался водкой. Водка выдавалась из казны (на эту поездку он получил ее еще в Енисейске) не только для обработки биологических материалов, но и для других нужд, в том числе и для поощрения людей, приносивших ему раритеты или сообщавших важные сведения. Поэтому в угождении крестьян водкой не было ничего крамольного.

9 октября в Усть-Илге он записал: «После обеда пришли жители Усть-Илги и по местному обычаю принесли мне гостинец: глухарей, яйца, хлеб и тому подобное, в ответ [я] налил им немного водки» (II. 152). От этих жителей Д. Г. Мессершмидт узнал путь от Усть-Илги до погоста Тутуры вдоль Лены, об истоках р. Илги, путь от Усть-Илги до Илимска и получил краткое описание самого Илимска.

Бывало и так, что обходились без угождения. 2 октября к нему пришли двое русских из заимки Седунова и подарили «2 курицы, хлеб и несколько яиц. Они сообщили, что от речки Иги, недалеко от Боярской Заимки есть симпатичный волок, идущий к реке Киренга» (II. 147).

Но было и так, что при встречах не удавалось получить никакой новой информации. Вот запись от 3 октября: «Около 11 часов... мы достигли погоста Орлинга ([состоящего] из церкви, колокольни и Приказа, относящегося к Илимску, и около 10 жилых домов), расположенного у устья речки Кухты на енисейском берегу (поднимаясь вверх по Лене, Мессершмидт ее левый берег называет енисейским, а правый ламутским. — Ю. Ч.), речка Кухта течет посреди погоста. Здесь поменяли подводы. Ко мне пришли приказчик и священник, одарили меня, как здесь принято, двумя курицами, хлебом, пивом и одним гусем. Мы их угостили чашей водки. Я задавал им разные вопросы, но они всегда отвечали "не знаю" или "Бог знает"» (II. 147).

Пока Д. Г. Мессершмидт почти два месяца жил в Усть-Илге (с 7 октября до 2 декабря), ожидая ледостава на Лене, чтобы двигаться дальше на санях, надо было запасаться провиантом.

12 октября к нему «с визитом» пришел приказчик Михайла Иванов сын Ипатьев из Знаменской слободы (сейчас это с. Знаменка Жигаловского района на р. Илге), от которой до Усть-Илги считалось тогда 21 старая верста, «и по местному обычаю, — пишет Д. Г. Мессершмидт, — подарил мне ягненка, немного хлеба, глухарей и тому подобное, и при этом с готовностью предложил свои услуги по организации дальнейшего путешествия», а также рассказал о местах, где побывал — о Камчатке, о Баргузинском остроге, о Нерчинском сереброплавильном заводе» (II. 153—154). 23 октября тот же приказчик прислал ему двух ягнят (II. 159). И через два дня этот же приказчик отправил с крестьянами несколько саней для предстоящего путешествия и еще четырех ягнят. Крестьяне рассказали о дороге на Иркутск, и Д. Г. Мессершмидт угостил их несколькими чашами водки. Продуктов, которые приносили, все же не хватало, а предстояло дожидаться санной дороги и ехать дальше. «Мои денщики из-за недостатка провианта выторговали в разных местах у жителей еду, так что теперь, наконец, мы нашли пропитание в этом захолустном месте», — записал путешественник в тот же день (II. 160).

Приведем пример радушия местных старожилов и их быта.

26 октября у одного из жителей Усть-Илги были именины и по этому случаю он принес Д. Г. Мессершмидту «блюдо пирогов, шаньгу и маленький рыбный пирожок в качестве подарка, помимо этого ведро пива», а тот налил имениннику «немного водки». И дальше Д. Г. Мессершмидт пишет: «Но я не ел подарок, а отдал его моим слуге и денщикам. Весь день в деревне были шум, крики, плач [рев] и кутеж, поэтому мне и в голову не приходило над чем-либо работать... Данила, денщик, весь день не был у меня дома, он уговаривался моим пивом» (П. 160).

Заметим, что Д. Г. Мессершмидт даже не намекнул на какое-либо осуждение русских. Он много лет уже был в Сибири и видел, что сибирский мужик-трудяга живет и пашет в труднейших условиях, занимается извозом, волочет суда по рекам, он далеко не бездельник и в нечастые праздники ему позволительно расслабиться. Да и Данила, хоть и драгун тобольский и уже полностью обученный денщик, но такой же русский мужик.

Конечно, появление в этих местах такого важного господина, с царской грамотой, охраной, да еще немца, о которых, наверняка, слышали на Лене, но вряд ли видели, было для местных жителей не рядовым событием. Можно представить себе любопытство, с которым относились к Д. Г. Мессершмидту, слушали его необычайную для русского слуха речь. А уж такие занятия, как сбор и описание растений, семян, изготовление чучел, вышивание шкурок разных птичек, и вовсе вызывали удивление. К тому же впервые в своей жизни (скорее всего, и в последний раз) русские мужики и бабы видели настоящего (!) доктора, врача.

В первый же день выхода на Лену у Государевой мельницы к нему обратилась за помощью местная жительница. «Старушка, которая получила астму со скоплением слизи горла из-за пьянства и водки, и которая просила у меня медикаменты, также подарила мне ягненка, немного яиц, молока и т. д. Но у меня не было лекарств, чтобы ей помочь, и тем более, потому что эти люди вообще не хотят придерживаться никакой диеты, а лопают слабительное, молоко, сыр, водку, лук и т. д. все сразу одновременно.

Между тем я порекомендовал ей мочегонные из смолы ели или страсбургского терпентина вместе с отваром из стробил или шишек пихты... при этом запретил ей водку и отправил ее домой».

А потом доктор вдруг делает нечто прямо противоположное своим рекомендациям: «Также, поскольку я не знал какую еще любезность сделать ей за ее подарок, кроме как дать ей плошечку водки, и она, невзирая на мой запрет, спокойно его приняла, особо не думая над тем, будет ей плохо или хорошо» (П. 138).

Наверняка после таких встреч еще долго говорили об этом.

Вот еще примеры встречи с важным гостем.

7 декабря путешественник прибыл в д. Качугу (совр. название Качуг), а уже 8 декабря «рано утром в Качугу пришли местные жители со всяческими продуктами приветствовать меня и принесли куриц, хлеб и масло и т. д., и все они были земледельцами и пришли из деревень округи в 10–20 верст (!), но о диких животных или других вещах они мне никакой информации дать не могли» (П. 177).

В Оёкской слободе ученый отдыхал и приводил в порядок свой журнал (журналом он называет дневник): «Около 11 часов несколько жителей пришли ко мне с хлебом и солью и сразу же предложили мне калмыцкую овцу и полчетверти быка, за что я дал им немного водки» (П. 184).

Д. Г. Мессершмидт в глазах местного населения представлял собою власть. Он действительно в силу царского указа обладал некоторыми властными пол-

номочиями, связанными с работой экспедиции. И ему представился случай на глазах у всех проявить себя в качестве облаченного властью начальника.

16 декабря по пути в Оёксскую слободу буряты пожаловались, что подводчики, шедшие впереди, «насильно забрали сено и корм, не расплатившись, и побили их кнутом, далее пригрозили им, что когда я сам доберусь сюда, разобью им головы, потому что я очень строгий, и было еще больше такого рода оскорбительных высказываний. Помимо этого они силой забрали лошадиную узду, не расплатившись». Д. Г. Мессершмидт сразу же приказал назвать ему виновных, уплатил бурятам за каждую лошадь по 1 коп. (всего 24 коп.), чем буряты остались довольны. По прибытии в Оёксскую слободу Мессершмидт велел привести к нему «подводчиков, которые совершили насильственные действия против бурят, которых звали Степан Иванов сын Бушков и Анисим Григорьев сын Хромой, и после того как им с помощью переводчика было предъявлено обвинение, наказал их батогами, как и полагалось в этом случае, для примера» (П. 184).

О тунгусах и бурятах. Одной из задач, которую поставил перед собой и реализовал Д. Г. Мессершмидт, был сбор разнообразной информации о коренных народах Сибири. Иногда он тратил на беседы с аборигенами часы или даже дни, а иногда записывал узнаваемые по ходу путешествия какие-либо краткие, одиночные, случайные сведения об их быте и языке.

Первая встреча с тунгусами произошла еще в Мангазее. Этих тунгусов он называл оротонгами (П. 73), и это — самоназвание оленеводческих групп тунгусов [35]. На Нижней Тунгуске и Лене Д. Г. Мессершмидт записал более 400 слов и синтаксических сочетаний. Свои словарники учёный строил таким образом: сначала записывалось значение тунгусского слова на латыни, потом буквами немецкого алфавита само тунгусское слово, потом его значение на Лене по-немецки. И запись выглядела, например, так: *sorror* — *Ocki* — *Schwester* (П. 72). Есть много слов, которые в современном эвенкийском языке звучат иначе. И есть 78 слов, отсутствующих в современных эвенкийско-русских и русско-эвенкийских словарях. Это в основном слова, обозначающие некоторые растения, птиц, животных. Возможно, исчезли те говоры, на которых говорили информаторы путешественника. Нашей задачей не может быть исследование лексики тунгусов, это дело специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам.

Как сказано выше, выборка этнографических материалов сибирских народов по рукописям дневников была переведена З. Д. Титовой. Между текстом этой выборки и текстом немецкого издания дневников есть несоответствия. Чтобы не перегружать статью публикацией выборки Титовой и сравнением ее текста с текстом немецкого издания дневников, укажем лишь на некоторые различия и приведем те записи, о которых Титова почему-то промолчала.

Вторая встреча с тунгусами произошла 11 июля в трех часах хода вверх по Нижней Тунгуске от устья р. Летней, которую тунгусы называли Учами (так она называется и сейчас). Это была и первая встреча с людьми на Нижней Тунгуске. Дощаник остановился на якоре, и к нему на трех лодках подплыли «два тунгусских парня и старая женщина, две молодые женщины в интересном положении и девушка на выданье». Лодки были «длиной в 2 клафтера, шириной $\frac{1}{3}$ клафтера и $\frac{1}{6}$ в высоту или глубину». Значит, длина лодок 3 м 56 см, ширина около 60 см, высота борта около 30 см. (У Титовой размеры указаны в аршинах, и они иные: длина 5 аршин (3 м 55 см), ширина $\frac{3}{4}$ аршина (чуть больше 53 см), высота борта $\frac{1}{4}$ аршина (около 18 см)). Одни лодки были сшиты из бересты, другие из коры лиственницы. Д. Г. Мессершмидт описал одежду тунгусов и отметил, что «одежда была без исключения одного фасона одинак-

ковая у мужчин и женщин, без различия по возрасту, положению или полу». Эти тунгусы имели татуировку на лбу, подбородке и по щекам в виде оленевых рогов. Д. Г. Мессершмидт описывает внешность тунгусов, а об их речи говорит, что она «свободна, решительна, легка и жизнерадостна».

Он описывает одежду тунгусов. О покрове верхней куртки, сшитой из «шкур оленя, выделанных либо шероховато, либо гладко», Д. Г. Мессершмидт пишет, что сшила она «лишь по пропорциям туловища, впереди на груди никогда не закрывается», называет эту куртку камзолом, сравнивает ее с коротким вамсом и с одеждой горнорабочего. Такое сравнение для читателя того времени должно было дать полное представление о покрове тунгусской верхней одежды (у З. Д. Титовой сравнения с вамсом нет). «Над срамом у обоих, мужчин и женщин, кожаные штаны, которые как наши немецкие мужские штаны, только штаны отрезаны от паха, так что ноги внизу остаются совсем голыми». У Титовой покрой штанов не описан. Дальше у Д. Г. Мессершмидта сказано: «Спереди у них кожаная набедренная повязка, которая пришита к поясу штанов и разрезана на многочисленные тонкие кожаные полоски, свисающие как бахрома. На эти кожаные полоски они привязывают все, что обычно носят с собой: огниво, мешочек с трутом, нож, табачную трубку, мешочек для денег, мешочек для табака и тому подобное. Эти набедренные повязки с бахромой редко достают внизу до половины бедра. Чтобы закрыть ноги они носят кожаные чулки, которые подвязаны к самому низу штанов кожаными полосками и которые также симпатично украшены пестрой разноцветной тканью или полотном. В этих чулках они ходят вообще повсюду при сухой погоде без дополнительной обуви. Напротив, при сырой погоде они носят еще более короткие чулки или носки из лосиного меха, которые достают примерно выше лодыжек и над лодыжками их крест-накрест привязывают кожаными полосками. Эти носки служат им вместо ботинок или сапог. Это и есть их летняя одежда» (II. 88–89).

Кроме перечисленных здесь предметов одежды Д. Г. Мессершмидт в своем словаре называет еще Herky и дает объяснения этому предмету одежды: «штаны или набедренная повязка» (II. 72), «кожаная набедренная повязка над срамным местом» (II. 168). В современном эвенкийском языке есть слово «хэркй» — «ровдужные натазники» [36]. Значит, именно натазники и названы штанами с отрезанными штанинами.

Д. Г. Мессершмидт отмечает важную особенность кочевания оленных тунгусов: «Тунгусы на одном месте живут не постоянно, но они тоже редко отъезжают дальше, чем на 10–12 миль от места их остановки, и именно так они удерживают за собой определенную территорию до центра, от которого они никогда не уходят, а лишь передвигаются вокруг этого центра то к востоку, то к западу, то к северу, то к югу и, таким образом, они предотвращают, чтобы ни одна семья не приблизилась к другой слишком близко, и они не поссорились» (II. 89).

Из записи от 11 декабря видно, что Д. Г. Мессершмидт в одной миле считал примерно пять старых верст. В этот день он был в д. Бирюльке и отправлял отсюда в Верхоленск кре-

Натазник. Из фондов отдела истории Иркутского краеведческого музея

стянина за забытыми там своими пантуфлями (комнатными тапочками). По возвращении крестьянина Мессершмидт записал, что тот «ехал рысью не более 6 часов, то есть это расстояние в 30 старых верст преодолевал не больше чем по 6 лиг или миль в час...» (II. 179).

Таким образом, руководствуясь описанием ученого, можно считать, что территория кочевания от основного стойбища ограничивалась расстоянием примерно в 50–60 старых верст в каждую сторону по реке — вверх и вниз. Значит, между основными стойбищами должно быть примерно 100–120 старых верст.

16 июля новая встреча с тунгусами в урочище с современным названием Болодёйт у одноименной реки. Это в 205 км от предыдущего стойбища (около 97 старых верст).

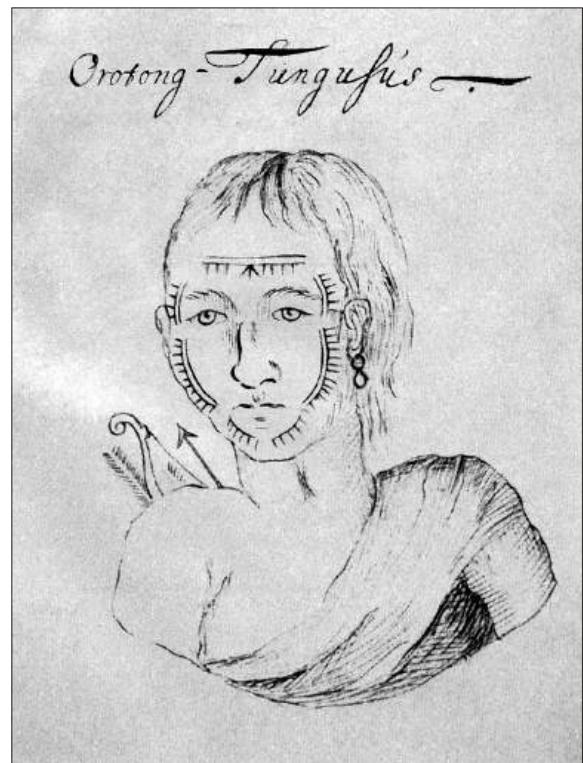
Ученый сошел на берег, дощаник потом отогнали и поставили на якорь примерно в версте от стойбища; у местных тунгусов ученый пробыл до полуночи и узнал очень много нового.

Тунгусы позволили зайти в свое жилище. «Что касается юрт этих тунгусов, которых друг возле друга было две штуки и которые были сделаны из березовой коры, как татарские, заостренные конической формы, их тунгусы на их языке называют Jugil, они были очень скучными и совсем пустыми, и внутри ничего не было, кроме шкур северных оленей и мяса, которое они коптят на тонких палках... Помимо этого я не видел больше ничего, кроме медного котелка» (II. 93). В одной юрте он увидел детскую колыбель: «Их дети лежат в деревянном маленьком корытце, над которым устроены своего рода несколько ободьев так, чтобы накрывать это корытце шкурами и чтобы под шкурами дети не задохнулись» (II. 94).

Болодёйтские тунгусы тоже были оленными, и 17 июля Д. Г. Мессершмидт зарисовал одного из них, а также зарисовал застежку-зажим, которую тунгусы крепили к передней ноге оленей, чтобы те при вольном содержании не могли удалиться далеко от стойбища.

Тунгусы оказались общительными и рассказали, как они делают татуировку на лицах, которая называется Hundisha.

«Здесь я также узнал, что они делают изображения на лице в виде фигур (смотреть 11 июля) следующим образом. Когда ребенку исполняется один-два года, они пропускают нить — наподобие нашей крученої нити — из тонких сухожилий северных оленей под кожу и вышивают фигуру, которую они хотят нанести. Но для того, чтобы через кожу просвечивался синий цвет, они берут немного... багульника с листьями... который они на своем языке называют Oroncomchora... тщательно пережевывают его во рту и смешивают со слюной и угольным порошком, чтобы получилось нечто как чернила. В этот краситель они макают кончик пальца и держат краску над нитью над

Оленный тунгус оротонг.
Рисунок Мессершмидта

кожей ребенка, чтобы краска одновременно с нитью могла втянуться под кожу. Делают это столько раз, сколько нужно, чтобы фигура была закончена.

Лицо у детей сильно опухает, и они терпят сильные боли, но это не причиняет им никакого вреда и отек проходит в течение нескольких недель» (П. 94–95).

Описание есть у Титовой, но оно менее подробное. У нее не переведена латынь, а без этого текста нет сведений о таком важном элементе процесса татуировки, как пережевывание багульника с листьями. Можно полагать, что тунгусы использовали багульник не только как краситель (краситель в данном случае угольный порошок, древесная зола), но и как лекарственное растение, зная об антисептических и болеутоляющих свойствах растения.

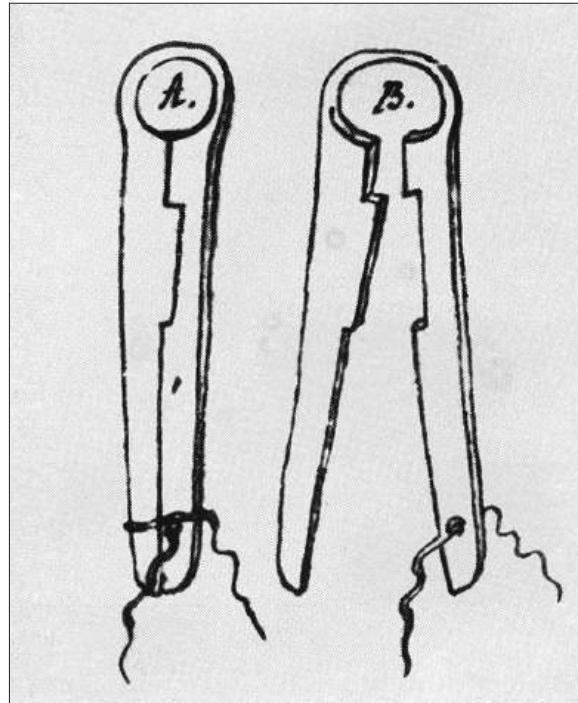
Он узнает также, что тунгусы используют повсеместно встречающийся по берегам Нижней Тунгуски гипс. Они его толкнут, измельчают и посыпают им свежие раны, чтобы остановить кровь. А клей они делают из плавательного пузыря осетра, и у них есть карликовая красящая травка, которой они красят козий мех, используемый в одежде, а лодкой они правят специальным веслом в две ладони шириной. Увидел он у этих тунгусов и стрелу с двойным острием и узнал еще 27 новых слов и два тунгусских названия заметных рек, которые ему вскоре встретятся.

Возвращался на дощаник Д. Г. Мессершмидт на берестяной лодке вместе с тунгусами: «Я сел в маленькую тунгусскую лодку, сшитую из березовой коры, которая была 5 аршинов длиной, $\frac{3}{4}$ аршина шириной и $\frac{1}{4}$ аршина глубиной, и греб с моими тунгусами добрую версту до моего транспорта. Но сидеть в ней надо так устойчиво и прямо, как палка, не двигаясь, и не давать противовес, в случае которого она очень легко может перевернуться, хотя тунгусы очень умелодерживают ее на плаву.

Выходя из лодки, я испробовал ее вес свободной рукой и нашел, что взяв ее в центре тяжести, смог бы поднять одной рукой и нести» (П. 95).

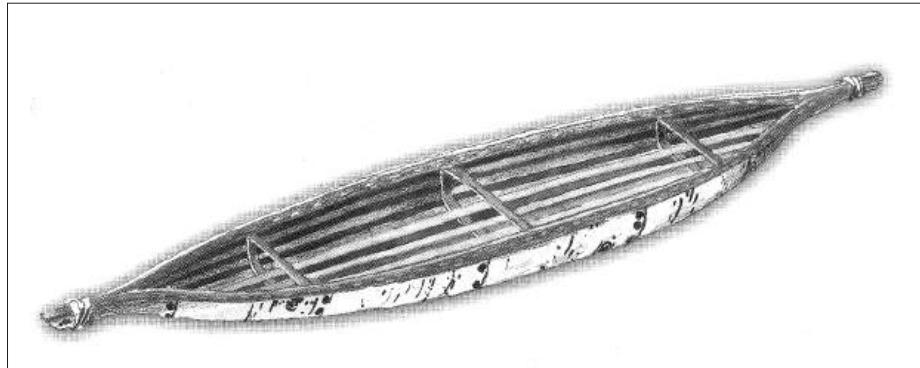
По берегу Д. Г. Мессершмидта провожали, это были тунгусские женщины на оленях. При этом путешественника удивило, что женщины, «одной ногой стоя на земле, другую могли медленно закинуть на оленя и залезть, не поднимаясь на него прыжком, как наши европейские женщины, которые не смогут это повторить» (П. 95). О мужчинах он ничего не сказал. Такой способ посадки, видимо, обусловлен особенностями скелета северного оленя. И об этом ученый тоже сделал запись: «Тех, которых используют для езды верхом, седлают спереди через плечевую кость или лопатки, потому что позвоночник у них очень слабый и может легко сломаться» (П. 94).

Следующая встреча произошла у р. Кукуингда (23 км выше впадения в Нижнюю Тунгуски р. Кочечум). Приплыл сюда Д. Г. Мессершмидт 19 июля. Это 83 км (около 39 старых верст) от Болодёкита, и тунгусы здесь располага-

Застекха-зажим на ногу оленю.

Рисунок Мессершмидта

Лодка-берестянка. Макет. Источник: Сафьянникова Т. М.
Радуга красок сонкана. Красноярск, 2005. С. 138

лись временно. Может быть, это группа тунгусов, живших либо выше по реке и выдвинувшихся на самый нижний конец района своего кочевания, либо они жили по р. Кочечум.

Тroe или четверо пришли к нему на дощаник, и он по своему обыкновению их расспрашивал. Тунгусы показали ему особый корень, называвшийся Schenickta. Это был «длинный корень, который они обычно едят весной из-за нехватки продуктов питания... два фута длиной, с пальцем шириной, внутри полностью снежно белый, но очень волокнистый и сухой на вкус, более безвкусный [пресный], чем сладкий. Внешняя корочка была очень тонкой и цвета умбры и легко отшелушивалась. Для аптеки он не пригоден, у него нет для этого очевидных признаков», — так записал ученый в дневнике. И он определил, что корень «вообще-то является копеечником из семейства бобовых, с пурпурными непахучими цветками» (П. 97). Как видим, тунгусы отлично знали полезные свойства многих растений.

Здешние тунгусы показали ему свои стрелы и объяснили их назначение: короткая боевая стрела — Lucky; стрела с простым ланцетовидным незагнутым одним острием — Niugg; стрела с двойным незагнутым острием — Telaga; стрела с острием из кости — Djugann. И специальные стрелы для ловли рыбы: стрела с простым загнутым острием для ловли рыбы — Kirockta; стрела с двойным загнутым острием для ловли рыбы — Hodera; трезубец для ловли рыбы, или русская острога, — Henda. Записал ученый здесь еще десять новых слов.

По просьбе Д. Г. Мессершмидта тунгусы продемонстрировали свою меткость. «Я испытал их мастерство в стрельбе из лука, воткнув в песок палку с надетой на нее перчаткой, которую они стрелой с затупленным наконечником сбивали выстрелом за выстрелом с расстояния 60–70 шагов» (П. 97).

27 июля Д. Г. Мессершмидт приплывает к устью р. Размякнихи (совр. название Иейка или Ейка), Кондогирскому острову и Кондогирскому зимовью, на следующий день добирается до устья р. Илимпеи. Это те места, где обитали тунгусы рода Кондогир. От места предыдущей встречи с тунгусами экспедиция продвинулась вверх по реке на 379 км (177 старых верст). Как видим, расстояния между основными стойбищами тунгусов в низовой части Нижней Тунгуски соответствуют выводам Д. Г. Мессершмидта о таком взаимном расположении стойбищ, при котором отдельные семьи не соперничали из-за территории обитания.

К нему пришли несколько тунгусов, подарили «мех молодой лисицы», и ученый записал еще 11 слов, а также узнал, что эти тунгусы занимаются своим промыслом в верховьях р. Размякнихи, хотя «вершина Размякнихи находится

далеко от устья Илимпей» и туда тунгусы добираются на нартах по 3–4 дня (П. 103).

В течение следующих 20 дней река была безлюдна, и только у Средней Кочёмы встретился один тунгус, который там промышлял и попросил подвезти к стойбищу, которое находилось выше.

21 августа экспедиция была недалеко от р. Верхняя Кочёма. Здесь где-то недалеко от берега реки было стойбище встреченного ранее тунгуса-путешественника. Тот сходил к чуму, вернулся к Д. Г. Мессершмидту, принеся из лесу берестянную лодку, которая могла «нести 3 человека и одного юношу». Ученый воспользовался возможностью узнать вес берестянки, оказалось, что вес лодки «62 фунта 9 унций 7 драхм 2 скрупула» (22 618,75 г), «и поэтому не удивительно, что они могут носить ее на спине много миль», — записал Д. Г. Мессершмидт в дневнике (П. 118). Ученый был педантичен, даже слишком. Он и вес лодки подсчитал с вряд ли нужной для такого случая аптекарской точностью. Д. Г. Мессершмидт спросил этого тунгуса о названиях многих птиц и записал 48 новых слов.

Через пять дней в устье р. Тетёи еще одна встреча, Д. Г. Мессершмидт записывает 26 новых слов, в основном названий растений.

Последняя встреча с тунгусами на Нижней Тунгуске была 4 сентября у р. Моги, тунгусы подтвердили, «что фигуры, которые они носят на лице, называются Hundisha или во множественном числе Hundishal» (П. 126). У Г. М. Василевич почему-то со ссылкой на записи в берлинском издании дневника за те же дни (16.07.1723 и 04.09.1723) слово записано несколько иначе — hundissal. Она пришла к выводу, что слово буквально означает «хозяева собак» и это — самоназвание тунгусов верхней части р. Нижней Тунгуски в отличие от оленных «оротонг», живущих в нижнем течении реки [37]. Здесь же Д. Г. Мессершмидт наблюдал за ремонтом одежды одним из своих подводчиков. Ученый пишет: «Здесь я обнаружил, что один из моих гребцов, который был тунгусского происхождения, шивал свою одежду сухожилиями северных оленей, и он называл эти жильные волокна на тунгусском языке Ssumtu. Но, однако, для этого используют только спинное сухожилие или Pessrick, и охотнее всего, северных оленей, которое сушат и потом перетирают между ладонями до тех пор, пока волокно не распадется, что происходит довольно скоро. Общую внешнюю перепончатую оболочку обрывают и выбрасывают. Сухожилия от ног северных оленей, а также лосей и т. д. слишком твердые и тугие и, таким образом, не очень хорошо годятся, но их можно точно и очень тонко разделить, так же, как крученую нить, и они очень прочные; особенно для сырой погоды, в дождь» (П. 127). Этим «тунгусского происхождения» подводчиком был Никита Тунгус из мангазейских казачьих детей.

Наверное, Никита знал приметы приближающейся непогоды и предусмотрительно занялся своей одеждой. «С 8 часов затяжной дождь начал сменяться снегом, и всю ночь тоже шел снег, казалось, что наступила полностью зима, все было покрыто снегом», — записал в этот же день Д. Г. Мессершмидт (П. 126). Надо сказать, снег 4 сентября 1723 г. по старому стилю (а это всего лишь 25 августа по новому стилю) в этих местах хотя и бывает, но теперь крайне редко.

Во время дальнейшего водного путешествия по Нижней Тунгуске и Лене встреч с тунгусами не было. Д. Г. Мессершмидт записал 29 сентября, проплывая Верхнюю Заимку из двух курных изб (другое название «заимка Балахня», сейчас территория г. Усть-Кута): «стояла тунгусская юрта, в которой живут тунгусы. Первая и единственная юрта, увиденная мною на берегу реки Лены. Чаще всего они селятся в лесу у маленьких речек» (П. 144–145).

Зато много интересного эвенкийского этнографического материала собрал Д. Г. Мессершмидт во время проживания в Усть-Илге.

17 октября ему становится известно, что здешние тунгусы используют соль, добавляя ее в корм своим оленям. Его слуга Петер Кратц принес куски такой соли от одного тунгуса, и Д. Г. Мессершмидт описал эту «ископаемую каменную соль, частью красную, частью синюю, непрозрачную, очень твердую» и предположил, что она «могла быть найдена недалеко от Усть-Кута» (П. 157). Но впоследствии из расспроса местного жителя выяснилось, что это не ископаемая соль, а «эта соль является солевым шлаком, и что при очистке солеварных котлов он отбивается в форме каменных ломтиков или окалины, и после этого выбрасывается как бесполезный. Но всегда находятся бедные люди, которые собирают эти выброшенные шлаки и либо частично используют их сами, добавляя в корм овцам или коровам (которые ее жадно лизут), и таким образом предохраняют себя от гидатид (паразитов) печени и сальника, либо частично выторговывают на нее у тунгусов белок или беличий мех» (П. 163).

С тунгусами за получаемую информацию путешественник рассчитывался хлебом и табаком. 15 ноября он поручил позвать несколько тунгусских женщин, показал им чучела и шкурки нескольких птиц и животных, узнал названия и отблагодарил женщин, дав для их мужей немного хлеба и табака (П. 166). Через три дня он рассчитался китайским табаком за пару стелек из оленьей шкуры для своих самоедских сапог (П. 167).

23 ноября к нему с подарками пришел тунгус с верховьев р. Березовки (небольшой правый приток Лены в 5 км ниже Усть-Илги). У этого верхоленского тунгуса на лице не было татуировок, оказалось, что здесь вообще ее не делают, но почему, тунгус не знал. Он подарил ученому зайца и меховую нагрудную накидку, которая являлась частью одежды тунгусов. Эта накидка, как передник, надевалась поверх штанов и нижнего нагрудника и называлась Noelleka. Под накидкой на нижнем нагруднике у тунгуса был пришил карман. Д. Г. Мессершмидт, уже хорошо знавший покрой одежды тунгусов, отметил, что «этому (иметь карманы. — Ю. Ч.) они научились у русских». От этого тунгуса Мессершмидт записал еще 52 слова и узнал, что тунгусы «окрашивают козью шерсть с помощью коры лиственницы обычным кипячением и такой эксперимент можно было легко провести». Д. Г. Мессершмидт «отплатил ему ответными подарками, а именно дал столько шара [табака], сколько он смог унести» (П. 168).

История с березовским тунгусом получила продолжение. Петер Кратц ежедневно бродил по окрестностям, добывал птиц для орнитологических исследований хозяина. И вот 27 ноября он опять рано утром ушел на охоту, после обеда вернулся, принес трех птичек. Но это не все. Приведем полностью следующую запись в дневнике, так как это единственное описание духов-помощников шамана у приленских тунгусов. «Недалеко отсюда он тайно взял с собой из тунгусской Jugh, которая находилась на вершине Березовки у ручейка, несколько тунгусских идолов, которые были завернуты в шерстяную ветошь или тряпку, и которые были изготовлены так, что можно было поистине достаточно видеть слепоту этих бедных людей (тунгусов) и к ним дополнительно проявлять сострадание. Во-первых, из ткани, или черной китайки, была сделана ящерица большая длиной 1 аршин, набитая волокном из конопли, которой они вместо глаз пришили две маленькие стеклянные бусинки. При этом из дерева был сделан полый череп 6°0'0" в диаметре, на внешней стороне которого вырезан образ человеческого лица. Еще вырезанное

из дерева четвероногое животное, немного похожее на волка, длиной 1 фут, и 4 птицы, вырезанные из дерева и тонкой веревкой на расстоянии ширины ладони связанные одна за другой, и к ним дополнительно были вырезаны еще две фигурки, подобные людям, из белой шерстяной ткани, такие же, как обычно наши дети в Германии вырезают себе из бумаги, со стеклянными бусинками, пришитыми вместо глаз, и положены друг над другом, таким образом, чтобы, как я предполагаю, воспроизвести примерно что-то вроде *распутного соития*.

Все эти безделицы были помещены вместе в деревянную раму высотой в ширину ладони, обшитую с наружной стороны войлочной тряпкой изящно, тепло и прочно, чтобы эта "невинная компашка" не замерзла и впоследствии, как они опасались, не причинила им вреда.

Я пока отложил этот хлам таким, каким он был, в сторону, на случай если найдется свободная минуточка (ведь действительно свободных часов я, к сожалению, не могу сосчитать при моей работе, так отягощаемой постоянно усложняющими ее людьми и обстоятельствами), чтобы сделать зарисовку и впоследствии избавиться» (П. 170). Рисунка, к сожалению, не обнаружено.

Говоря о «слепоте» тунгусов, путешественник-христианин имеет в виду духовную слепоту язычников.

В этом описании размер деревянной маски (полого деревянного черепа) указан с применением условных знаков (« $6^{\circ}0'0''$ в диаметре»). В XVIII в. натуралисты при описании объектов природы для указания линейных размеров часто использовали условные значки. Значок ° обозначал дюйм ($\frac{1}{12}$ римского фута), значок ' — линия ($\frac{1}{12}$ дюйма), значок " — точка ($\frac{1}{12}$ линии). Римский фут равен 0,2957 м, значит, дюйм в этом случае равен 2,464 см. А диаметр маски — 14,78 см, что соотносится с обычным размером лица человека.

До первых бурятских юрт Д. Г. Месссершмидт добрался вечером 8 декабря. Они стояли на берегу р. Анги почти в устье р. Малая Анга и вдоль Лены на протяжении 5 старых верст. Путешественник велел остановиться и осмотрел одну отдельно стоящую юрту, в которой пробыл почти два часа. Описание юрты, внешнего вида бурят, их одежды есть у Титовой, и оно почти не отличается от описания в немецком издании. Но все же есть некоторые детали, на которые следует обратить внимание.

Описывая украшения женщин, Д. Г. Месссершмидт отметил, что у них «нашее всякие нити с бусинами, со множеством свисающих маленьких круглых оловянных пластинок, в ушах большие сережки 2–3 дюйма в диаметре, от которых от одной к другой идет под подбородком и свисает вниз нитка бисера или стеклянных бусинок», и сделал обобщение: «так обычно привыкли делать все язычники» (П. 178).

Состояние кухонной утвари («деревянные чаны и корыта, кожаные мешки и тому подобное»), находившейся в юрте в отдельном от остальных вещей месте, не понравилось Д. Г. Месссершмидту, он высказался о предметах утвари: «на другой стороне была их кухонная утварь: деревянные чаны и корыта, кожаные мешки и тому подобное, которые уж точно не выглядели слишком симпатично». Общая характеристика бурят в его дневнике негативная. «Они медлительны в своих действиях, неопрятные, злобные, но при этом, если держать их в строгости, робкие» (П. 178).

В этой юрте Д. Г. Месссершмидт записал 40 числительных и девять первых бурятских слов. Впоследствии, двигаясь к Иркутску через места, населенные бурятами, он записал еще около 160 слов.

По внешности, одежде и языку верхоленских бурят, схожими с внешностью, одеждой и языком калмыков, Д. Г. Мессершмидт сделал вывод, что бурят «можно полностью считать калмыцкими потомками», они «вообще-то принадлежат к калмыцкой расе» (П. 178, 181). Тогда калмыками назывались монгологоворящие народы Русского государства, в том числе ойраты междууречья Волги и Дона. Традиция считать бурят ответвлением монгольского народа (или калмыков), озвученная в этих словах Д. Г. Мессершмидта, пошла от Николаса Витсена, который так и написал: «братья — это род мугалов» [38]. Бурят и собственно волжских калмыков называл народами одного происхождения Джон Белл, побывавший в марте 1720 г. на Ангаре в составе русского посольства Измайлова в Пекин (1719–1725) [39].

Итак, первое научное описание Нижней Тунгуски и Верхнего Приленья, сделанное 300 лет назад, и сейчас дает исследователям ценный, а порою и уникальный исторический и этнографический материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017.
2. Новлянская М. Г., Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
3. Василевич Г. М. Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1969. № 6, вып. 2.
4. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта: Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск, 2001.
5. Титова З. Д. Путешествие по указу Петра I: Из дневника Д. Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 33–37.
6. Ким Е. А., Д. Г. Мессершмидт. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012.
7. Копанева Н. В. Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (50). С. 44–52.
8. Сытин А. К. Конференция, посвященная Д. Г. Мессершмидту // Историко-биологические исследования. СПб., 2015. Т. 7, № 1. С. 120–125.
9. Тункина И. В. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI веков // Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., СПб., 2013. С. 247.
10. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Указ. соч. С. 65.
11. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 2: Tagebuchaufzeichnungen. Januar 1723 — Mai 1724. Berlin, 1964.
12. Поиск по данным государственного водного реестра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://textual.ru/gvr/index.php?card=217705> (дата обращения: 18.05.2018 г.).
13. Федоров И. Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск, 2017. С. 39.
14. Новлянская М. Г. Указ. соч. С. 38.
15. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 53 об. Подводы — любые транспортные средства с людьми, управляющими ими, которые предоставлялись путешествующим за плату или, как Д. Г. Мессершмидту, за счет казны. Это не только средства передвижения по суше (телеги, сани, нарты, верховые лошади и т. п.), но и разного рода речные суда с гребцами, кормщиками, тягловыми лошадьми (для подъема вверх по рекам).
16. Своей подписью Д. Г. Мессершмидт скреплял получаемые им документы. Здесь подпись поставлена на рукописи «Родословная татарских ханов» (так в свободном переводе с латыни), написанной в Хиве в 1663 г. Абул-Гази Багадур-ханом. Этот документ хранится в отделе редких книг и рукописей библиотеки Гётtingенского университета, давшей нам разрешение на публикацию. После подписи запись на латыни, которая переводится так: «Оmai-

Тура пограничный пункт, д[ень] сент. г. 1721». Отай-Тура — это забытое название Саянского острога (находился на Енисее примерно в 120 км выше Абаканского острога). Дату (день) он не проставил, но из записей в Hodogeticum («Путеводителе») известно, что путешественник прибыл в Саянский острог 20 сентября и был там по 29 сентября.

17. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 54.
18. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 357.
19. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Указ. соч. С. 42–43.
20. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 60. Казачьи дети — одна из социальных групп XVII — первой половины XVIII в. Это потомки старых служилых казаков; в течение XVIII в. как отдельная социальная группа исчезли, отнесены к разночинцам.
21. Новлянская М. Г. Указ. соч. С. 53.
22. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 60 об. Дощеник (дощаник) — плоскодонное парусно-гребное судно с настилом (палубой) и небольшой надстройкой в виде ящика для одного, двух человек (чердаком). В дневнике Д. Г. Мессершмидт называл такое помещение каютой. Дроги — фалы, с их помощью на мачту поднимался рей, к которому крепился парус. Каюк — небольшое мелкосидящее парусно-гребное судно. Ноги — ванты на мачте. Павозок — грузовая лодка. Шейма — якорный канат.
23. На нижнетунгусско-ленском маршруте и по дороге до Иркутска ученый зафиксировал 60 притоков Нижней Тунгуски и 57 притоков Лены, а по расспросам местных жителей назвал еще 45 речек при описании нескольких волоков с Лены на Ангару и с Лены на Киренгу и указал расположение этих небольших речек относительно главных рек. Во время плавания ученый отметил 29 островов, тщательно регистрировал пороги, мели, перекаты, насчитав 12 мест, затрудняющих плавание. Описывая характер рельефа в пойме рек, он отметил 22 скалы, обрыва, каменных берегов, несколько курьев. От Мангазеи до Иркутска Д. Г. Мессершмидт произвел измерения северной широты в 59 точках. Расхождения с действительными координатами во многих случаях составляют 1–4, и это вполне хорошие результаты для того времени с теми приборами и таблицами склонения солнца, составленными еще в XVII в., с которыми работал путешественник. Есть несколько определений широты, значительно отличающихся от действительных, но есть несколько определений, с действительными полностью совпадающими. Д. Г. Мессершмидт часто указывал расстояния в верстах между населенными пунктами, устьями рек и другими объектами. Очевидно, эти расстояния ему сообщали сопровождавшие его служилые или местные жители. Никаких верстовых столбов тогда ни по Нижней Тунгуске, ни по Лене не было, и реальные расстояния не всегда соответствуют тем, что есть на самом деле. Несмотря на немалые сложности при отождествлении названий зафиксированных им объектов с современными, все же такое отождествление во многих случаях удалось осуществить путем сопоставления записей в дневнике Д. Г. Мессершмидта со старинными и современными картами, со сведениями из материалов академического отряда Великой Камчатской экспедиции, экспедиции А. Л. Чекановского 1873–1875 гг., архивными документами XVII–XIX вв., хранящимися в РГАДА и ГАИО.
24. Долгих О. П. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 122.
25. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 34, 34 об.
26. Окладников А. П. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века // Летопись Севера. Л., 1949. Т. 1. С. 94–102.
27. Окладников А. Открытие Сибири. М., 1981. С. 79.
28. Там же. С. 79–80.
29. Ким Е. А. Указ. соч. С. 150.
30. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 198 об.
31. Шишигина А. Н. Научное изучение Якутии в XVIII в. (по материалам Второй Камчатской экспедиции). Якутск, 2005. Прил. 4. С. 232–233.
32. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1227. Л. 57 об.
33. Найти текст указа не удалось.
34. Фойгт, Иоганн (Voigt, 1613–1691) — немецкий математик, астроном, долгое время жил в Гамбурге, автор ежегодных астрономических календарей.
35. Василевич Г. М. Указ. соч. С. 116.

36. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г. М. Василевич. М., 1958. С. 510.
37. Василевич Г. М. Указ. соч. С. 117.
38. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с голл. яз. В. Г. Трисман. Амстердам, 2010. С. 763.
39. Белевы путешествия чрез Россию в разныя Асиятские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь: [ч. 1–3], перевел с французского Михайло Попов. СПб., 1776. С. 177, 224, 225.

C. B. Гузенков

ИЗУЧЕНИЕ АНГАРСКОГО ВОДНОГО ПУТИ (1860 г. — НАЧАЛО XX в.): ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Известный сибирский предприниматель, золотопромышленник, меценат А. М. Сибиряков писал: «Сибирь богата своими водными путями, реки ее считаются первыми в мире, стало быть, естественно предполагать, что наша задача состоит в том, чтобы ими воспользоваться как должно» [1]. Чтобы воспользоваться реками как должно, предстояло изучить и улучшить их судоходные возможности. Исследование условий судоходства на Ангаре, начатое в первой половине XVII в. усилиями русских землепроходцев, продолжилось и во второй половине XIX в., когда Россия постепенно вставала на путь капиталистического развития и водные магистрали стали рассматриваться как важный рычаг экономического роста.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Muравьев-Амурский 6 октября 1860 г. выдал предписание полковнику-инженеру Д. Романову, состоявшему на службе в первом конно-пионерском дивизионе, следующего содержания: «Предлагаю Вашему Высокоблагородию отправиться для осмотра Ангарских порогов и доставить мне точные сведения о них и соображения о возможности учреждения по ним пароходства, и способам, которые будут потребны для него» [2].

Получив «прогонные» 100 руб. серебром, выданные по личному распоряжению Muравьёва-Амурского казенной палатой из окружного казначейства, и имея открытое предписание от «начальника края», обязывающее местное городское и сельское начальство «все законные требования и всячески содействовать выполнению поручения Романова обеспечивать подводами, вожаками, хорошо знающими местность, рабочими людьми» [3], инженер выехал в Нижнеудинский округ для выполнения «государственного задания».

По результатам командировки Д. Романов подготовил и 25 ноября 1860 г. представил генерал-губернатору Восточной Сибири докладную записку. В ней, используя личные наблюдения, сведения, полученные от земских исправников и местных жителей, он не только дал подробное описание ангарских порогов, состояния сплавного промысла, подчеркивая его особую роль в хозяйственной жизни местного населения, но и высказал свои предложения о развитии пароходного сообщения на Ангаре, судоходных возможностях ее притоков.

Инженер считал, что пароходство на Ангаре возможно. «Рекоходные машины» заменят традиционный способ движения судов — бечевник. Д. Романов пишет: «В старину... поднимавшиеся вверх были грузовые лодки, которые протаскивались через пороги по неглубоким прибрежным лазейкам, по которым и нынче местные жители заводят бечевой свои лодки. В круtyх порогах и на быстром течении бечева вытягивалась воротами, построенными на берегу, а в остальных местах лодки обыкновенно тянулись людьми или лошадьми. В числе повинностей прибрежных жителей была обязанность тянуть бесплатно лодки с казенным грузом от станции до станции, и поэтому доставка не могла быть слишком ценна». Поэтому, если была возможность вытягивать через пороги суда бечевой, то нет сомнения, что существует такая же возможность через эти же пороги тянуть суда посредством пароходов, колесных или кабестанов» [4].

Существующее во многих местах мелководье дает возможность использовать лишь небольшие пароходы с осадкой 1,5 фута, но они могут провозить

незначительные партии грузов и только пассажиров, что, по мнению автора докладной записки, «этот один предмет без грузового пароходства не может здесь выгоден» [5].

Романов считал, что организации пароходства на нижней Ангаре должны предшествовать дноуглубительные работы на наиболее мелководных участках водной магистрали, и указал первоочередные меры, которые, по его мнению, улучшат пароходное сообщение. На первое время существования пароходства предлагалось «...поставить в опасных местах, около водоворотов, узкостей и подводных камней деревянные заплавы, фарватер тут означить вехами и бакенами, и по дну его положить цепи с якорями, на которых пароходы могли бы подниматься через пороги против течения. Пароходы короткие с весьма сильными машинами и с задним колесом, кажется, будут предпочтительнее для здешних узкостей, крутых поворотов и быстрого течения» [6].

Особое внимание инспектор обратил на обустройство Падунского порога, полагая, что «...здесь может быть придется поставить выше порога неподвижную паровую машину, которая цепями могла бы вытягивать баржи и пароходы, подобно тому, как делается с вагонами на крутых подъемах железных дорог» [7].

Автор докладной записки напоминал генерал-губернатору Восточной Сибири, что для обхода Падунского порога считалось возможным прорвать обводной канал — «по низменности левого берега длиной 1,5 версты, вероятно шлюзный», но этот проект не может быть реализован, поскольку не учитывает особенности местности, а именно «...при замерзании реки, вода, подпертая льдом ниже порога, разливается здесь весьма высоко и затопляет оба берега порога. Поэтому, сооружения в шлюзном канале, кроме ежегодного затопления их, рисковали бы быть разрушены и быстриной, и льдинами бушующей в разливе реки, которую и теперь размывает и разбивает высокий соседний утес, и обрушает вниз огромной величины камни. Поэтому состояние канала здесь ненадежно и вместо его гораздо полезнее обратиться к расчистке самого порога, но эти работы потребуют времени и больших средств» [8], а потому приступать к ним следует только тогда, когда будет осознана необходимость в них и четкое понимание важности их для развития торговли и судоходства.

Романов обратил внимание на значительные финансовые затраты на содержание ангарского пароходства, обусловленные преодолением порогов. Он писал: «...содержание в исправности всех... предварительных приспособлений для пароходства (заплавы, вехи, цепи, якоря и проч.) потребует значительного ремонта, многочисленной администрации и большого числа рабочих людей и средств, не говоря уже о первоначальных издержках на их устройство. Содержание такой постоянной администрации и рабочих будет падать на ценность провозной платы, которая поэтому и при большом развитии пароходства может быть понижена весьма мало, и потому представляется вопрос: не будет ли выгоднее вместо улучшения хода через Ангарские пороги, обойти их по другим боковым путям водяным и частью даже сухопутным» [9].

Рассматривая первый приток Ангары — Илим — как возможный путь обойти ангарские пороги, исследователь отмечает, что этим путем возможно миновать десять порогов, шивер, быков, 4336 «каменных преград». Небольшая по протяженности Симахинская шивера, расположенная в 16 верстах выше устья Иlimа, недалеко от с. Симахина, «из-за узкости прохода» затруднительна для судоходства, которое может быть представлено только небольшими барками и пароходами. Для транспортировки грузов пароходству придется использовать

железную дорогу от Илимска до Намыра (Момыри) (103 версты), что приведет «к дорожеизнанию сухопутной перевозки».

Перечисленные факторы позволили автору докладной записки прийти к выводу: «Сообразив стоимость таковых работ, неудобства р. Илма для грузового пароходства, затруднительность и дорожеизнанию перегрузок сухопутной перевозки, гораздо рациональнее будет употребить все эти издержки прямо на расчистку и улучшение верхних порогов, что подает надежду. Хотя на будущее понижение провозной платы, чего на илимском пути, даже и при наилучшем устройстве его предвидеть невозможно» [10].

Исследования и беседы с местными жителями убедили, что для обхода ангарских порогов «гораздо больше удобства и выгоды» представляет протекающая мимо Нижнеудинска р. Уда, ниже по впадению р. Чухчи, носящая название Чуна, далее — Она и впадающая в Ангару как р. Тасеева в 15 верстах выше устья Енисея, между Алёшкиным быком и Татарской шиверой.

Романов дал описание Уды: «Река эта... берет начало в отрогах Саянского хребта, между истоками рек Ии и Бирюсы. До г. Нижнеудинска она течет в высоких утесистых берегах и имеет характер вполне горной реки: каменистое дно, быстрое течение, частую и большую прибыль воды от небольших дождей в ее верховьях... Такой характер продолжается еще верст на 70 ниже города, далее (особенно после впадения р. Чухчи) длина реки расширяется, берега становятся ровными, открытыми, тайга встречается редко... От впадения Чухчи, река становится судоходною в полном значении этого слова, на ней нет ни бродов, ни порогов, ни опасных мест до самого устья [11].

Тот факт, что жители у д. Мироновой, расположенной в двух верстах ниже устья Чухчи, ежегодно сплавляют по Уде на енисейские золотые прииски скот на плотах и «даже по 2 раза в лето», доказывал судоходность Уды, но об этом местные жители знали давно, поскольку еще в сороковые годы из Нижнеудинска «в Ангару» сплавляли паузки с хлебом, а мироновцы принимали из Нижнеудинска плоты со спиртом [12].

Инженер отметил, что если бы была проложена тележная дорога от д. Мироновой на Уде к Братскому острогу или Николаевскому железноделательному заводу, тогда можно было бы учредить водное сообщение от Иркутска до Енисея с небольшим сухопутным волоком, минуя ангарские пороги, а улучшение лежащей ниже устья Уды Татарской шиверы и Стрелочного порога не будет затруднительным и не повлечет больших расходов [13]. Он подчеркнул, что на маршруте Иркутск–Енисейск, если водное сообщение будет установлено, могут работать суда с осадкой около 3 футов, что совершенно достаточно для пароходов с мощностью двигателя 100 л. с. и для железных барж, которые могут перевозить 10–15 тыс. пудов груза [14].

Автор докладной записки предположил, что флот, возможно, сможет подниматься и на Чухче до заимки на 40–50 верст выше устья реки. Тогда необходимо будет «устроить» тележную дорогу от заимки до Николаевского железноделательного завода, где уже существует тележная дорога, проходящая через д. Долонову (на Оке) в Братский острог. Он считал, что суда могут не доходить до острога, а «нагружаться» в Долоновой, расположенной в 12 верстах от завода [15], особо отмечая, что «от Долоновой водный путь по Оке до Ангары удобен во всякое время года... по этому пути расстояние между Иркутском и Енисейском выходило бы: Ангарой до Братского острога или по Оке до... Долоновой до 560 верст, сухопутьем через Николаевский завод до заимки на Чухче до 140; Чухчей и Чуной (Удой) до впадения в Ангару до 550; Ангарой

и Енисеем до Енисейска до 150; всего 1 400 верст, из коих 1 200 верст водою и до 140 сухопутьем» [16].

В записке подчеркивалось, что подробное исследование даст ответ на вопросы: строить ли тележную дорогу от Ангары на Чуну (Уду) длиною 150 верст или расчищать ангарские пороги, а также дешевле ли будет перевозить грузы по Ангаре от Иркутска до Енисейска через пороги (1 800 верст) или целесообразно воспользоваться более коротким путем через Чуну (1 400 верст), при этом 150 верст приходится на сухопутный путь [17].

Сам же исследователь считал, что расчистка ангарских порогов — мероприятие дорогостоящее и нецелесообразное и предлагал более внимательно изучить судоходные возможности Чуны (Уды) и Чухчи. Он писал: «Улучшение хода через пороги и расчистка их составляют работу до такой степени большую и медленную, и содержание этих улучшений в исправности потребует таких ежегодных расходов, что едва ли путь через Чуну не будет предпочтительнее, потому, что там предстоит только немногосложная постройка простой дороги, а большая ценность провоза по ней, сравнительно с водяным путем, более или менее покроется сокращением расстояния до 400 верст против пути по Ангаре. Местность не представляет никаких особых препятствий к проведению здесь тележной дороги, — самый же главный вопрос заключается в степени судоходности рек Чуны (Уды) и Чухчи» [18].

Если Уда действительно судоходна до Нижнеудинска, как утверждают ангарские старожилы, то вопрос о водном сообщении от Иркутска до Енисейска, по утверждению Романова, «решается еще проще», а именно: «Пароходы, хотя бы и с небольшой только осадкой, могли бы заходить тогда от Енисейска до Нижнеудинска, отсюда грузы следовали бы далее на телегах по московскому тракту до станции Кимильтайской (220 верст) и отсюда по проселочной тележной дороге сворачивали бы или в г. Балаганск, или в с. Шиверу на Ангаре в 80 верстах от Кимильтайской. Отсюда, нагружаясь в суда, по Ангаре через 230 верст достигли бы Иркутска так, что весь этот путь от Иркутска до Енисейска простирался бы: Ангарой до сел. Шиверы до 230 верст; сухопутьем от с. Шиверы до Нижнеудинска до 300 верст; Удой, Ангарой и Енисеем от Нижнеудинска до Енисейска до 770 верст: всего 1 300 верст, из коих 1 000 верст водою и до 300 сухопутьем» [19].

Это направление сокращало расстояние от Иркутска до Енисейска, если сравнивать с маршрутом по Ангаре, более чем на 500 верст, но сухопутная перевозка была длиннее на 300 верст. Тем не менее Романов считал этот путь предпочтительнее «уже и потому, что он не требует никакой предварительной затраты капитала», и выразил надежду на дальнейшее исследование этого пути и использование его для связи Иркутска с Енисейском, «хотя бы на первое время, в ожидании расчистки ангарских порогов».

Власти края ознакомились с текстом докладной записки, рекомендациями и предложениями (достаточно объективными, продуманными), изложенными в ней. Однако неизвестно, какое решение было принято. Просмотренные нами источники не дают ответа на этот вопрос.

В улучшении ангарского водного пути были, прежде всего, заинтересованы «деловые люди» — сибирское купечество, которое предпринимало определенные шаги в этом направлении. Житель Красноярска, золотопромышленник Александр Роцехтаев предложил проект «об очищении Ангары от порогов, препятствующих судоходству по ней, а камни паче пароходству». Свои предложения 12 февраля 1861 г. он представил генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову.

Рощехтаев брал на себя обязательство за три года уничтожить пороги, «рассчитывая на помочь казны в получении 100 тыс. руб. серебром. В первый год он просил выделить 50 тыс., а затем по 25 тыс. руб. ежегодно. Если работа будет выполнена раньше намеченного срока, то после освидетельствования и убежденности в том, что все выполнено добросовестно, правительство выдаст все деньги сразу» [20]. Необходимый капитал обеспечивал залог — долевое участие на приисках Нигинском, находящемся в южной части Енисейского округа по р. Мурожной под фирмой купца Калинина-Шумляева, и прииск Александрово-Аненский, принадлежавший просителю, находящийся там же [21].

Железо и «нужные инструменты» подрядчик должен был «самооплачивать», получая их с Николаевского железоделательного завода, а для проведения взрывных работ просил «отпускать на счет мой по казенной цене, какая будет назначена для продажи ясачным и крестьянам, занимающимся ясачными промыслами» [22].

Предприниматель брал обязательство оплачивать работы знающего бурение мастера или горнорабочего с Нерчинского железоделательного завода [23].

Рощехтаев просил у генерал-губернатора определенные преференции, после того как все необходимые работы будут окончены. Обосновывая просьбу, он писал: «По успешном окончании дела уничтожения порогов, в вознаграждение моих трудов и могущих быть от сего дела убытоков дозволить мне в 5 лет сбор со всех частных судов, проплывающих по Ангаре в течение навигации каждого года, а именно с больших по 100 руб. в лето, средних по 50, и малых судов и лодок с грузом по 20 руб., что не составит для них обременений, если принять в расчет производимую ныне выгрузку и нагрузку судов в порогах, а часто и потери самого судна со всем грузом» [24].

Власти посчитали, что предприниматель едва ли сможет выполнить свои обязательства. Да и рисковать столь значительной суммой при туманных перспективах неоправданно. Поэтому просьба не была удовлетворена.

28 июля 1861 г. кяхтинское купечество (Михайло и Василий Сабашники, купец 1-й гильдии Михайло Немчинов, комиссир Иван Грачёв и др.), встревоженное дорогоизной доставки товаров из Кяхты, преимущественно чая, на ярмарки Центральной России, обратилось «актом» к генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову (через кяхтинского градоначальника), предлагая провести исследование фарватера Ангары с порогами и волоком и составление соображения относительно устройства по этому пути сообщения на судах и пароходах, и соединения Ангары и Кети посредством канала или железной конной дороги [25]. Только таким образом, как они считали, возможно уменьшить стоимость чая и других товаров. Подчеркивая, что через Сибирь до Тюмени можно использовать водный путь по Ангаре, а небольшим волоком для перевозки в Кеть, затем по Оби, Иртышу, Тоболу и Туре [26]. Полагая, что в устройстве этого пути также заинтересовано купеческое сообщество Иркутска, Красноярска, Енисейска, доставлявшее товары и различные материалы по Ангаре для золотых приисков, кяхтинцы планировали провести исследования совместно и предлагали взять на себя третью часть затрат, а общие издержки на эксплуатацию, по их мнению, должны составить не более 6 тыс. руб. серебром [27].

30 июня 1861 г. градоначальник Кяхты направил «акт» местных купцов М. С. Корсакову [28].

«Начальник края» ознакомился с поступившим на его имя документом и распорядился «деловым людям» городов, упомянутых в «акте», высказать мнение о предложении купцов Кяхты, что послужит принятию объективного решения.

Иркутские купцы своим «мнением» (от 7 сентября 1861 г.), подписанным городским гильдейским старостой Алексеем Чуриным, его товарищем Василием Останиным, а также Михайло Михеевым, Николаем Котельниковым, Иннокентием Трапезниковым, Алексеем Пежемским, Петром Чуриным и другими участниками собрания, одобрили намерения, отметив, «что при успехе это было бы небесполезно», но предложили расходы на исследование отнести на счет складочного капитала, составленного на торговле в Кяхте, заметив при этом, что практически не участвуют в золотопромышленности Забайкалья и доставке «продуктов для приисков». «В среде нас почти нет», — писали они [29].

28 октября документ поступил в канцелярию генерал-губернатора [30].

Решение енисейского купеческого общества корреспондировалось с иркутянами. В итоговом протоколе заседания, состоявшегося 11 сентября 1861 г., было записано: «Предположение к открытию водяного сообщения по р. Ангаре и соединение Енисея с Кетью железоконной дорогой мы находим целью весьма благую и полезную, как к обеспечению собственного их промысла, так и сему весьма местному открытию пути, но так как Енисейское купечество не имеет никакой совершенно торговли и отношений с Кяхтою, то участвовать в издержках на таковое предприятие не желает» [31]. При этом позволили себе заметить, что «торгующее в Кяхте купечество имеет весьма значительные торговые обороты на Кяхте, сопряженные с их интересами, на исследование сего предприятия могут затратить свой капитал без участия посторонних лиц, в особенности в такой незначительной сумме как назначено...» [32].

Более категорично высказались купцы Красноярска (9 сентября 1861 г.): «На участие в издержках по исследованию Ангары с ее порогами и волоком мы изъявить желания не можем, так как доставка товаров по реке Ангаре нами не производится» [33].

4 октября 1861 г. гражданский губернатор Енисейска отправил отзывы на рассмотрение генерал-губернатору Восточной Сибири [34]. Рассмотрение состоялось и повлияло на принятие решения. Инициатива кяхтинских купцов одобрена не была, хотя проект был выгоден. Купеческое общество не стало рисковать капиталами, боясь «прогореть». Государство также не спешило брать инициативу в свои руки, поняв, что реализация проекта по улучшению судоходных условий Ангары — дело затратное, а перспективы реализации были трудновыполнимы, да и не очень ясны.

Изучением Ангары занимался Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, являясь инициатором проведения ряда экспедиций.

В начале 1870 г. поездку по Ангаре совершили Чекановский, Бельцев и Бутыркин. Результатом работы исследовательской группы стало образование смешанной комиссии из членов ВСОИРГО и Восточно-Сибирского отделения технического общества для составления подробного плана предстоящих работ по изучению Ангары. Комиссия признала необходимость двух экспедиций — одной зимней и второй летней. Чтобы установить прямое водное сообщение Ангары с Леной и Енисеем, рассчитывали исследовать Илим. На проведение работ требовалось около 6 тыс. руб. Предполагалось провести опытный взрыв одного из ангарских порогов. Но эти планы не осуществились. Материалы были востребованы в МПС, поскольку их предполагалось использовать для изучения возможности образования единой сибирской водной магистрали [35].

К. В. Посыть — министр путей сообщения в 1874–1888 гг. — обратил особое внимание на усовершенствование водных путей империи и, в частности,

высказал предложение о необходимости создания непрерывного водного пути от Кяхты до Тюмени протяженностью не менее 5 тыс. верст. Считалось, что водный путь потребует не столь больших затрат в отличие от строительства железной дороги Тюмень–Иркутск (2 500–3 000 верст). Сооружение ее может затянуться на долгий срок. Для организации непрерывного водного сообщения и соединения двух крупнейших рек — Оби и Енисея — требовалось провести руслоочистительные и дноуглубительные работы, и построить Обь–Енисейский соединительный канал. Это послужило началом нового этапа в изучении сибирских рек, в том числе Ангары.

В 1875 г. для изучения водных путей Сибири были отправлены две экспедиции Министерства путей сообщения. Одна из них, под началом А. К. Сиденснера, получила задание исследовать возможности соединения бассейнов Оби и Енисея. Другая экспедиция, под руководством инженера путей сообщения барона Б. А. Аминова, должна была составить проект улучшения судоходных условий Ангары, поскольку эта река считалась составной частью водного пути от Урала к Байкалу.

Согласно инструкции, выданной партии по исследованию рек Восточной Сибири, «необходимо было изучить глубину, ширину рек, изгибы, влияние их на судоходство, характер берегов (на планах должны быть отмечены леса, болота, города, села), притоки с определением их ширины, скорость течения и план реки. Определить, есть ли возможность обойти пороги, то как» [36]. Статистический отдел интересовали сведения относительно количества судов, типов их постройки, грузоподъемности и стоимости, а также торговля и объем грузоперевозок. Требовалось предоставить сведения о пристанях, переправах, спасательных средствах, судостроительных местах, метеорологические наблюдения о вскрытии и замерзании рек. На все работы описанной партии, направленной в Восточную Сибирь, отводилось пять месяцев и выделялось 3 560 руб. [37].

Аминов обратил внимание на незначительность ангарского судоходства. В 1840–1850-е гг. из Иркутска в Енисейск в навигацию спускалось 400 судов с хлебом, овсом, чаем. Однако с падением добычи золота на енисейских приисках сплав практически остановился. Лодка Аминова в 1875 г. была пятым судном, спустившимся через пороги [38].

Экспедиция выявила на Ангаре 79 препятствий: 22 мелких места, 8 порогов, 27 шивер, 17 быков, 5 кармагулов [39]. Долгое время точное количество всех ангарских препятствий не было известно. По подсчетам П. Т. Баснина, было 100 порогов, 31 шивера и 15 быков кармагулов, а Д. Романов, опираясь на сообщения ангарских жителей, говорит о 77 преградах от Братского порога до Енисейска, но считает это преувеличением и указывает 46 порогов, отмечая при этом, что и эти данные не отражают действительности [40].

Руководитель экспедиции был уверен в возможности судоходства на Ангаре, учитывая, что общее протяжение всех каменистых кряжей не превышает 35 верст (и то со всеми мелкими препятствиями), которые можно «обработать» и получается глубокая река более 1 750 верст длиной для непрерывного судоходства в течение всей навигации. Предлагалось вынуть 25 000 куб. саженей камня и песка и уничтожить до 30 камней, находящихся в фарватере. На наиболее опасных и быстрых местах, вероятно, нужно будет использовать туеры. Общая стоимость расчистки Ангары составит не более 1 500 000 руб. [41].

Экспедиция выполнила поставленную задачу. Результатами ее работы в МПС были удовлетворены. Участники получили награды. Н. А. Пашковскому,

опытнейшему ангарскому сплавщику, за активное участие в ее работе была пожалована серебряная медаль [42].

Одновременно со строительством Обь-Енисейского канала, начатым 1 июня 1883 г. под руководством инженера Аминова, вновь обратили внимание на улучшение судоходных условий притока Енисея — Ангара.

Предполагая открыть пароходное сообщение на Ангаре, И. И. Игнатов и А. М. Сибиряков в 1882 г. отправили экспедицию в составе штурмана В. В. Калистратова и распорядителя дел Жабынского завода в Тюмени И. Калтанова. Летом 1883 г. на трех паузах она прошла до Енисейска. Калистратов сопровождал в поездке по Ангаре инженера путей сообщения Руннеберга и прибывших с ним из Петербурга Руссоля и Унге [43]. С целью «...исследовать фарватер Ангара и возможность устройства пароходства на этой реке, так как... ходили совершенно не основательные слухи о том, что пароходы по Ангарским порогам ходить не могут» [44].

Докладывая о результатах экспедиций, Руннеберг и Калистратов были едины во мнении, что Ангара «доступная к плаванию», но «фарватер требует только некоторых улучшений с затратой... капитала».

По расчетам Руннеберга на проведение дноуглубительных работ на четверть аршина по фарватеру в самых мелких местах потребуется 112 000 руб. [45].

Инженер подчеркнул, что хотя плавание по Падунскому порогу, самому опасному из «ангарских преград», и возможно, но он всегда будет опасен для судов, поэтому самое лучшее — обойти его, и предложил три способа решения этой проблемы, а именно:

- построить по левому берегу Падуна на расстоянии двух верст конно-железную дорогу, стоимостью 40 000 руб.;
- провести железную дорогу, что потребует 192 000 руб.;
- построить обводный канал с двумя шлюзами, что обойдется не менее чем в 515 000 руб. [46].

Именно строительство обводного канала Руннеберг считал «самым рациональным», поскольку удалось бы избежать неудобств при перегрузке товаров и позволило уже в ходе дальнейшей эксплуатации сэкономить время и денежные затраты, но предупредил, что канал необходимо оберегать от весеннего ледохода, «который вырывает в это время плоский берег» [47].

Следует напомнить, что Д. Романов еще в 1860 г. считал строительство обводного канала неприемлемым именно по причине весеннего ледохода, о чем выше упоминалось.

В 1883 г. потомственный почетный гражданин Александр Кобычев и купец 2-й гильдии Генрих Гоне из Санкт-Петербурга в прошении, адресованном Министерству путей сообщения и Министерству финансов, просили разрешения образовать акционерное общество для производства работ по приспособлению порожистой части Ангара к беспрепятственному движению сплавного взводного судоходства и устройства турного пароходства [48].

Просители настаивали на гарантиях правительства и его содействия в деятельности предприятия (гарантия доходности общества в размере 5 % с затраченного капитала), хотя добивались права взимать в течение 30 лет сбора с судов и грузов, которые будут проходить по «улучшенному пути» [49].

МПС поддержало просьбу Кобычева и Гоне и считало, что акционерное общество может работать «под надзором Правительства», но Министерство финансов отказалось в просьбе предпринимателям, поскольку правительство не могло дать обществу гарантий [50].

С середины 1880-х гг. исследование на Ангаре продолжилось. Их проводил инженер Максимович, а с октября 1886 г. работы возглавил инженер М. В. Чернцов [51].

Ангарской описной партии предстояло изучить Ангару и определить возможность использования ее для перевозки грузов на строящуюся Транссибирскую железную дорогу. За два года работы в 1888–1889 гг. «Партии» удалось составить карту Ангары, провести инструментальную съемку 43 трудных участков, установить на реке 18 водомерных постов, выполнить измерения расходов воды в различных пунктах Ангары.

Ангарская описная партия впервые подвергла Ангару комплексному изучению с целью ее широкой эксплуатации. Материалы партии послужили основой для разработки мероприятий по улучшению судоходных условий реки, обеспечивающих нужды строительства железной дороги.

После того, как изыскания были завершены, М. В. Чернцов подготовил проектно-сметную документацию по улучшению порожистой части Ангары. В обобщенном виде документы по распоряжению департамента шоссейных и водных сообщений МПС в 1894 г. были опубликованы [52].

Мы не освещаем работы Ангарской описной партии, поскольку этот сюжет отражен на страницах диссертационного исследования А. А. Распопиной [53].

В марте 1906 г. министр путей сообщения получил проект учреждения непрерывного водного пути от Санкт-Петербурга до Байкала, составленный инженером П. П. Чубинским. Он предлагал создать единый водный путь протяженностью 9 000 верст, который должен был «включить в себя Мариинскую систему, р. Волгу от Рыбинска до устья р. Камы, р. Каму, Чусовую до р. Ревды, соединительный путь от устья Ревды до устья Исети, р. Тобол — от устья р. Исети до г. Тобольска, р. Иртыш, Обь — от устья р. Кети, Обь-Енисейский соединительный водный путь, р. Енисей — от р. Большой Кас до устья Ангары и саму Ангару до Байкала» [54]. На Ангаре, входящей в маршрут, предполагалось провести буровые работы на террасах Падунского и Шаманского порогов, и проверочные промеры русла реки для выяснения вопроса о состоянии судового хода и о том, какое количество каменистого грунта потребуется вынуть для углубления судовой полосы до 7–8 четвертей. Общая стоимость всех работ по сметным предположениям не должна превышать 75 000 руб. [55].

Доклад П. П. Чубинского встретил понимание и одобрение на заседании императорского общества судоходства. Участники собрания усматривали очередную выгоду проекта как с точки зрения экономических потребностей, тесно связанных с предстоящей для России задачей интенсивной колонизации дальневосточных владений, так и в стратегических целях. Это необходимое существование второго непрерывного транспортного пути, «связывающего Дальний Восток и Европейскую Россию». Но этот проект так и остался нереализованным, не найдя поддержки во властных структурах. Причина отказа — его высокая стоимость.

В годы Русско-японской войны железнодорожный транспорт был чрезвычайно перегружен и не справлялся с грузоперевозками. Поэтому МПС в начале 1905 г. активизировало поиски альтернативных путей, по которым можно было доставлять грузы, как военные, так и гражданские, в восточном направлении. В этой связи МПС направило экспедицию в район рек Тасеевой и Чуны на предмет выявления возможности использования их для военных перевозок [56].

Вопросы состояния путей сообщения, и водных в том числе, интересовали чиновников, промышленников, судовладельцев, поскольку в развитии

транспортной сети они видели путь к процветанию Сибири, что побудило их к проведению совещания о путях сообщения Сибири. Оно состоялось в Иркутске в декабре 1906 г. под председательством иркутского генерал-губернатора А. Н. Селиванова.

Участники совещания высказались за необходимость улучшения водных путей и в частности за создание единой транзитной водной магистрали от Байкала до Урала. Она должна была охватить Ангару, часть Енисея, Обь-Енисейский канал, реки Обь, Иртыш, Тобол, Тура до Тюмени. Общая протяженность пути составляла 5 000 верст. Б. А. Аминов считал, что такого рода водный путь выгоден для передвижения на запад из отдаленных местностей Восточной Сибири и Забайкалья малоценных и громоздких продуктов сельскохозяйственной, горной, лесной промышленности, соответственно была бы возможность «получать с запада по более низким ценам сельскохозяйственные и промышленные орудия и машины, землеудобительные вещества и все необходимое для развития промышленности, хозяйства и торговли [57].

Препятствий к судоходству на магистрали особых нет, за исключением Обь-Енисейского канала, Шаманского и Падунского порогов, но фарватер, как считал Б. А. Аминов, в этих местах возможно улучшить [58].

Рассматривая вопросы развития и улучшения судоходства, в том числе и на Ангаре, участники совещания признали необходимым установить землечерпательную машину, корчеподъемницу, оборудовать и фарватер дневными знаками и бакенами.

В XX столетии исследования возобновились в 1917 г. Работы проводили партии по исследованию Обь-Енисейского водного пути и исследованию Ленского бассейна.

«Ангарская партия» под руководством инженера А. А. Вельнера совершила поездку по Ангаре от начала порожистого участка (от с. Братский острог) до устья, контролируя планы инженера Чернцова, которые рассматривались как «технически устаревшие» (выполнены в 1887–1889 гг.), осуществила барометрическую нивелировку пройденного пути (1 135 верст) и установила 11 водомерных постов на Ангаре [59].

Вторая организация работала на верхнем плесе Ангары — исток — с. Братский острог, собирая материал по вопросу использования энергии падения рек Ангары и Иркута. Партия выполнила двойную нивелировку участка Ангары от истока из о. Байкал до Вознесенского монастыря (72 версты), составила его полуинструментальный план с нанесением берегового рельефа, произвела рекогносцировку на Иркуте и мелких притоках Байкала — реках Утулик, Мурин, Снежная, Мишиха [60].

Работы проводились при «крайне скромном бюджете».

Итак, с 60-х гг. XIX в. существовало немало проектов по оживлению ангарского водного пути, которые благополучно перешагнули и в XX столетие. И хотя необходимость понимания приведения Ангары в судоходное состояние не оспаривалось, но до практической реализации дело так и не дошло. Большие финансовые затраты останавливали выполнение проектов, в том числе и весьма разных. Развитию судоходства и пароходства, в частности, мешали ангарские пороги. Судоходство сохранялось лишь на безопасных участках реки. Определенные меры по улучшению фарватера предпринимались, но проводились частично и ожидаемых результатов дать не могли, поэтому на Ангаре существовало сплавное судоходство, а основные грузовые потоки следовали Московским трактом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сибиряков А. М. К вопросу о внешних рынках Сибири. СПб., 1894. С. 11.
2. Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 31. Оп. 3. Д. 290. Л. 4.
3. Там же. Л. 5.
4. Там же. Л. 24.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. Л. 25.
8. Там же.
9. Там же. Л. 25 об.
10. Там же. Л. 27.
11. Там же. Л. 28–28 об.
12. Там же. Л. 29.
13. Там же. Л. 30 об.
14. Там же.
15. Там же. Л. 31 об.
16. Там же.
17. Там же. Л. 32.
18. Там же. Л. 32–32 об.
19. Там же. Л. 33.
20. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 291. Л. 2 об.
21. Там же. Л. 4 об.–5.
22. Там же. Л. 5.
23. Там же.
24. Там же. Л. 5–5 об.
25. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 292. Л. 2–3 об.
26. Там же. Л. 2.
27. Там же. Л. 2 об.
28. Там же. Л. 1.
29. Там же. Л. 10–11.
30. Там же. Л. 9.
31. Там же. Л. 8.
32. Там же.
33. Там же. Л. 7.
34. Там же. Л. 6.
35. Распопина А. А. Становление и развитие пароходства в Байкальском водном бассейне в середине XIX — первой четверти XX века: дис. канд. ист. наук. Иркутск, 2003. С. 44.
36. Там же. Л. 46.
37. Цит. по: Распопина А. А. Указ. соч. С. 46.
38. Там же.
39. Там же.
40. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 290. Л. 12 об.
41. Распопина А. А. Указ. соч. С. 47.
42. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 299. Л. 33.
43. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 861. Л. 5 об.
44. Там же. Л. 6.
45. Там же. Л. 14.
46. Там же. Л. 14–14 об.
47. Там же. Л. 14 об.
48. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 313. Л. 32.
49. Там же. Л. 32 об.
50. Там же. Л. 33.
51. Большакова В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск, 1991. С. 131.
52. К проекту Ангарского пути / сост. инж. Чернцовыи. СПб., 1894. 42 с.; МПС по сооружению сибирской железной дороги. Отчет по работам по улучшению судоходных условий р. Ангара. 1894–1898 гг. / сост. инж. М. Чернцов. СПб., 1901. 130 с.

53. Распопина А. А. Указ. соч. С. 51–56.
54. Там же. Л. 56.
55. Там же. Л. 57.
56. Там же. Л. 59–60.
57. Там же. Л. 60.
58. Там же.
59. Малышев В. М., Молодых И. Ф. Исследования рек Восточной Сибири // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1924. Т. 47: Очерки по землеведению Восточной Сибири. С. 68, 84–85.
60. Там же.

T. A. Крючкова

**КРАЕВЕДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ
ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ**

(по материалам «Иркутских епархиальных ведомостей»)¹

Понятие «краеведение» появилось в русском языке сравнительно недавно (в 1910-е гг.), но изучение местного края, его истории и достопримечательностей имеет глубокие корни. Начиная со старейшей дошедшей до нас «Повести временных лет», созданной в начале XII в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, сведения о селениях, городах, областях и краях России вошли в общерусские и местные летописи. Дореволюционное краеведение именовалось «родиноведением» и имело давние традиции. Между историей, этнографией, церковной археологией, с одной стороны, и краеведением, с другой, тогда не лежало никакой дистанции. Но с конца 30-х гг. XX в. по ряду идеологических причин отношение историков к краеведению стало пренебрежительным. Ведь история всякого края была немыслима без религиозных просветителей, церковных иерархов, духовенства, духовно-учебных заведений, приходов, а это были табуированные для советской идеологии темы [1]. С начала 1990-х гг. идеологические преграды отпали, и специалисты получили возможность самостоятельно оценивать современное состояние, историю и культуру края без оглядки на политические штампы. Процесс освобождения от атеистического отравления наблюдается сейчас повсеместно.

Краеведение в настоящее время переживает ренессансный период. Церковное краеведение постепенно оформляется в самостоятельную междисциплинарную науку [2].

Среди духовенства Иркутской епархии было множество разносторонне одаренных личностей, которые не только проявили себя на духовном поприще, но и внесли весомый вклад в развитие отечественной культуры, в том числе и в краеведение (родиноведение).

Важнейшую роль в развитии этого рода деятельности сыграли «Иркутские епархиальные ведомости» (далее — ИЕВ), разрешение на выпуск которых был дан указом Святейшего Синода от 23 октября 1862 г. по ходатайству иркутского архиепископа Парфения (Попова). Структура журнала была утверждена Синодом. В официальной части публиковались указы, распоряжения Синода, а также известия из современной жизни епархии: сведения о награждениях, перемещениях по службе священнослужителей, о поездках и служении правяющих архиереев, о происшествиях, отчеты о деятельности духовно-учебных заведений и др. Неофициальная часть — «Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям» — отличалась разветвленной структурой и делилась на девять отделов: исторический, проповеднический, миссионерский, отдел «известий и заметок», стихотворный, медицинский, биографический, библиографический, «епархиальной жизни». За 1863–1919 гг. в «Прибавлениях» было напечатано около 3 500 статей.

Постоянный авторский коллектив состоял в основном из преподавателей Иркутской духовной семинарии и духовного училища, а также из представи-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение гуманитарных и общественных наук). Проект № 16-04-00434 «Православные духовные писатели Восточной Сибири XIX — начала XX в. Биобиографический словарь».

телей высшего духовенства. Но круг потенциальных корреспондентов ИЕВ не был ограничен: сельские священники и их прихожане присыпали в ведомости историко-краеведческие описания своих приходов, изложение интересных фактов местной истории, предназначенные для публикации уникальные документы из местных церковных архивов и т. п.

Ключевую роль в развитии ИЕВ и формировании информационно-издательской политики издания играли редакторы. На протяжении 57 лет существования ИЕВ (с 1863 по 1919 г.) журнал возглавляли 16 редакторов, главным образом из числа ректоров и преподавателей Иркутской духовной семинарии, имевших академическое духовное образование. Большинство из них являлись не только редакторами, но и авторами журнала, активно публиковавшими на его страницах свои сочинения. Среди них — выдающиеся представители иркутского духовенства, такие как протоиереи П. В. Громов, А. А. Виноградов и др.

Первым редактором ИЕВ, возглавлявшим издание в 1863–1870 гг., был протоиерей Прокопий Васильевич Громов (1801–1880). Он являлся представителем священнического рода Громовых, обосновавшихся в Иркутске еще в XVII столетии. Родившись в семье тулунского священника, юноша Прокопий блестяще окончил Иркутскую духовную семинарию и, будучи одним из лучших ее выпускников, в 1818 г. был отправлен в Московскую духовную академию, располагавшуюся в стенах Троице-Сергиевой лавры. Он первым из иркутян получил степень кандидата богословия. Вернувшись в 1822 г. в Иркутск, Громов преподавал в семинарии, а затем стал священником. В 1824 г., несмотря на молодость, он был произведен в протоиереи и служил в Иркутской Воскресенской (Тихвинской) церкви. С 1833 по 1847 г. — почти 14 лет — трудился настоятелем Камчатского кафедрального собора. Вернувшись в Иркутск, 15 лет служил протоиереем Спасской церкви, а с 1862 г. исполнял должность настоятеля кафедрального Богоявленского собора. Служа в иркутских и камчатских храмах, о. Прокопий увлекался изучением церковных архивов и накопил огромный материал.

С 1863 по 1865 г. на страницах ведомостей выходила подготовленная П. Громовым серия очерков о святителе Иннокентии Иркутском — первом иркутском епископе [3]. Эти очерки имели исключительное значение не только для формирования историографии и агиографии свт. Иннокентия, но и в целом для изучения начального периода истории Иркутской епархии. Собранные воедино, впоследствии они составили книгу «Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление» (Иркутск, 1868). До сих пор труд Громова является одним из наиболее авторитетных и часто цитируемых источников по данному периоду.

Помимо свт. Иннокентия (Кульчицкого) Громов также интересовался личностью и периодом правления иркутского епископа Иннокентия (Неруновича), о котором в ИЕВ также опубликована целая серия очерков [4]. Кроме того, на страницах иркутских ведомостей он разместил многочисленные материалы и архивные документы, собранные им во время службы на Камчатке [5].

Громов продолжал публиковаться в ИЕВ и после того, как оставил пост редактора: в частности, в начале 1870-х гг. вышел цикл статей «Первый, первая, первое в Иркутске...» [6] — летопись памятных дат, событий и сведений по истории Иркутска и Иркутской губернии, в которую автор вписал и свою родовую историю. Всего к настоящему моменту выявлено более 170 его публикаций в одних только ИЕВ.

Возглавляя редакцию ИЕВ в течение восьми лет (1862–1870), протоиерей Прокопий Громов задал высокую информативную, литературную и научную планку публикаций, достойно поддерживаемую его преемниками в этой должности.

В период 1888–1894 гг. редактором ИЕВ был протоиерей Афанасий Александрович Виноградов (1832–1900). Он родился в семье дьячка-бурята в селении Ундинском Нерчинского округа Забайкальской области. Окончил Иркутскую духовную семинарию (1846–1852), затем Казанскую духовную академию (1852–1856) со степенью кандидата богословия. По окончании академии в течение года (1856) преподавал в ней монголо-калмыцкий язык. Затем служил в Камчатской епархии: инспектором Новоархангельской духовной семинарии (1857), священником якутских церквей (1859–1867). В 1871 г. перевелся в Иркутскую епархию, где исполнял обязанности преподавателя Иркутской духовной семинарии (1871–1880), настоятеля Иркутского кафедрального Богоявленского собора (1880–1894), настоятеля Иркутского кафедрального Казанского собора (1894–1900).

Несмотря на большую загруженность священнической и преподавательской работой, о. Афанасий оставил после себя обширное литературное наследие. Первая публикация его появилась в ИЕВ в 1872 г. Прошел лишь один год со времени переезда о. Афанасия в Иркутск, и, несмотря на напряженный ритм работы в Иркутской духовной семинарии, он успел собрать обширный материал по истории этого учебного заведения, о педагогической и ученово-литературной деятельности его ректоров, инспекторов и преподавателей, об успехах выпускников. Помимо этого он проанализировал достоинства и недостатки, результаты и особенности прошедшей накануне реформы образовательной системы. Весь этот объемный массив логично и последовательно был им изложен [7].

Необходимо отметить широкий круг творческих интересов А. Виноградова: агиография, летописание, мемуаристика, миссионерство, церковная история, путевые записки и др. Он написал воспоминания о святителе Иннокентии, митрополите Московском, сосредоточив внимание на нравственном облике иерарха и отметив его отличительную черту характера — неустанную деятельность, доходившую до страсти к труду [8]. Частично эти воспоминания вошли составной частью в известный труд агиографа святителя Иннокентия И. П. Барсукова [9].

Особо интересовала А. Виноградова тема миссионерства. 9 октября 1883 г. в Иркутском Вознесенском монастыре состоялась хиротония начальника Иркутской духовной миссии архимандрита Макария (Дарского) во епископа Киренского, второго викария Иркутской епархии. Начав свою статью с этого исторического события, Виноградов изложил историю миссионерской работы в Предбайкалье, особо остановившись на роли иркутского архиепископа Парфения (Попова) в этом виде деятельности [10].

Одно из последних сочинений А. Виноградова — довольно обширный труд: «Летопись о построении в Иркутске нового Кафедрального собора» — было опубликовано сначала в 17 номерах ИЕВ, а затем в 1895 г. издано отдельной книгой. Будучи настоятелем Иркутского кафедрального Богоявленского собора, о. Афанасий принимал активное участие в возведении нового Казанского собора и подробно изложил историю об избрании места для построения собора, о выборе архитектурных проектов, об этапах строительства, о мастерах, участвовавших в строительстве, и т. д. [11].

Необходимо отметить, что духовенство Иркутской епархии довольно активно проявило себя в летописании, очень важном разделе краеведения. При

каждом храме имелся архив, в котором хранились документы, отражающие историю строительства данной церкви, важные события, сведения о ремонтах, перестройках, о пополнении ризницы и т. д. Начиная с 1829 г. в каждом храме в обязательном порядке велись клировые ведомости. Они включали в себя историческую справку о храме, его состоянии, сведения о клире (послужные списки священников, диаконов, пономарей и дьячков), о церковных старостах, статистические данные о составе и количестве прихожан, а также памятные записи о наиболее важных событиях, происходивших в храме в течение года. Эти документы представляли собой ценный исторический материал. Во второй половине XIX в. они стали источником составления церковных и монастырских летописей.

5 декабря 1866 г. иркутский архиепископ Парфений (Попов) сделал распоряжение: «предписать по Епархии, чтобы по всем церквям с января 1867 года заведены были летописи о всех достойных памяти событиях, относящихся к церкви, причту и приходу; причем, если священники имеют достоверные сведения, достойные памяти из прежней истории церкви, причта и прихожан, то составляли бы предварительный отдел летописи» [12]. Это повеление владыки сыграло свою роль, и на страницах ИЕВ стали появляться интересные публикации.

В 1875 г. здесь была напечатана «Летопись градо-Иркутской Крестовоздвиженской церкви с 1717 по 1771». На первом листе публикации был указан автор: диакон Малов. В клировой ведомости мы нашли его послужной список. Антипатр Григорьевич Малов родился 20 апреля 1836 в г. Верхнеудинске (ныне г. Улан-Удэ) в семье священника. Учился в Иркутской духовной семинарии. 31 октября 1853 г. архиепископом Нилом определен к Иркутской Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви дьячком. В 1857 г. переведен в Верхнеудинский собор, в 1867 г. — архиепископом Парфением по прошению переведен в Иркутский кафедральный собор на диаконское место. 19 августа 1868 г. назначен на псаломническую должность в Иркутскую Крестовоздвиженскую церковь [13].

Текст летописи, в котором изложена история строительства сначала деревянной Крестовоздвиженской церкви, потом ее каменного здания, публиковался в нескольких номерах «Иркутских епархиальных ведомостей». С этой публикации в 1947 г. иркутский историк Ф. А. Кудрявцев снял неполную копию для священника Н. А. Пономарёва, который восстанавливал Иркутскую Крестовоздвиженскую церковь и готовился вместе с приходом отпраздновать 200-летие храма. Рукопись этой копии хранится в Государственном архиве Иркутской области, на листе 7 которой сделана пометка: «Отсюда начинается летопись, составленная Нилом, архиепископом Иркутским» [14]. Известно, что выдающийся миссионер, архиепископ Иркутский и Нерчинский Нил (Исаакович), возглавлявший Иркутскую епархию с 1838 по 1853 г., затем переведенный на Ярославскую кафедру, питал большой интерес к историческим исследованиям. Он сам лично просматривал архив Иркутской консистории и отбирал для себя документы. С собой в Ярославль он увез значительную коллекцию архивных материалов, часть которой погибла в пути, а часть была доставлена к новому месту служения владыки и ныне находится в двух архивохранилищах — в Ярославском музее-заповеднике и в Государственном архиве Ярославской области [15].

Видимо, заявленная первоначально А. Г. Маловым «Летопись градо-Иркутской Крестовоздвиженской церкви с 1717 по 1771» при работе над публикацией

вышла из хронологических границ, в нее решено было вставить подготовленный архиепископом Нилом материал о клире, доведенный до 1820 г. Затем диакон Малов списки священно-церковнослужителей дополнил до 1873 г. Таким образом, в конечном виде летопись Крестовоздвиженской церкви охватила период более 150 лет. Этими обстоятельствами, видимо, объясняется и то, что в данной публикации три раза менялось название [16].

На следующий год в ИЕВ была опубликована «Летопись Успенской церкви г. Иркутска, составленная по архивным актам бывшим настоятелем сей церкви священником Иоанном Родионовым» [17]. Автор летописи — Иоанн Петрович Родионов (1831–1891) — родился в семье протоиерея. Окончил курс в Иркутской духовной семинарии в 1852 г. Хорошо знал разговорный монголо-бурятский язык, который преподавал в Иркутском духовном уездном училище, затем в Иркутской духовной семинарии. 18 января 1862 г. указом Св. Синода был назначен миссионером к пяти инородческим ведомствам, расположенным по Якутскому тракту. В 1868–1875 гг. был настоятелем Иркутской Успенской церкви. Указом Иркутской духовной консистории от 23 апреля 1875 г. был назначен к Кудинской Троицкой церкви вместо своего умершего отца протоиерея Петра Родионова. В Куде он и скончался.

В «Летописи Успенской церкви» И. П. Родионов описал церковное здание, построенное на средства иркутского купца Прокопия Федоровича Медведникова, отметил особо чтимые иконы и богослужебные сосуды.

Обстоятельную и интересную «Летопись Кудинской Свято-Троицкой церкви Иркутского округа» [18] опубликовал священник Николай Федорович Протопопов (около 1855–1918). Получив образование в Иркутской духовной семинарии, он в 1877 г. был послан служить в Забайкалье, где первоначально был псаломщиком, потом диаконом Урлукской Казанской церкви. В 1882 г. его рукополагают во священника к Нарымской Ильинской церкви. Через шесть лет он назначается на должность священника к Богоявленской церкви с. Знаменского (Илгинского) Верхоленского уезда. Указом Иркутской духовной консистории от 27 февраля 1890 г. Н. Ф. Протопопов был переведен к Кудинской Троицкой церкви, где прослужил 20 лет. Отец Николай тщательно изучил церковный архив и в полной мере использовал его при написании «Летописи...», в которой довольно подробно изложена история построения Кудинской церкви, описаны принадлежащие ей часовни, богадельня, церковно-приходская школа, библиотека, даны сведения о приходе и составе причта на протяжении XIX в.

Летописи, составленные священнослужителями, не вполне соответствовали традиционно принятой летописной форме, где разнообразные события и факты представлены в хронологическом порядке. Составители летописей группировали найденный в церковных архивах материал, как правило, по разделам, которые соответствовали форме заполнения клировых ведомостей: описание церковного здания, время освящения престолов, характеристика церковной утвари, состав причта и прихода и др. Материал этих летописей не утратил своей ценности до настоящего времени, тем более что многие документы, использованные церковными летописцами, до нас не дошли.

Церковные историки понимали большую ценность документальных источников и немало сделали для введения их в научный оборот. Очень интересные исследования провел в архиве Иркутского Знаменского монастыря священник Василий Симеонович Корелин (около 1837 — 23.04.1906). Сын священника, он в 1858 г. окончил курс наук в Иркутской духовной семинарии и по определению Святейшего Синода был направлен в числе других воспитанников в

С.-Петербургскую духовную академию для изучения монгольского языка, где и обучался до 1861 г. По возвращении в 1862 г. был рукоположен в сан священника к Гужирской Николаевской церкви со званием миссионера. Затем служил в ряде других храмов Иркутской епархии, в том числе и в Троицком соборе г. Троицкосавска. 1 августа 1882 г. был переведен к Иркутской Знаменской церкви. В 1890 г. освободилось настоятельское место в Иркутской Преображенской церкви, куда он, согласно его прошению, был определен и служил в этом храме 15 лет до выхода в заптат [19].

В «Иркутских епархиальных ведомостях» им опубликованы два обстоятельных труда по истории Иркутского Знаменского женского монастыря [20]. В первом он, проанализировав монастырскую опись 1764 г., подробно описал храмы и все здания монастыря, историю их строительства, земли, заемки и зимовья, принадлежащие монастырю, церковную утварь и ризницу, а также привел сведения о проживающих в монастыре в середине XVIII в. монахинях и служащих священниках. Во втором — охарактеризовал деятельность в монастыре каждой настоятельницы.

В ИЕВ регулярно печатались путевые дневники миссионеров, а также записи священников, сопровождавших архиереев в обзорных поездках по епархии. Неоспоримую важность этих материалов для церковного краеведения можно оценить на примере публикации иркутского священника Николая Александровича Пономарёва о поездке иркутского викарного епископа Евгения (Зернова) в Киренский уезд Иркутской губернии в 1913 г. [21]. Путевой дневник, в котором подробно и образно описаны все происходящие во время путешествия события, показывает не только живую картину духовной жизни Восточной Сибири начала XX в., а также свидетельствует о ярких страницах иркутского периода подвижнической жизни епископа Евгения, впоследствии митрополита, расстрелянного в 1937 г. и причисленного к лику святых в чине священномученика в 2000 г. Архиерейским собором Русской православной церкви. Особый интерес представляет фотоальбом, который хранится в Государственном архиве Иркутской области [22]. Он включает в себя 136 черно-белых фотографий, на которых запечатлены храмы, здания церковно-приходских, священнослужители, жители далеких деревень, а также сопровождающие епископа Евгения священнослужители и обслуживающий персонал. В альбоме помещена также очень ценная фотография с изображением простой крестьянской избы в с. Анга Верхоленского уезда, в котором родился и провел детские годы великий просветитель народов Аляски, Якутского края и Дальнего Востока, впоследствии митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов). Владыка Евгений специально заехал в Ангу, находившуюся в стороне от прямой дороги назначенного маршрута, чтобы сделать распоряжения по ремонту этого бесценного памятника.

Формат данной статьи позволил лишь наметить некоторые аспекты краеведческой деятельности священнослужителей Иркутской епархии XIX — начала XX в. ИЕВ аккумулировали в себе огромный массив богатейших материалов, изучение которых и введение в научный оборот принесет много важных и неожиданных результатов для историографии местного церковного краеведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Затологин И. Об изучении церковной истории родного края // Живоносный источник. 2009. № 1 (1). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orthedu.ru/kraeved/610-09.html> (дата обращения: 27.06.2018 г.).

2. Журавский А. Современное церковное краеведение и его роль в воссоздании церковно-исторической науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=302308> (дата обращения: 27.06.2018 г.).

3. П. Громов опубликовал 39 очерков, посвященных святителю Иннокентию. Приведем названия лишь некоторых из них: [Громов П.] Иннокентий Святый, 1-й епископ Иркутский. Открытие Иркутской епархии (15 января 1727 года) // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 22. С. 325–331; [Он же]. Управление Святителя Иннокентия (1728 год) // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 39. С. 623–629; № 40. С. 641–647; № 41. С. 657–664; № 42. С. 675–681; № 44. С. 709–715; № 45. С. 729–734; № 46. С. 749–757; № 47. С. 771–778; [Он же]. Управление Святителя Иннокентия. Состояние церквей // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 43. С. 689–694; [Он же]. Управление Святителя Иннокентия (1728 год). Состояние монастырей // Прибавления к ИЕВ. 1863. № 49. С. 807–814; [Он же]. Управление святителя Иннокентия (1729 год) // Прибавления к ИЕВ. 1864. № 7. С. 108–115; № 8. С. 125–133; № 10. С. 155–166; № 11. С. 175–182; № 12. С. 191–194; № 13. С. 209–214; № 15. С. 254–264; № 17 и 18. С. 289–294; № 19. С. 316–323; № 20. С. 329–345; № 21. С. 347–353; № 22. С. 361–372; [Он же]. Последний год жизни святителя Иннокентия (1731 год) // Прибавления к ИЕВ. 1864. № 31. С. 497–501; № 32. С. 515–519; № 33. С. 529–535; № 34. С. 543–555; № 35. С. 557–561; № 36. С. 567–573; [Он же]. Кончина святителя Иннокентия (1731 год) // Прибавления к ИЕВ. 1864. № 37. С. 581–587; [Он же]. Келейная и духовная жизнь Святителя Иннокентия // Прибавления к ИЕВ. 1864. № 47. С. 703–709; [Он же]. Чудеса Святителя Иннокентия // Прибавления к ИЕВ. 1864. № 48. С. 715–726; № 49. С. 729–738; № 50. С. 745–756; [Он же]. Освидетельствование мощей Святителя Иннокентия // Прибавления к ИЕВ. 1864. № 51. С. 757–763; [Он же]. Открытие церковного празднования Святителю Иннокентию // Прибавления к ИЕВ. 1864. № 52. С. 769–782; [Он же]. Заключение сказаний о святом Иннокентии, первом епископе Иркутском. «Да не будем ми лгати на Святаго» // Прибавления к ИЕВ. 1865. № 6. С. 55–61.

4. П. Громов опубликовал 41 очерк, посвященный епископу Иннокентию (Неруновичу). Приведем названия лишь некоторых из них: [Громов П.] Епископ Иннокентий Нерунович. 1733–1740. Церкви Илимского ведомства // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 24. С. 312–316; № 25. С. 321–326; № 26. С. 331–335; № 27. С. 341–347; [Он же]. Епископ Иннокентий Нерунович. Его общественные заслуги // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 34. С. 423–432; [Он же]. Епископ Иннокентий Нерунович. Церковь в Охотске // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 43. С. 518–526; [Он же]. Епископ Иннокентий Нерунович. Церкви в Камчатке // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 44. С. 528–534; № 45. С. 537–542; [Он же]. Епископ Иннокентий Нерунович и вице-губернатор Плещеев // Прибавления к ИЕВ. 1867. № 47. С. 556–561; № 50. С. 589–593; № 51. С. 607–611; № 52. С. 619–625; 1868. № 3. С. 39–42; [Он же]. Епископ Иннокентий Нерунович. Перемена миссии в Пекине (1743 год) // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 25. С. 305–314; [Он же]. Епископ Иннокентий Нерунович. Замечательные события в епархии // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 39. С. 432; [Он же]. Выезд епископа Иннокентия из Иркутска // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 20. С. 235–238; [Он же]. Водворение епископа Иннокентия Неруновича в Братской пустыни // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 21. С. 247–249; [Он же]. Кончина и погребение епископа Иннокентия Неруновича // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 35. С. 439–442; [Он же]. Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутскою епархию. Крещение инородцев // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 38. С. 463–468; [Он же]. Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутскою епархию. Церкви в г. Иркутске // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 40. С. 487–493; № 41. С. 495–500; [Он же]. Обзор управления епископа Иннокентия Неруновича Иркутскою епархию. Состояние монастырей // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 48. С. 569–580; [Он же]. Общий взгляд на управление епископа Иннокентия Неруновича // Прибавления к ИЕВ. 1870. № 50. С. 595–607.

5. [Громов П.] Какими судьбами я был управлен в Камчатку // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 2. С. 16–22; № 3. С. 29–33; [Он же]. Путь из Иркутска в Камчатку // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 4. С. 41–47; № 5. С. 56–63; № 6. С. 75–80; № 7. С. 81–87; № 9. С. 105–114; № 12. С. 145–149; № 16. С. 193–201; № 17–18. С. 216–222; № 20. С. 249–257; [Он же]. Прибытие миссии Хотунцевского в Охотск // Прибавления к ИЕВ. 1869. № 22. 279–285.; [Он же]. Назначение в Камчатку духовной миссии в 1742 г. // Прибавления к ИЕВ. 1874. № 30. С. 395–404; № 32. С. 416–425; № 43. С. 555–566; 1875. № 1. С. 1–6; № 2. С. 13–21; № 7. С. 74–76; № 8. С. 82–92; № 10. С. 115–120; № 15. С. 197–202; № 21. С. 292–298; № 24. С. 327–337; № 25. С. 347–352; № 26. С. 358–362; № 40. С. 547–552; № 41. С. 559–563; № 42. С. 569–574; № 44. С. 600–604.

6. [Громов П.] Первый, первая, первое в Иркутске // Прибавления к ИЕВ. 1878. № 31. С. 345–350; № 32. С. 351–354; № 35. С. 389–393; № 36. С. 405–408; № 37. С. 416–420; № 38. С. 429–430; № 39. С. 441–442; № 41. С. 462–464; № 42. С. 471–472; № 43. С. 482–486; № 46. С. 517–519; № 48. С. 534–540; № 50. С. 571–574; № 52. С. 594–599.
7. Виноградов А. Историческая записка об Иркутской духовной семинарии за последние 25 лет, составленная секретарем правления семинарии священником Афанасием Виноградовым // Прибавления к ИЕВ. 1872. № 1. С. 1–8; № 3. С. 25–32. № 4. С. 39–48; № 5. С. 51–62.
8. Виноградов А. Воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском // Прибавления к ИЕВ. 1879. № 39. С. 441–457.
9. Воспоминания протоиерея А. Виноградова о семилетнем пребывании Иннокентия в Якутске // Барсуков И. Иннокентий митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 468–480.
10. Виноградов А. Второе викариатство в Иркутской епархии // Прибавления к ИЕВ. 1883. № 42. С. 531–540; № 43. С. 543–556.
11. [Виноградов А.]. Краткая летопись о построении в Иркутске нового Кафедрального собора // Прибавления к ИЕВ. 1894. № 3. С. 1–8; № 5. С. 1–10; № 6. С. 1–8; № 7. С. 1–5; № 9. С. 1–4; № 10. С. 1–7; № 11. С. 1–5; № 12. С. 6–10; № 13. С. 1–8; № 15–16. С. 1–13; № 17. С. 1–8; № 18. С. 1–6; № 24. С. 5–9; № 25. С. 4–7; № 27. С. 1–8; № 29. С. 1–9; № 31. С. 1–6; Виноградов А. Летопись о построении в Иркутске нового Кафедрального собора / сост. Кафедральный протоиерей А. Виноградов. Изд. тип. Сизых с разрешения сост. Иркутск: Тип. Сизых, 1895. 70 с.
12. К исполнению // ИЕВ. 1866. № 50. С. 323–324.
13. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8444. Л. 144 об.–146. Клировые ведомости градо-Иркутских церквей за 1873 г.
14. ГАИО. Ф. р-2731. Оп. 1. Д. 5. Л. 7. Материалы к 200-летию Иркутского Кресто-воздвиженского храма. 1947 г.
15. Чернышева Н. К. Архиепископ Иркутский и Нерчинский Нил (Исакович) и подвижники благочестия Сибири (по материалам архива и библиотеки преосвященного) // Вторые романовские чтения: Материалы научной конференции 8–9 октября 1998 г. Иркутск, 2000. С. 71–76.
16. Малов А. Летопись градо-Иркутской Крестовоздвиженской церкви с 1717 по 1771-й год // Прибавления к ИЕВ. 1875. № 26. С. 353–358; № 27. С. 371–376; Летопись градо-Иркутской Крестовоздвиженской церкви с 1717 года // Прибавления к ИЕВ. 1875. № 35. С. 467–479; № 36. С. 483–487; № 37. С. 499–506; № 38. С. 515–524; № 39. С. 535–540; Летопись градо-Иркутской Крестовоздвиженской церкви // Прибавления к ИЕВ. 1875. № 40. С. 553–554; № 41. С. 563–568; № 42. С. 575–580; № 45. С. 615–619; № 47. С. 636–638.
17. Родионов И. Летопись Успенской церкви г. Иркутска, составленная по архивным актам бывшим настоятелем сей церкви священником Иоанном Родионовым // Прибавления к ИЕВ. 1876. № 26. С. 356–362; № 29. С. 406–409.
18. Протопопов Н. Летопись Кудинской Свято-Троицкой церкви Иркутского округа // Прибавления к ИЕВ. 1891. № 52. С. 1–4; 1892. № 1. С. 1–4; № 2. С. 1–10; № 3. С. 1–8.
19. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12164. Л. 26 об.–32 об. Клировые ведомости Иркутского благочиния за 1904 г.; Известия и заметки // Прибавления к ИЕВ. 1906. № 11 и 12. С. 317.
20. Корелин В. Сведения об Иркутском Знаменском женском монастыре, почерпнутые из описи означенного монастыря, составленной в 1764 // Прибавления к ИЕВ. 1890. № 14. С. 1–6; № 15. С. 1–8; № 17. С. 1–5; № 20. С. 1–7; № 21. С. 1–8; № 24. С. 1–6; № 25. С. 1–5; № 26. С. 1–4; № 27. С. 10–12; Он же. Настоятельницы Иркутского Знаменского женского монастыря со времени основания его — 1693 года по настоящее время (1892 г.) // Прибавления к ИЕВ. 1892. № 21. С. 1–5; № 22. С. 1–5; № 23. С. 1–10.
21. Пономарёв Н.А. Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. // Прибавления к ИЕВ. 1913. № 21. С. 661–663; № 22. С. 688–694; 1914. № 2. С. 48–60; № 4. С. 121–131; № 6. С. 213–222; № 10. С. 351–363; № 11. С. 366–371; № 13. С. 444–452; № 15. С. 486–494; № 17. С. 577–584; № 18. С. 621–628; № 20. С. 685–694; № 21. С. 724–733; № 22. С. 747–754; № 23. С. 785–792. Эта публикация была переиздана в 2007 г. в Иркутске отдельной книгой.
22. Фотоальбом // ГАИО. Ф. р-2732. Оп. 1. Д. 2.

Н. Шабалина

ПРОТОИЕРЕЙ ДМИТРИЙ ГАГАРИН: ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА¹

Заметной фигурой общественной, просветительской и образовательной жизни Иркутской епархии рубежа XIX — начала XX в. был протоиерей Иркутского кафедрального собора Дмитрий Николаевич Гагарин. На страницах епархиальных ведомостей и других местных изданий того времени регулярно появлялись его статьи: хроника знаменательных событий в жизни епархии, биографические справки и некрологи представителей иркутского духовенства, репортажи о деятельности Братства святителя Иннокентия Иркутского, работы педагогического характера. Всего его перу принадлежит более 50 публикаций. Деятельность самого Гагарина как педагога и публициста неоднократно вызывала положительные отклики его современников, которые также появлялись на страницах местной прессы. Можно утверждать, что Гагарин был довольно известной и популярной личностью в Иркутске своего времени. Однако в современной историографии он упоминается преимущественно как автор библиографического указателя к «Иркутским епархиальным ведомостям» и историограф Братства во имя Святителя Иннокентия (Кульчицкого) [1]. При этом биография и обширная деятельность протоиерея остаются фактически не освещенными с научной точки зрения. Вместе с тем, они представляют собой интересный и актуальный предмет исследования, касающийся не только личности самого Дмитрия Николаевича, но и в целом роли православного духовенства в культуре Восточной Сибири в преддверии русских революций. В настоящей статье предлагается подробный очерк жизни и творчества протоиерея Гагарина и обзор основных его сочинений, многие факты и документы впервые вводятся в научный оборот.

Дмитрий Николаевич Гагарин родился 4 сентября 1861 г. в г. Иркутске в семье диакона в приходе Иркутской церкви во имя Входа Господня в Иерусалим. О его ранних годах священник Тельминской церкви о. Александр Попов вспоминал следующее: «К священному сану подготовила тебя сама судьба, руководимая волею Божией. С отроческих лет ты постоянно участвовал при архиерейских богослужениях, пройдя весь класс должностей, начиная с лампадника и кончая иподиаконом. Торжественные и благоговейные архиерейские службы, несомненно, производили на тебя неотразимое впечатление и постепенно укрепляли твою чуткую юную душу в религиозном отношении...» [2]. Дмитрий Николаевич окончил Иркутское духовное училище, в 1883 г. — Иркутскую духовную семинарию. 7 октября 1883 г. преосвященным Мелетием, епископом Селенгинским, был рукоположен во диакона, а уже 9 октября того же года — во священника к Китайской Христорождественской церкви. К месту служения Гагарин переехал вместе с супругой — Ольгой Павловной (род. 16.07.1864 г.), дочерью священника Тельминской Казанской церкви, в 1881 г. окончившей курс в Иркутском женском училище духовного ведомства с аттестатом и свидетельством на звание домашней учительницы. Ольга Павловна станет соратницей Гагарина в распространении грамотности и церковного образования в приходе.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение гуманитарных и общественных наук). Проект № 16-04-00434 «Православные духовные писатели Восточной Сибири XIX — начала XX в. Биобиографический словарь».

С 1883 г. по 25 июня 1888 г. Гагарин служил миссионером в Китайском ведомстве. Инородцы данного ведомства, согласно миссионерским отчетам, относились к числу «особенно грубых, тяжко слушающих призыв ко св. крещению» [3]. Во многом это было связано с деятельностью главы их общества — язычника-фанатика Панаева. Несмотря на это, посетивший в 1885 г. ведомство преосвященный Макарий, епископ Киренский, второй викарий Иркутской епархии и начальник отдела Иркутской духовной миссии, так оценил деятельность Гагарина: «При всем том, при недавнем моем личном посещении Архиерейской деревни, оказалось, что в прошедшем году, несмотря на все помехи со стороны вышеупомянутого головы Панаева и при всей своей относительной неопытности, священник Дмитрий Гагарин окрестил в этом ведомстве сорок человек. Объясняя это обстоятельство единственно особенною ревностию миссионера Дмитрия Гагарина о Славе Божией, я, не в пример прочим, наградил его набедренником» [4].

Архипастырского благословения впоследствии была удостоена и Ольга Павловна. На момент приезда супругов в с. Китайское в нем было только два малограмотных крестьянина. Вследствие этого в 1884 г. Ольга Павловна организовала в собственной квартире школу грамоты и обучала в ней 12 детей обоего пола. Сам Гагарин организовал из школьников хор. Школа существовала за счет организаторов, с учеников взималась только небольшая сумма на покупку учебников и пособий. Просуществовала школа грамоты четыре года и принесла свою пользу. В 1888 г. по инициативе общественности села здесь была открыта церковно-приходская школа [5].

В 1885, 1887, 1889, 1894 и 1905 гг. Гагарин выполнял обязанности катехизатора. В июне 1888 г. по собственному прошению был переведен к церкви Святителя Николая Чудотворца с. Бейтоновское, в ноябре того же года — к церкви Пресвятой Троицы д. Малышевка и утвержден в должности законоучителя Малышевской начальной школы. 22 февраля 1890 г. назначен членом Балаганского отделения епархиального училищного совета. В августе того же года избран секретарем и казначеем отделения, в 1891 г. — председателем отделения. С января 1891 г. по 18 февраля 1898 г. занимал должность благочинного II участка Балаганского округа. В это же время по должности благочинного состоял директором Балаганского окружного попечительного о тюрьмах отделения и членом Балаганского окружного осеннего комитета. 2 сентября 1896 г. был назначен окружным наблюдателем церковноприходских школ и школ грамоты Балаганского округа. С 1894 по 1897 г. состоял председателем церковноприходского попечительства при Малышевской Троицкой церкви.

«Малышевский» период занимает важное место в творческой и служебной деятельности Гагарина. Именно здесь он зарекомендовал себя энергичным, трудоспособным, талантливым пастырем, подготовил к изданию один из основных своих научных трудов — «Указатель к «Иркутским епархиальным ведомостям» за 25 лет: 1863–1888 гг.» (Иркутск, 1889), за что получил архипастырское благословение с искренней благодарностью от архиепископа Вениамина, а также стал активным корреспондентом «Иркутских епархиальных ведомостей» (далее — ИЕВ).

За 1893–1897 гг. Гагарин опубликовал на страницах ИЕВ 11 статей. Преимущественно это подробные обзоры значимых событий из церковной жизни Балаганского округа: «Проводы преосвященнейшего Агафангела, епископа Тобольского и Сибирского, и прощальный обед в честь его в селении Кутуликском, Балаганского округа, при отъезде его в г. Тобольск» (1893. № 41, 42),

«О путеследовании Иркутской Казанской иконы Божией Матери» (1894. № 11), «Торжество в Молькинском миссионерском стане» (1896. № 6) и др.². Все статьи написаны от третьего лица, носят описательный характер, содержат подробную хронику событий, фрагменты речей участников, в том числе самого Гагарина, в некоторых случаях — исторические отсылки. Данный тип статей и в будущем станет превалирующим в творчестве Гагарина, что позволит относить его к числу талантливых историографов своего времени. Вместе с тем о. Дмитрий обращался и к другим жанрам — некролог, поучения, комментарий. Так, в 1894 г. он публикует «Поучение на день Святителя и Чудотворца Иннокентия, 1-го Епископа Иркутского, к сельским прихожанам, сказанное 26 ноября 1894 г.» (1894. № 51), впоследствии вышедшее отдельным оттиском и использовавшееся Гагарином для раздачи школьникам. Поучение приурочено к 163-летию со дня кончины епископа Иннокентия (Кульчицкого). Вначале Гагарин дает краткие сведения о жизни святителя и его канонизации, приглашает паству посетить Вознесенский монастырь и поклониться святым мощам. Далее, опираясь на примеры трудов и праведной жизни святителя, призывает жителей к участию в миссионерской деятельности, через просвещение инородцев и демонстрацию им примеров христианской любви и добродетели. «По примеру святителя, будемте просвещать инородцев-бурята светом Христова учения. Благо, для нас это удобно: инородцы-буряты живут вблизи нас, часто ездят к нам, и мы нередко посещаем их. Крещеных инородцев научим правильно полагать на себе крестное знамение, поучим их молитвам и главнейшим истинам веры нашей. Своим примером покажем инородцам, как нужно молиться, как подходить в домах ко святому кресту, к священнику, как нужно вести себя в праздники и, по возможности, прочее христианское благоповедание. Пусть буряты видят, что вера Христова есть вера святая, а христиане — люди благочестивые» [6]. Завершается поучение наставлениями, обращенными к жителям села.

О служении о. Дмитрия и его отношениях с паствой в этот период священник Александр Попов вспоминал: «На первых же порах твоей службы в Малышевке ты своим ласковым, простым обращением, доступностью и гостеприимством заинтересовал и расположил к себе прихожан. Не льстя тебе, говорю, ты был душою не только Малышевского, но и соседнего Балаганского О-в. <...> Ты никому не отказывал в удовлетворении религиозных треб. В трудных житейских вопросах ты был незаменимый советник, а иногда и ходатай. Благодаря таким симпатичным качествам прихожане тебя полюбили, и потому каждое твое предложение по благоустройству прихода и церкви тотчас же беспрекословно ими удовлетворялось» [7]. Стараниями Гагарина была отремонтирована Малышевская церковь, устроена часовня в д. Усть-Осе, открыто много церковно-приходских школ и школ грамоты.

14 января 1898 г. Гагарин на основании прошения был переведен к иркутскому храму во имя Спаса нерукотворного образа с возложением обязанностей законоучителя и заведующего Иркутской Вениаминовской церковноприходской школой. При отъезде из Балаганского округа в Иркутск чествован от духовенства и учителей поднесением серебряных вещей, а от отделения училищного Совета и тюремного Комитета — св. иконы.

В Иркутске Гагарин продолжил активную деятельность на поприще церковного образования, что нашло отражение в его публикациях. В 1898 г.

² Полный перечень публикаций Гагарина будет представлен в готовящемся к изданию библиографическом словаре «Православные духовные писатели Восточной Сибири XIX — начала XX в.».

вышла обширная статья исторического характера «Иркутская городская "Вениаминовская" церковно-приходская школа: 1894–1898 гг.» (№ 20, 21). Гагарин подробно описывает историю устроения школы (сбор пожертвований, обращения в Иркутскую городскую думу), торжественное открытие 20 октября 1894 г., школьное помещение, обустроенное в доме, принадлежащем кафедральному собору, состав преподавателей, движение учащихся за время ее существования.

25 февраля 1898 г. Гагарин был утвержден наблюдателем церковноприходских школ и школ грамоты Иркутского округа (уезда). 16 марта того же года — председателем Иркутского отделения епархиального училищного совета. В мае 1898 г. вследствие образования отдельного прихода из сельской части Спасского прихода с одним штатным священником при церкви перемещен к Иркутскому кафедральному собору. С 15 июня по 1 августа 1898 г. состоял лектором кратковременных педагогических курсов в Иркутске по методике Закона Божия и руководителем практических занятий по тому же предмету.

В 1899 г. Гагарин становится организатором важного религиозно-воспитательного события для учеников церковно-приходских школ — паломничества в Иркутский Вознесенский монастырь на поклонение мощам святителя и чудотворца Иннокентия. 27 апреля 1899 г. ученики четырех сельских и трех городских церковно-приходских школ, во главе со своими заведующими, учителями и учительницами, всего в количестве 302 человек, отправились в Иркутский Вознесенский монастырь. Гагарин так описывает само шествие: «Горожане с удивлением смотрели на это шествие и спрашивали: "Откуда их столько набрали? Куда их повели?". В монастырь все дети шли пешком, хотя на случай для них и было приготовлено несколько лошадей в телегах. Даже самые маленькие ученики и ученицы отказались сесть, не смотря на приглашение. Во время хода ученики вели себя в высшей степени благоприлично. Сердце радовалось при виде этой разноцветной мелкоты, религиозно настроенной и стремящейся поклониться мощам Святителя. Думалось, дай Господи, чтобы эта религиозная искра, заброшенная в их сердца в школах, не заглохла, а принесла бы плод стопицею» [8]. Многие из сельских учеников, участвовавшие в паломничестве, впервые посетили Иркутск. Им также показали музей и кафедральный собор, подарили подарки, в том числе брошюру Гагарина с Поучением на день святителя Иннокентия. О данном событии было написано не только в ИЕВ, но и в журнале «Народное образование» (1899. Кн. VIII). В 1900 г. было совершено еще одно подобное паломничество, освещенное Гагариным в статье «Паломничество 600 человек учеников церковных школ Иркутского уезда на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского Чудотворца, 26–28 апреля 1900 г.» (ИЕВ. 1900. № 20).

В июне 1900 г. Гагарин был утвержден членом-секретарем Комитета по постройке зданий для Иркутской церковноучительской семинарии имени иркутского купца и благотворителя Василия Андреевича Литвинцева. В марте 1901 г. за плодотворные труды по развитию церковно-школьного дела в Иркутском уезде получил архипастырское благословение. В мае 1901 г. по собственному прошению уволен от обязанностей председателя Иркутского отделения Училищного совета. С 10 июня по 23 июля 1901 г. состоял помощником инспектора краткосрочных учительских курсов в Иркутске. 1 сентября 1903 г. по прошению уволен от должности наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты, в которой прослужил по Балаганскому и Иркутскому уездам с 1896 по 1903 г. В том же году был утвержден законоучителем образцовой школы при Иркутском женском училище духовного ведомства.

2 декабря 1903 г. Гагарин избран в члены совета Иркутского церковного братства во имя святителя Иннокентия (Кульчицкого). С 1904 г. он стал его секретарем и историографом. Деятельность Гагарина в Братстве — один из самых важных и плодотворных этапов его творчества, заслуживающий отдельного, более подробного исследования. Им было подготовлено более десятка публикаций, посвященных истории Братства и отдельным его членам. Крупнейшими можно считать: сборник «Столетие со дня открытия мощей святителя и чудотворца Иннокентия, первого епископа Иркутского: 9 февр. 1805 г. — 9 февр. 1905 г.» (Иркутск, 1905), объединивший материалы о торжественных событиях (описание событий, слова и речи представителей иркутского духовенства, в том числе членов Братства, телеграммы, поздравления и др.), статью в ИЕВ «Преосвященный Иоанн, епископ Киренский, Викарий Иркутский, председатель совета Братства святителя Иннокентия и его хиротония» (1908. № 10–16), юбилейный очерк «Десятилетие Иркутского церковного Братства во имя святителя Иннокентия (1901 — 2 декабря 1911)» (Сибирский архив. 1912. № 4, 5, 8), представленный на торжественном заседании Братства 4 декабря 1911 г. в присутствии архиепископа Серафима, епископа Иоанна, генерал-губернатора Л. М. Князева, членов Братства и многочисленной публики.

Товарищ председателя совета Братства о. Василий Флоренсов так оценил работу Гагарина в Братстве: «Глубоко и всесторонне изучив жизнь и деятельность св. Иннокентия и всею душою преданный высоким задачам Братства его имени, Вы не ограничивали своего делопроизводительства одним аккуратным посещением заседаний, точной записью протоколов и всегдашей исполнительностью по письмоводству. Вы горячо полюбили братство, Вы ревностно заботились об его благополучии, о пополнении его библиотеки, о рассылке его изданий и старались привлекать к нему членов, и деньги, и симпатии. Вашему неутомимому, легкому и умелому перу принадлежат обстоятельные очерки деятельности Братства за все время с 1904 года, в которых Вы с фотографическою верностью бытописали жизнь Братства. Ваше описание юбилея столетия со дня открытия мощей св. Иннокентия навсегда останется лучшим памятником этого события, а описание хиротонии настоящего Преосвященного Председателя, составленное Вами по поручению Братского Совета, превзошло все ожидания этого Совета» [9]. Работы Гагарина не утратили своей научной значимости и сегодня, являясь важным источником в контексте изучения истории Братства и истории почитания Св. Иннокентия [10].

В августе 1904 г. на 36-м Иркутском епархиальном съезде духовенства Гагарин был избран в члены Ревизионного комитета по епархиальному свечному складу. С ноября 1904 г. по 1 сентября 1907 г. состоял законоучителем Иркутского ремесленно-слободского училища. 18 мая 1905 г. назначен членом епархиального попечительства о бедных духовного ведомства.

1905 г. ознаменовался в творческой биографии Гагарина выходом в свет второго и третьего выпусков указателей к ИЕВ: «Указатель к «Иркутским епархиальным ведомостям» за шестнадцать лет (1888–1904 г.). Вып. 2» (Иркутск, 1905) и «Указатель к «Иркутским епархиальным ведомостям». Вып. 3: Редакторы, цензоры и сотрудники "Ведомостей" с 1863 по 1904 г.» (Иркутск, 1905).

27 августа 1906 г. на 37-м Иркутском епархиальном съезде Гагарин был утвержден заведующим кратковременными курсами для псаломщиков. Курсы проводились летом 1907 г. с целью дать псаломщикам Иркутской епархии, в особенности малосведущим, возможность усовершенствоваться в церковном пении и чтении, а также приобрести познания по священному писанию и дру-

гим предметам [11]. Лекторами курсов выступили протоиерей Н. Шастин, священник В. Флоренсов, М. В. Одинцов, А. Н. Гайдук, И. А. Арефьев. На 39-м Иркутском епархиальном съезде духовенства (21-й журнал заседаний) Гагарину была объявлена благодарность за умелую, многотрудную и полезную деятельность по заведованию курсами псаломщиков.

В декабре 1906 г. Гагарин вступил в действительные члены правления Иркутской духовной семинарии. 27 августа 1907 г. на 39-м Иркутском епархиальном съезде духовенства (13-й журнал заседаний) избран членом правления Иркутской духовной семинарии на трехлетие (с 1907 по 1910 г.). 28 августа 1907 г. — казначеем правления епархиального свечного склада. С 1 сентября 1907 г. состоял законоучителем в младших классах Иркутской 1-й женской гимназии Ивана Степановича Хаминова. 22 мая 1908 г. возведен в сан протоиерея в Иркутском Вознесенском монастыре. 29 августа того же года на 40-м Иркутском епархиальном съезде духовенства (30-й журнал заседаний) избран членом правления постоянной предсъездной комиссии при Иркутских епархиальных съездах духовенства. С 23 июля по 28 августа 1908 г. исполнял обязанности члена Иркутской духовной консистории.

9 октября 1908 г. исполнилось 25 лет служения Гагарина святой церкви в сане пресвитера. По инициативе настоятеля Иркутского кафедрального собора протоиерея М. Фивейского, братия собора с соборным старостой И. А. Люблиńskим, при участии городского духовенства и бывшего соборного старосты С. В. Могилева, с благословения архипастыря отметила эту знаменательную дату семейным торжеством. В квартире Фивейского собралось до 40 человек почитателей Гагарина и сам юбиляр с супругою. Посетили собрание архиепископ Иркутский Тихон и епископ Киренский Иоанн. Юбиляру были преподнесены подарки, произнесены поздравительные речи. Подробные сведения о торжестве были зафиксированы в соответствующей статье Н. Поповым-Кокоулиным [12].

С 1909 по 1912 г. Гагарин был председателем правления епархиального свечного склада. 6 октября 1909 г. вновь назначен председателем Иркутского отделения епархиального училищного совета. 16 марта 1909 г. избран членом комиссии по пересмотру программ церковных школ.

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, в Иркутске возобновляет деятельность Комитет Андреевского Красного Креста, секретарем которого стал Гагарин. Он также являлся членом комиссии по сортированию, изданию церковных напевов Иркутской епархии и членом правления Иркутского общества хоругвеносцев. 30 сентября 1916 г. назначен на должность штатного члена Иркутской духовной консистории.

Все эти годы Гагарин продолжал быть активным корреспондентом ИЕВ, выпустил десятки статей, с 1914 по 1916 г. писал для раздела «Архиерейские служения». Отметим лишь некоторые из статей данного периода: «Двухсотлетие Градо-Иркутского Спасского каменного храма (1706–1906)» (1907. № 10/11), «Поучение на первый день Св. Пасхи 29 марта 1909 г.: (произнесено в Иркутском Кафедральном Соборе)» (1909. № 10), «Торжество в честь Святого благоверного Великого князя Владимира, по случаю исполнившегося 900-летия со дня его кончины (1015 — 3 июля 1915), в городе Иркутске» (1915. № 16–19, 22), «Встреча Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Иоанна, Архиепископа Иркутского и Верхоленского, в Иркутске, при вступлении его на Иркутскую кафедру, 16 февраля 1916 г.» (1916. № 5–7) и др.

Умер Дмитрий Николаевич Гагарин 23 сентября 1919 г. в военном госпитале после тяжелой болезни. За годы жизни был отмечен следующими наградами:

набедренник (1885 г.), бархатная фиолетовая скуфья (1893 г.), камилавка (1899 г.), наперсный крест от Св. Синода (1904 г.), орден св. Анны 3-й степени (1912 г.), серебряная медаль на Александровской ленте «в память царствования в Бозе почившего Государя императора Александра III», серебряная медаль в память 25-летия со времени восстановления императором Александром III церковной школы.

Имя Дмитрия Николаевича Гагарина вошло в состав авторов биобиблиографического словаря «Православные духовные писатели Восточной Сибири XIX — начала XX в.», над которым сейчас работают сотрудники Иркутской областной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, в том числе автор данной статьи, представляющей собой, по сути, сокращенный вариант словарного очерка. Но творческое наследие протоиерея Гагарина нуждается в дальнейшем подробном изучении и осмыслении, начало которого, надеемся, будет положено настоящей публикацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чернышова Н. К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск, 2009. 536 с.
2. Попов-Кокоулин Н. Четверть века священнослужения // Прибавления к ИЕВ. 1909. № 2. С. 44.
3. Распоряжения епархиального начальства // ИЕВ. 1885. № 12. С. 60.
4. Там же.
5. Гагарин Д. Освящение Китайской церковно-приходской школы // Прибавления к ИЕВ. 1902. № 9. С. 168.
6. Гагарин Д. Поучение на день Святителя и Чудотворца Иннокентия, 1-го Епископа Иркутского, к сельским прихожанам, сказанное 26 ноября 1894 г. // Прибавления к ИЕВ. 1894. № 51. С. 3–4.
7. Попов-Кокоулин Н. Четверть века священнослужения // Прибавления к ИЕВ. 1909. № 2. С. 45.
8. Гагарин Д. Паломничество учеников церковных школ Иркутского уезда // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 11. С. 356.
9. Попов-Кокоулин Н. Четверть века священнослужения // Прибавления к ИЕВ. 1909. № 2. С. 42–43.
10. Чернышова Н. К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск, 2009. 536 с.
11. Гагарин Д. Краткосрочные летние курсы для псаломщиков Иркутской епархии, бывшие в Иркутске с 1 июня по 1 июля 1907 года // Прибавления к ИЕВ. 1907. № 20. С. 485.
12. Попов-Кокоулин Н. Четверть века священнослужения // Прибавления к ИЕВ. 1909. № 1. С. 6–9; № 2. С. 40–47; № 4. С. 115–122.

Ю. П. Лыхин

СВЯЩЕННИК МИХАИЛ МАЦУЕВ

Сегодня при упоминании фамилии Мацуев едва ли не каждый иркутянин вспомнит Дениса Мацуева — почетного гражданина Иркутска, всемирно известного пианиста, организатора музыкального фестиваля «Звезды на Байкале». Но эта фамилия была известна на Иркутской земле и сто лет назад. Ее заметным представителем в то время был священник Михаил Мацуев — прадед музыканта. О нем и пойдет речь в данной статье.

По семейным преданиям, сохранившимся среди потомков Михаила Мацуева, его отцом являлся владевший несколькими домами в Иркутске еврей-коммерсант по фамилии Мац. Влюбившись в молодую мещанку и женившись на ней, он принял православие и изменил свою фамилию с Маца на Мацуева. Однако эта история пока плохо согласовывается с имеющимися на сегодня фактами. Как удалось выяснить, родился Михаил Мацуев 30 октября (крещен 3 ноября) 1879 г. в селе Тельминском Иркутского уезда в крестьянской семье. Его родителями в метрической книге Тельминской Казанской церкви значились «Ленской волости и селения крестьянин Николай Иванов Мацуев и законная жена его Евдокия Филиппова, оба православные» [1].

Из записи явствует, что Мацуевы не являлись постоянными жителями с. Тельмы. К сожалению, в метрической книге не указаны ни уезд, ни губерния. На реке Лене же и вообще в Иркутской губернии селения и волости с таким названием не существовало. Можно лишь предположить, что отец М. Мацуева был крестьянином Ленской волости Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Ленский район Архангельской области).

Биографию Михаила Мацуева удалось установить по клировым ведомостям тех церквей, в которых он служил [2]. Образование М. Мацуев, «крестьянский сын», получил в Иркутском Александро-Мариинском 5-классном училище, которое окончил 24 мая 1896 г. «Согласно прошения» 27 ноября того же года Иркутским епархиальным училищным советом он был назначен учителем школы грамоты в с. Тибельти Иркутского уезда (ныне Слюдянского района). В сентябре 1897 г., выдержав при Иркутской духовной семинарии экзамен на звание учителя начальной школы, 17-летний Мацуев был назначен учителем церковно-приходской школы в с. Петропавловском Киренского уезда, расположавшемся в 85 верстах от г. Киренска. Так он попал на реку Лену, с которой оказалась связана значительная часть жизни будущего священника.

С самого начала своей деятельности Михаил Мацуев зарекомендовал себя хорошим учителем. Уже в феврале следующего, 1898 года по представлению Киренского отделения Иркутского епархиального училищного совета он был награжден 40 рублями «за прекрасное ведение школьного дела» [3]. З июля 1901 г. опять же по отношению Киренского отделения епархиального училищного совета «за усердную службу по должности учителя» ему преподано «Архипастырское благословение» [4]. 21 августа того же года по указу Иркутской духовной консистории «вновь, вторично, преподано Архипастырское благословение» [5].

Начав свою деятельность на учительском поприще, Михаил Мацуев вскоре пришел к церковному служению. 20 мая 1898 г. он был определен псаломщиком к Петропавловской Спасской церкви. В «Иркутских епархиальных ведомостях» опубликовано сообщение об этом: «Учителю Петропавловской церковно-при-

ходской школы Михаилу Мацуеву, согласно его ходатайству, постановлением Епархиального Начальства от 30 мая — 3 июня с. г. предоставлено псаломническое место при Петропавловской Спасской церкви» [6].

21 августа 1901 г. указом Иркутской духовной консистории М. Мацуев был зачислен в духовное ведомство. 10 августа 1903 г. «Высокопреосвященнейшим Тихоном, архиепископом Иркутским и Верхоленским, рукоположен во диакона с оставлением на вакансии псаломщика при той же Петропавловской церкви» [7]. Менее чем через месяц, 2 сентября, он был перемещен на штатное дьяконское место в Спасский собор уездного города Киренска, а 2 октября того же года «назначен учителем образцовой школы при Киренской второклассной» [8].

К тому времени 23-летний Михаил Мацуев уже был женат. Его жена Матрона Васильевна, урожденная Маскенская, родилась 8 марта 1882 г. на станции Мысовой. Ее родителями являлись Василий Антонович (из ссыльных поляков) и Таисья Ермиловна Маскенские. По рассказам их сегодняшних потомков, Василий Антонович имел мясную лавку, а Таисья Ермиловна была известной на всю округу повитухой, занимавшейся родовспоможением. Когда Матрона, их единственная дочь, вышла замуж за Мацуева, они все бросили и сопровождали молодую семью всюду, куда только не забрасывала их судьба.

Тroe первых детей четы Мацуевых скончались в младенчестве. 25 августа 1905 г. в Киренске родились старшая из выживших дочь, Надежда. Имя ей дали в надежде на то, что она не умрет, как предыдущие. «Пусть будет надежда», — сказал дьякон Михаил.

Между тем служба М. Мацуева шла своим чередом. В сентябре 1905 г. он был назначен законоучителем образцовой школы. Через год, 18 июля 1906 г., Мацуев «выдержал экзамен на священника и Высокопреосвященнейшим Тихоном, архиепископом Иркутским и Верхоленским, рукоположен во священника» к Мухтуйской Николаевской церкви [9].

Село Мухтуйское (ныне г. Ленск Республики Саха /Якутия/) находилось еще дальше на север по реке Лене, в 650 верстах ниже Киренска. В 1907 г. в нем насчитывалось 36 жилых дворов и 215 жителей [10]. Предыдущий священник Мухтуйской церкви, о. Николай Пономарёв, так описывал эти места: «Мухтуйский приход находится в Киренском округе, Мухтуйской волости, а кроме того к нему же еще причислены три селения Витимской волости. Приходский храм построен в селении Мухтуйском, которое расположено на левом берегу р. Лены. Берег, где стоит село, низкий, вследствие чего весною во время ледохода село нередко подвергается опасности, потому что вода заливается в дома и доходит до окон, а иногда и до матиц. В 1872 г. вода чуть не покрыла в храме престол, хотя храм стоит сравнительно выше, чем дома. Случается, что уносит и постройки. В селении есть почтовое отделение. В состав прихода входят: во-первых, три селения Витимской волости — вверх по Лене — Терешкино в 28 в. расстояния от Мухтуи, Конькинское в 48 в. и Хамринское в 72 в., из коих первое расположено у подошвы хребта на левом берегу р. Лены, второе на правом, а последнее на левом; во-вторых, одна деревня Мурья, вниз по Лене, расположенная на левом берегу этой реки. Пути сообщения между всеми вышеозначенными селами летом по реке в лодках, а зимой по реке же в экипажах. Кроме русских в состав Мухтуйского прихода входят еще инородцы-якуты, составляющие $\frac{2}{3}$ прихожан [11]. Живут они по берегам р. Нюи на протяжении 260 в. Первые же юрты их находятся от Мухтуи в 27 в. расстояния» [12].

Приходский храм во имя Святого и Чудотворца Николая Мирликийского, в который приехал служить молодой священник, был совсем новым. Он

был построен в 1901 г. вместо сгоревшего три года назад, в 1898 г. Помимо приходского храма в Мухтуйском приходе имелись еще приписные Богородице-Казанская церковь в с. Конькинском и три молитвенных дома: в Терешкинском и Хамринском селениях, а также в тайге по р. Нюе, построенном якутами Татакинского наслега. В приходе работало две школы, одна из которых была одноклассной министерской (в Мухтую), другая — одноклассная церковно-приходская (в Конькинском). На этом и исчерпывался список очагов культуры в Мухтуйском приходе.

Один из корреспондентов газеты «Сибирь» в предреволюционные годы так отзывался о Мухтую, где пришлось служить о. Михаилу: «Мухтуя — это одно из гибых мест Сибири по Лене, о ней неоднократно писали в газетах очень невеселые вести. Здесь многие из политических ссыльных сходили с ума, были попытки на самоубийство и здесь же было какое-то эпидемическое, почти поголовное пьянство почти всех жителей Мухтуи» [13].

13 февраля [14] 1908 г. в Мухтую у Мацуевых родилась дочь Александра, а меньше чем через месяц, 5 марта, о. Михаил был перемещен из Мухтуи снова в с. Петропавловское, теперь уже на место священника Петропавловской Спасской церкви. На сей раз он прожил здесь восемь с половиной лет. Без преувеличения можно сказать, что именно этот период жизни о. Михаила был наиболее активным и плодотворным. В эти годы он занимался ремонтом Петропавловской Спасской церкви, готовясь к ее 100-летнему юбилею (1910 г.), вел занятия в церковно-приходской школе, возглавил борьбу с пьянством среди населения, попытавшись организовать общество трезвости [15], стал председателем и счетоводом Петропавловского кредитного товарищества, второго по счету в Киренском уезде (1914 г.) [16], был заведующим организованной им школы для взрослых имени Иркутского Братства Св. Иннокентия (1915–1916 г.) [17].

Кроме того, в те же годы о. Михаил состоял членом Церковно-исторического и археологического общества при Иркутской духовной семинарии и членом Православного миссионерского общества. В 1913 г. Михаил Мацуев избран духовенством благочиния депутатом на епархиальный съезд на трехлетие 1913–1915 гг. В 1914 г. он был утвержден в должности помощника благочинного 2-го округа Киренского уезда.

Деятельность о. Михаила по заслугам оценивалась как прихожанами, так и епархиальным начальством. К примеру, в описании поездки преосвященного епископа Евгения Зернова по Киренскому уезду Иркутской епархии в 1913 г. при посещении села Петропавловского о. Михаил упомянут с явной симпатией и похвалой: «Рано утром 2-го июля отплыли из Чечуйского для совершения литургии в с. Петропавловском. Верстах в 5-ти встречаются утесы и выдиги гор, напоминающие собою берега Байкала; окрестности неприветливы и угрюмы. В 10 час. началась литургия. Храм каменный, двухэтажный, построенный в 1810 году; нижний храм во имя Нерукотворенного образа Спасителя, верхний — свв. апостолов Петра и Павла; в приходе 2 948 душ обоего пола. Священником состоит о. Михаил Мацуев — дельный, трудолюбивый, пользующийся расположением прихожан; псаломщиком — Василий Перетолчин. При переполненном храме, Владыка после литургии совершил похвалу Божией Матери и сказал слово о представительстве Богоматери за мир христианский. Обозрев затем местную двухклассную церковно-приходскую школу, в которой обучалось за истекший учебный год 45 челов., обревизовав документы и навестив священника, Владыка отбыл на пароход, спеша посетить в тот же день приписные храмы Петропавловского прихода, расположенные ниже по Лене» [18].

В 1910 г. о. Михаил Мацуев был «награжден набедренником», в 1913 г. — «ко дню 6 мая награжден скуфьей». В том же 1913 г. о. Михаилу «Иркутским епархиальным училищным советом от имени Его Высокопреосвященства архиепископа Серафима объявлена благодарность за умелое и усердное отношение к церковно-школьному делу», а 28 августа 1914 г. архиепископом Серафимом (Мещеряковым) ему «выражена благодарность по пастырскому делу» [19].

Помимо всех перечисленных дел и занятий о. Михаил находил время сотрудничать с «Иркутскими епархиальными ведомостями». В своих корреспонденциях с Лены, писавшихся в период с 1910 по 1916 г. [20], он откликался на все, что происходило в окружающей его жизни, что волновало его как сельского жителя и священника: подготовка и празднование летом 1910 г. столетнего юбилея Петропавловской Спасской церкви, нравы жителей Петропавловского, сильная гроза, во время которой была повреждена церковная колокольня в соседнем селе, наводнение на р. Лене, борьба с пьянством в Петропавловской волости, открытие школы для взрослых в с. Петропавловском, нехватка восковых свечей в киренских приходах, трудности в отправке священников из отдаленных благочиний на епархиальные съезды и т. п.

Кроме сообщений в церковные ведомости о. Михаил, похоже, посыпал свои заметки и в светскую печать. Практически нет сомнений в том, что корреспонденции из села Петропавловского Киренского уезда, появлявшиеся в газете «Сибирь» в 1910–1911 гг. и подписанные псевдонимом Агабыт, принадлежали именно ему [21]. Слово «агабыт» в переводе с якутского языка означает «священник, поп».

Заметки Агабыта посвящались самым разнообразным событиям в жизни с. Петропавловского и близлежащих населенных пунктов: устраивавшимся в Петропавловском и Сполошинском народным спектаклям, благочинническому съезду священнослужителей, школам Петропавловской волости, ограблениям торговых лавок в Петропавловском, деревенским свадьбам, охоте на сохатого и т. д.

«Темнота и дикость» местных нравов в первую очередь волновала о. Михаила как сельского священника. Об этой стороне его деятельности можно прочитать в прессе тех лет. В одном из номеров газеты «Сибирь» писалось о том, с чем приходилось сталкиваться о. Михаилу и как он пытался противостоять этому: «Деревенская молодежь устраивает длинными вечерами "вечерки", на которых раздается крепкая русская брань, поются "частушки", бессмысленные и нередко самые что ни на есть циничные, и чуть не каждый день происходит драка, а степенные пожилые люди пьянятся».

Местный священник, человек еще молодой и искренно желающий направить свою энергию на благо вверенной ему паствы, всеми силами старается бороться с этим злом, но все его усилия пропадают благодаря косности и темноте прихожан даром. Вздумал было он учредить общество трезвости, но в это общество пока не записалось еще ни одного члена. Устраивает каждый праздник чтения с туманными картинами, но на эти чтения не ходит никто, кроме учеников церковной школы. Но хорошо и то, что в человеке еще, несмотря на все неудачи, не угасла живая искра "духа Божия", и он все-таки не теряет надежды повлиять, если не на родителей, то хотя бы на детей» [22].

В другом номере той же газеты сообщалось про «приятное явление» в Петропавловском: про «... "елку" для детишек, устроенную священником о. Михаилом Мацуевым в местной церковно-приходской школе. Елка, правда, была незамысловатая и подарки грошевые, но все-таки они доставили немалое удовольствие детишкам» [23].

А вот что пишет о той же елке Агабыт: «29 декабря мин. года в здании Петропавловской школы на средства, собранные по подписке, была устроена елка на 50 человек учащихся детей. Все дети получили в подарок елочные украшения, наделены конфектами и угощены чаем. Очень жаль, что книги, выписанные в подарок на елку в начале ноября месяца из иркутского книжного магазина, получились только в половине января месяца т. г.

На елке дети декламировали стихотворения, читали басни "в лицах" и пели детские песни, и, вообще, повеселились. Рождественская елка хотя и нередкое явление в жизни нашей школы (устраивается ежегодно), но все же посмотреть ее, по обыкновению, и ныне собралась вся деревня. Порядочный класс был переполнен зрителями. Дышать, положительно, было нечем, гасли свечи, лампы. Пришлось выставить зимнюю раму, чтобы дать приток свежего воздуха.

Смешанный хор из учеников и взрослых, сверх программы для школьников, исполнил несколько номеров русских народных песен, которые уже несколько раз в течение настоящей зимы былиставлены на предыдущих литературных школьных вечерах. Частым повторением пред народом одних и тех же песен учащие школ нашей волости преследуют цель: научить деревенскую молодежь более умелому исполнению русских песен и постепенно вытеснить бесмысленные и вульгарные частушки, которые то и дело приходится слышать на нашей улице» [24].

В Петропавловском у о. М. Мацуева родились еще двое детей: Николай (23 октября 1909 г.) и Галина (20 февраля 1911 г. [25]). Перед революцией, когда дети начали подрастать, и встало необходимость их обучения, о. Михаил решил перебраться ближе к Иркутску. 10 ноября 1916 г. «резолюцией Его Высокопреосвященства <...> согласно прошения» он был перемещен на вакансию священника к Большежилкинской Покровской церкви [26]. Село Большежилкинское, расположившись в 66 верстах от Иркутска на берегу р. Картафон, левого притока р. Китой, относилось к Тельминской волости Иркутского уезда (ныне Усольский район). В 1914 г. в селе насчитывалось 282 жилых дома и 1 538 жителей [27].

В те предреволюционные годы между церковью и обществом складывались непростые взаимоотношения. Вот что писала газета «Сибирь» летом 1917 г. о приходском собрании, произошедшем в с. Большежилкинском: «В конце июля здесь было назначено местным причтом приходское собрание, на которое приглашались все православные прихожане для переизбрания причта. После отслуженного молебна, местный священник о. Мацуев с церковного амвона, с крестом в руках, вместо проповеди, сказал агитационную речь по поводу переизбрания причта, — что если прихожане не оставят его у себя в приходе, то он уйдет от них, а они останутся без священника, а затем просил, чтобы прихожане составляли приговоры, чтобы церковно-приходские школы оставались, как они были — церковными, а содержались на средства государства, а также, чтобы закон Божий в школах был обязательным предметом, т. к. на учительском съезде вынесена резолюция, что закон Божий в школах совсем не преподавать, а предоставить право самим родителям, где хотят, там и учить своих детей закону Божию, т. е. хотят совсем изгнать закон Божий из школы. "Немедленно составляйте общественные приговоры, — говорил о. Мацуев, — чтобы закон Божий был обязательным в школах, чтобы учителя в школы назначались православные и чтобы не было евреев, татар, поляков и пр.".

Перед открытием собрания, часть прихожан заявила местному священнику, чтобы собрание происходило не в церкви, а в церковной ограде, на что после-

довал ответ, что собрание обязательно должно быть в церкви, т. к. не в церкви будут высказываться пристрастно. Но прихожане настояли и председатель собрания, священник Усольской церкви, согласился вести собрание в ограде.

На предложенный председателем собрания вопрос о переизбрании причта большинство прихожан заявило, что от переизбрания причта они в настоящее время воздерживаются, впредь до Учредительного Собрания, против причта ничего не имеют, и что вопрос переизбрания считают преждевременным. После долгих прений председатель собрания соглашается занести в протокол заявление прихожан.

В это время приходит и на собрание местный священник о. Мацуев и председатель собрания сообщает ему заявление прихожан; о. Мацуев заявляет председателю, что сегодняшнее собрание он считает незаконным, т. к. на собрании присутствуют некоренные жители, не имеющие права голоса и указывает на секретаря Б.-Жилкинского районного комитета М. В. Князева и секретаря сельского комитета А. Е. Крутоусова, которые заявили, что в расклеенных объявлениях приглашаются все православные прихожане и, кроме того, если бы они не имели права голоса, то председатель не давал бы им слова, и в свою очередь заявили, что прихожанами должны считаться все православные, проживающие в данном приходе. После этого председатель собрания составил протокол в желательной для местного священника редакции <...>» [28].

Вскоре после этого собрания о. Михаил покинул Большежилкинское. 29 июля 1917 г. «по прошению, постановлением епархиального начальства» он был перемещен к Хайтинской Николаевской церкви Балаганского уезда (ныне Усольского района). При этом бывший священник Хайтинской церкви, Игнатий Дмитриев, по аналогичному прошению был перемещен к Большежилкинской церкви [29].

Хайтинская Николаевская церковь находилась в селе Мишелёвском, расположенному в 110 верстах от Иркутска и в 90 верстах от уездного города Балаганска. В этом месте, где р. Хайта впадает в р. Белую, в 1860-х гг. братья Переваловы построили фарфоровую фабрику, продукция которой вскоре стала известна по всей Сибири. В 1897 г. в рабочем поселке при фабрике «тщанием фабриканта И. Д. Перевалова и прихожан» открыта церковь, переделанная из старого деревянного общественного здания. Достопримечательностью церкви во имя Николая Чудотворца являлся уникальный фарфоровый иконостас, изготовленный на переваловской фабрике.

Ко времени приезда о. Михаила здание Хайтинской Николаевской церкви обветшало, к тому же оно стояло на низком месте на берегу реки Белой, при разливах которой подмывало берег, и церковь подвергалась угрозе затопления и окончательного разрушения. Поэтому о. Михаил стал хлопотать о постройке нового храма. Он получил участок земли по другую сторону пруда от старой церкви и начал собирать деньги на строительство.

Об одном значительном пожертвовании на Хайтинскую церковь сообщалось в газете «Свет», издававшейся кружком по распространению литературы религиозно-нравственного содержания. В заметке под названием «50 000 на храм» писалось: «Прихожане Хайтинской Николаевской церкви З благочиния окр. Балаганского уезда Иркутской епархии выражают искреннюю благодарность т/д Щелкунова и Метелева за пожертвование 50 000 на построение в с. Мишелевке (на фабрике) православного храма в честь Святителя и чудотворца Николая Мирликийского. По поручению приход. собрания подписал настоятель церкви Михаил Мацуев. 11 (24) марта 1919 г.» [30].

Однако построить церковь о. Михаил не успел. В начале 1920 г. он неожиданно умер, заразившись тифом. Было о. Михаилу всего 40 с небольшим лет.

Похоронили его в 6 верстах от Мишелёвки у стен Бельской Сретенской церкви, со священником которой, о. Федором Шмаковым, о. Михаил был очень дружен.

Вдова о. Михаила с пятью детьми (7 октября 1918 г. в Мишелёвке родился сын Виктор, ставший дедом Дениса Мацуева) и с престарелыми родителями остались жить в Мишелёвке. Василий Антонович Маскенский умер в Мишелёвке в 1925 г., его жена Таисья Ермиловна в 1931 г. С 1930-х гг., когда все дети разъехались, Матрона Васильевна жила в семье старшей дочери, Надежды Михайловны, вышедшей замуж за сельского врача П. Ф. Щуко. Скончалась М. В. Мацуева в Иркутске 21 августа 1953 г., похоронена на Лисихинском кладбище.

По сохранившимся воспоминаниям, о. Михаил был очень спокойным, выдержаным человеком, миротворцем в своей большой семье. Был он человеком со вкусом. Любил, чтобы дома все выглядело красиво. С удовольствием сам делал поделки из дерева для дома, для кухни — скалки, толкушки и т. п.

Семья Мацуевых отличалась гостеприимством. К ним приходило много гостей. В Пасху дома традиционно накрывался большой красивый стол, а ля фуршет. О. Михаил, сам человек неординарный, любил встречаться с интересными людьми. До революции на Лене находилось много политических ссыльнопоселенцев, которые были вхожи в дом Мацуевых. О. Михаил и члены его семьи с уважением относились к ним, о чем свидетельствует такой факт. Однажды маленькую дочь священника спросили: «Галочка, ты кем будешь, когда вырастешь?» Она ответила: «Политической ссыльной».

Несомненно, что политссыльные оказывали какое-то влияние и на самого о. Михаила. Не случайно он как-то обмолвился: «Если придет революция, и все закроют, пойду учителем работать». А один из петропавловских жителей (И. И. Старостин, 1889 г. р.) так охарактеризовал о. Мацуева в советское время: «Хороший человек, прямо как большевик».

О. Михаил входил в когорту истинных просветителей. Все дела его и интересы свидетельствуют об этом. Он с удовольствием читал проповеди в храме, пытался воздействовать на паству в быту. После устройства школы для взрослых в с. Петропавловском аналогичную школу он организовал и в Мишелёвке.

Много внимания о. Михаил уделял детям, которые всегда были у него на первом плане. Устраивая для деревенской детворы рождественские елки, он одевался Дедом Морозом, раздавал подарки и развозил их тем ребятишкам, которые не присутствовали на празднике. Тесть, Василий Антонович, запрягал лошадь, и ездили по домам. Поэтому не удивительно, что дети благоговели перед ним.

Любил о. Михаил музыку, сам хорошо играл на скрипке, на фисгармонии. В Мишелёвке Мацуевы вместе с членами семьи Рождественских образовали струнный оркестр, выступая в местном клубе. Музыкальные способности о. Михаила передались его детям и внукам, найдя полное воплощение в таланте правнука — Дениса Мацуева.

Такова биография священника Михаила Мацуева, имя которого до сегодняшнего дня с благодарностью вспоминается жителями тех мест, где он когда-то жил и служил на церковном поприще.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 9. Д. 1070. Л. 102 об.
2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11921, 12930, 14699, 14853.
3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14853. Л. 13 об.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11921. Л. 16; Д. 12930. Л. 48 об.

История

5. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11921. Л. 16.
6. Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ). 1898. 1 июля (№ 13). С. 222–223.
7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12930. Л. 48 об., 49 об.
8. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12930. Л. 49 об.
9. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12930. Л. 49 об.
10. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 12930. Л. 52 об.
11. Население Мухтуйского прихода, как указывалось в той же статье, составляло 1603 человека.
12. Священник Николай Пономарёв. Мухтуйский приход Иркутской епархии // ИЕВ. 1898. 1 марта (№ 5). Прибавления, с. 117–118.
13. Мухтуя, Киренск. у. // Сибирь. 1914. 3 дек.
14. Так записывалось в послужных списках М. Н. Мацуева (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14853. Л. 14 об.; Оп. 5. Д. 23. Л. 4 об.). В выданном в 1952 г. свидетельстве о рождении Александры Михайловны Мацуевой указано другое число — 15 февраля.
15. С. Петропавловское, Киренского у. (Мелочи жизни) // Сибирь. 1910. 10 нояб.; Священник Михаил Мацуев // С. Петропавловское Киренского уезда // ИЕВ. 1911. 15 января (№ 2). Прибавления, с. 32; Священник Михаил Мацуев // «Пьяный вопрос». Петропавловская волость, Киренского уезда // ИЕВ. 1914. 15 июня (№ 12). Прибавления, с. 425–426.
16. Петропавловская волость Киренского у. // Сибирь. 1914. 4 апр.
17. Священник М. Мацуев // Школа взрослых имени Иркутского Братства Св. Иннокентия в с. Петропавловском, Киренского уезда // ИЕВ. 1916. 1 марта (№ 5). Прибавления, с. 179–181.
18. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд Иркутской епархии в июне–июле месяцах 1913 года. Иркутск, 1915. С. 98–99.
19. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14853. Л. 13 об.
20. Нами выявлены следующие публикации о. М. Мацуева в «Иркутских епархиальных ведомостях»: К столетию Петропавловской Спасской церкви Иркутской епархии Киренского уезда // ИЕВ. 1910. 15 июня (№ 12). Прибавления, с. 356–359; Столетие Петропавловской Спасской церкви Киренского уезда // ИЕВ. 1910. 1 нояб. (№ 21). Прибавления, с. 586–587; С. Петропавловское Киренского уезда // ИЕВ. 1911. 15 января (№ 2). Прибавления, с. 31–33; Гроздное явление природы // ИЕВ. 1911. 1 сент. (№ 17). Прибавления, с. 429–430; Благодарность // ИЕВ. 1912. 1 марта (№ 5). С. 33–34; Друг друга тяготы носите // ИЕВ. 1912. 15 июля (№ 14). Прибавления, с. 424–426; Село Петропавловское, Кирен. уезда. (Стихийное бедствие) // ИЕВ. 1913. 1 июня (№ 11). Прибавления, с. 346–347; Священник Никанор Афанасьевич Пономарёв. (Некролог) // ИЕВ. 1914. 15 июня (№ 12). Прибавления, с. 422–425; «Пьяный вопрос». Петропавловская волость, Киренского уезда // ИЕВ. 1914. 15 июня (№ 12). Прибавления, с. 425–426; Школа взрослых имени Иркутского Братства Св. Иннокентия в с. Петропавловском, Киренского уезда // ИЕВ. 1916. 1 марта (№ 5). Прибавления, с. 179–181; Восковой голод // ИЕВ. 1916. 15 июля (№ 14). Прибавления, с. 470–472.
21. Под псевдонимом Агабыт в газете «Сибирь» опубликованы следующие корреспонденции: С. Петропавловское, Киренского у. // Сибирь. 1910. 24 марта; С. Петропавловское, Киренского у. // Сибирь. 1910. 16 июня; С. Петропавловское, Киренского у. // Сибирь. 1910. 16 июля; С. Петропавловское, Киренского уезда // Сибирь. 1911. 5 февр.; Петропавловская волость, Киренск. у. (Школьное дело) // Сибирь. 1911. 21 авг.; С. Петропавловское, Киренского у. // Сибирь. 1911. 20 сент.
22. С. Петропавловское, Киренского у. (Мелочи жизни) // Сибирь. 1910. 10 нояб.
23. С. Петропавловское, Киренск. у. (Чем живет деревня. Святки) // Сибирь. 1911. 22 янв.
24. Агабыт. С. Петропавловское, Киренского уезда // Сибирь. 1911. 5 февр.
25. В трудовой книжке Галины Михайловны Мацуевой, в замужестве Макаровой, годом рождения был указан 1912 г.
26. ИЕВ. 1916. 15 нояб. (№ 22). С. 295.
27. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14791. Л. 111.
28. С. Б. Жилкинское, Ирк. уезд. (Приходское собрание) // Сибирь. 1917. 11 авг.
29. ИЕВ. 1917. 1 сент. (№ 12). С. 143.
30. Свет. 1919. 28 апр. (№ 62).

M. L. Ометова

**УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА
В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ. ШКОЛЫ ГРАМОТЫ ИРКУТСКОГО УЕЗДА.
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ**

Статья является продолжением работы над «Словарем учебных заведений духовного ведомства в Иркутской губернии». Ранее были опубликованы материалы по Балаганскому уезду, частично материалы по Иркутскому уезду, а именно по второклассным, двухклассным, инородческим, миссионерским школам, одноклассенным и школам грамоты на буквы А–Е [1]. Данная статья включает оставшуюся подборку материалов по школам грамоты Иркутского уезда (буквы З–Я).

ЗУЕВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ)

(д. Зуй Иркутского уезда Иркутской губернии)

26–28 апреля 1900 г. ученики школы совершили паломничество в Вознесенский монастырь на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского чудотворца [2].

КОКОРИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Кокорина Иркутского уезда Иркутской губернии)

Харатский приход [3].

КОТИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ)

(с. Котинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г., в 1899 г. обучалось 6 учеников, русские, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 60 руб., учитель — ссыльнопоселенец Е. А. Ефиопский [4].

Количество учеников и учителей

1905 г. — 7 мальчиков, 5 девочек, 1 учитель.

1909 г. — 6 мальчиков, 2 девочки, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1910 г. — 1 девочка, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1911 г. — 8 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1912 г. — 6 мальчиков, 1 законоучитель — священник, 1 учитель.

1914 г. — 1 мальчик, 9 девочек, 1 законоучитель — священник, 1 учитель [5].

26–28 апреля 1900 г. ученики школы совершили паломничество в Вознесенский монастырь на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского чудотворца [6].

КУЛТУКСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Култук Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г. В 1899 г. обучалось 6 мальчиков, русские, здание принадлежало частному лицу, предоставлялось за плату от учителя, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 6 руб. Учитель — ссыльнопоселенец А. М. Грибовский, окончил курс уездного училища, звания учителя не имел [7].

В 1903 г. обучалось 16 мальчиков, 3 девочки. 1 учитель [8].

В 1904 г. закрыта [9].

КЯХТИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ
(улус Кяхтинский Китайского ведомства Иркутского уезда
Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г. В 1899 г. обучалось 9 мальчиков и 1 девочка (7 детей — русские, 3 бурята), здание принадлежало частному лицу, предоставлялось бесплатно. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 60 руб. Учитель — с домашним образованием Н. И. Шухвистов, звания учителя не имел [10].

МАКСИМОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ
(д. Максимовская Смоленской волости Иркутского уезда
Иркутской губернии)

Количество учеников и учителей

1905 г. — 5 мальчиков, 1 учитель.

1909 г. — 5 мальчиков, 1 учитель.

В 1910 г. преобразована в одноклассную [11].

МИХАЛЁВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (передвижная)
(с. Михалёво Иркутского уезда Иркутской губернии)

Относилась к Козьмихинскому приходу [12]. Открыта в 1880 г., в 1899 г. обучалось 7 мальчиков, русские, учитель — иркутский мещанин Мясников, звания учителя не имел [13].

МОНДИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ
(стан Мондинский Иркутского уезда Иркутской губернии)
1903 г., 1904 г. — 1 учитель и 5 мальчиков, 1 девочка [14].

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ
(с. Московское Иркутского уезда Иркутской губернии)
Относилась к Лыловскому приходу [15].

НИЖНЕ-НУКУТСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ
(Иркутской губернии Иркутского уезда)
Относилась к Харатскому приходу [16].

НИЗОВЦЕВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ
(д. Низовцева Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1896 г. В 1899 г. обучалось 9 мальчиков и 1 девочка (русские), здание принадлежало частному лицу, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 30 руб. Учитель — поселенец И. П. Щцер, окончил 5 классов Саратовской гимназии, звания учителя не имел [17].

НИКОЛЬСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ
(с. Никольское Иркутского уезда Иркутской губернии)
Относилась к Оёксскому приходу [18].

Открыта в 1897 г. В 1899 г. обучалось 15 мальчиков и 7 девочек, русские, здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 85 руб. Законоучитель и учитель — окончивший курс двухклассной церковно-приходской школы Михаил Тихонович

Фёдоров, свидетельства на звание учителя не имел, получал вознаграждение 220 руб. [19].

Для Никольской школы было отремонтировано и приспособлено помещение молитвенного дома, оставшееся без употребления с постройкой в селе Никольской церкви [20].

НОВО-ЯМСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Новоямская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Относилась к Больше-Разводинскому приходу [21].

Открыта в 1888 г. В 1899 г. обучалось 5 мальчиков и 4 девочки (русские), здание принадлежало епархиальному училищному совету, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г., составила 70 руб. Законоучитель и учитель — окончившая курс Сиропитательного дома Е. Медведниковой Мария Михайловна Середкина, свидетельства на звание учителя не имела, получала вознаграждение 70 руб. [22].

Количество учеников и учителей

1903 г. — 1 девочка.

1904 г. — 9 мальчиков, 1 девочка.

1905 г. — 4 мальчика.

1909 г. — 3 мальчика, 3 девочки, 1 учитель.

1920 г. — преобразована в одноклассную школу [23].

ОЁКСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Оёк Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г. В 1899 г. обучались 21 мальчик и 3 девочки, русские, здание принадлежало церкви, предоставлялось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 40 руб. Законоучитель и учитель — дьякон Григорий Александрович Миленков, окончил курс учительской семинарии, преподавал бесплатно [24].

ПАРФЁНОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ)

(д. Парфёновская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г., в 1899 г. обучалось 9 мальчиков и 2 девочки, учитель — ссыльнопоселенец Спиридон Егорович Чурин, получал вознаграждение 30 руб. [25].

ПОЗДНЯКОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Поздняковская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Принадлежала Кудинскому приходу [26].

Открыта в 1898 г. В 1899 г. обучалось 11 мальчиков, русские, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 66 руб. Учитель — Серов, окончил курс уездного училища [27].

САЙГУТСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(улус Сайгуты / Сайгутский Иркутского уезда Иркутской губернии)

Количество учеников и учителей

1905 г. — 2 мальчика, 1 учитель.

1909 г. — 3 мальчика, 1 учитель.

В 1910 г. преобразована в одноклассную [28].

СМОЛЕНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Смоленское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Принадлежала Козьмихинскому приходу [29].

СТЕПАНОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Степановская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г. В 1899 г. обучалось 19 мальчиков и 9 девочек (русские). Здание принадлежало частному лицу, сдавалось за плату. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 44 руб. Законоучитель и учитель — окончившая курс женской прогимназии Надежда Андреевна Листова, свидетельства на звание учителя не имела, получала вознаграждение 60 руб. [30].

СУХОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Суховское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г. В 1899 г. обучалось 2 мальчика и 3 девочки. Здание принадлежало сельской общине, предоставлялось бесплатно. Учительница — окончившая курс епархиального училища М. М. Постникова, звания учителя не имела [31].

ТАЛЬСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Тальское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Год открытия неизвестен. В 1903 г. обучалось 10 девочек, 1 учитель кроме законоучителя [32]. Закрыта в 1904 г. [33].

ТЕЛЬМИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (первая)

(с. Тельма Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в октябре 1888 г. В 1889 г. обучалось 7 мальчиков. Занятия вела дочь диакона о. Алексея Ивановского — Надежда Ивановская 18 лет, окончившая курс тельминской женской школы. Содержания никакого не получала, за исключением добровольной платы по 1 руб. с ученика в месяц.

Система обучения чтению была принята буквослагательная, а затем происходил переход к молитвам. В отчете инспектора народных училищ П. Троицкого-Сенютовича отмечается, что в 1889 г. «чтение учеников было довольно хорошо. Писали порядочно и решали задачи на 4 действия» [34].

ТЕЛЬМИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (вторая)

(с. Тельма Иркутского уезда Иркутской губернии)

В 1889 г. обучалось 10 мальчиков и 2 девочки. Занятия вела дочь мещанина (сирота) Александра Григорьевна Романова 20 лет. Получала жалованье с мальчиков по 1 руб., а с девочек по 1 руб. 50 коп., так как последние обучались еще и рукodelью. Система обучения практиковалась буквослагательная, а затем — переход к изучению молитв, что и помогло в выработке механизма чтения.

Кроме элементарного обучения грамоте успешно проводились рукодельные работы — шитье белья, вышивание полотенец и др.

Инспектор народных училищ П. Троицкий-Сенютович в своем отчете о посещении двух тельминских школ отмечал хорошую работу обеих учительниц: «Полагал бы просить Училищный Епархиальный Совет поощрить этих двух учительниц выдачей Надежде Ивановской [см. **ТЕЛЬМИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (первая)**] и Александре Романовой, хотя по 25 руб. единовременно

и разрешить обратиться в Училищный Совет за книгами. Хорошие книги — в руках добродетельных учительниц — принесут большую пользу, а поощрение вдохновит их полезную деятельность». Во второй тельминской школе инспектор «застал весьма недурно вышитое полотенце с надписью: "где правда — там счастье"» [35].

Малое число учащихся в тельминских школах грамоты объясняется тем, что в Тельме было большое училище, где обучается более 100 детей.

ТИБИЛЬТИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Тибильтинское Иркутского уезда Иркутской губернии)

Относилась к Култукскому приходу [36].

Открыта в 1895 г. В 1899 г. обучалось 7 девочек, здание принадлежало школе, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 20 руб. Законоучитель и учитель — окончивший курс двухклассной церковно-приходской школы Михаил Лазаревич Попов, свидетельства на звание учителя не имел, получал вознаграждение 150 руб. [37].

5 октября 1900 г. Култук посетил архиепископ Иркутский и Верхоленский Тихон во время поездки по Тункинскому краю: «...в Култук прибыли только в 8 часов вечера... После обычной встречи Владыка, облачившись в мантию и омофор, отслужил молебен храмовому святому Николаю Чудотворцу. Пели хор архиерейских певчих и смешанный хор детей местной церковно-приходской школы.

После... Владыка занялся детьми, отечески беседуя как с учащимися, так и с неучащимися в местной церковно-приходской школе. Испытывая детей в знании Закона Божия, Владыка внимательно спрашивал их молитвы, заповеди, св. историю, жития святых. Дети, очевидно, стеснялись, терялись и давали не совсем удачные ответы... Преподавши затем благословение народу, Владыка в 10-м часу вышел из храма и сопровождаемый народом пешком последовал в дом священника, где и остановился на ночлег» [38].

ТИХОНОПАДСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Тихонопадская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Относилась к Усть-Балейскому приходу [39].

УНИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ (ПЕРЕДВИЖНАЯ)

(зимка Уинская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1898 г. В 1899 г. обучалось 9 мальчиков, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 54 руб. Учитель — И. Г. Ожегов, окончил курс уездного училища [40].

УРИКОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Урик Иркутского уезда Иркутской губернии)

Относилась к Уриковскому приходу [41].

УСОЛЬСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Усолье Иркутского уезда Иркутской губернии)

В 1889 г. прекратила свое существование. Инспектор народных училищ П. Троицкий-Сенютович в своем отчете отмечает: «Усольская школа грамотности, за смертию бывшего учителя Арсения Кухоренко — не существует, но было 12 учащихся» [42].

ХАРАТСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(с. Харат Иркутского уезда Иркутской губернии)

Относилась к Харатскому приходу [43].

ХОМУТОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Хомутовская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Относилась к Кудинскому приходу [44].

Открыта в 1884 г. В 1899 г. обучалось 12 мальчиков, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 72 руб. Учитель — З. И. Ощепков, окончил 1 класс духовной семинарии [45].

ХУДЯКОВСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Худяковская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г. В 1899 г. обучалось 7 мальчиков и 5 девочек, здание принадлежало Иркутской духовной семинарии, предоставлялось бесплатно. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 15 руб. Законоучитель — священник Константин Тихомиров, обучал бесплатно. Учитель — Зинаида Ивановна Трубачева, окончила курс в Сиропитательном доме М. Е. Медведниковой, свидетельства на звание учителя не имела, получала вознаграждение 70 руб. [46].

ЦЕЛОТСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Целоты Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1895 г. В 1899 г. обучалось 12 мальчиков и 2 девочки, здание принадлежало частному лицу, нанималось за плату от учителя. Общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1898 г. составила 49 руб. Учитель — ссыльнопоселенец Ф. Д. Фоменко, окончил курс Харьковского уездного училища, звания учителя не имел [47].

ЧЕБОГОРСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(улус Чебогорский / Чибогоры Иркутского уезда Иркутской губернии)

Количество учеников и учителей

1903 г. — 15 мальчиков, 1 учитель.

1904 г. — 13 мальчиков, 4 девочки, 1 учитель.

1905 г. — 16 мальчиков, 2 девочки, 1 учитель.

1906 г. — 13 мальчиков, 2 девочки, 1 учитель.

1909 г. — 20 мальчиков, 2 девочки, 1 законоучитель — учитель, 1 учитель.

В 1910 г. преобразована в одноклассную [48].

ЩУКИНСКАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Щукинская Иркутского уезда Иркутской губернии)

Открыта в 1897 г. В 1898 г. обучалось 6 мальчиков и 3 девочки. Здание принадлежало частному лицу, сдавалось бесплатно, общая сумма местных средств, изысканных школой, в 1899 г. составила 130 руб. Законоучитель и учитель — В. Н. Денченко, окончил 4 класса Уфимской гимназии, звания учителя не имел [49].

ЯСАЧНАЯ ШКОЛА ГРАМОТЫ

(д. Ясачная Иркутского уезда Иркутской губернии)

В 1903 г. обучалось 8 мальчиков, 1 девочка; 1 учитель [50].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ометова М. Л. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии (Балаганский уезд): Материалы к словарю // *Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»*. Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 106–124; Она же. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии (Иркутский уезд): Материалы к словарю // Там же. Иркутск, 2016. Вып. 8. С. 124–144; Она же, Никифоров А. Л. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии. Одноклассные церковно-приходские школы Иркутского уезда: Материалы к словарю // Там же. Иркутск, 2017. Вып. 9. С. 79–116.
2. Гагарин С. Д. Паломничество 600 человек учеников церковных школ Иркутского уезда на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского Чудотворца, 26–28 апреля 1900 г. // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 20. С. 484.
3. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
4. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 160.
5. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1904 № 20. С. 117–121; ...за 1904 гражданский год // Там же. 1905. № 16. С. 168–172; ...за 1905 гражданский год // Там же. 1907. № 10, 11. С. 88–94; ...за 1906 гражданский год // Там же. № 19. С. 170–174; ...за 1908 гражданский год // Там же. 1908. № 22. С. 249–253; ...за 1909 гражданский год // Там же. 1909. № 16. С. 155–167; ...за 1910 гражданский год // Там же. 1910. № 16. С. 118–128; ...за 1911 гражданский год // Там же. 1911. № 24. С. 214–224; ...за 1912 гражданский год // Там же. 1912. № 16. С. 115–120; ...за 1913 гражданский год // Там же. 1913. № 18. С. 136–140; ...за 1914 гражданский год // Там же. 1914. № 13–14. С. 156–164; ...за 1916 гражданский год // Там же. 1916. № 20. С. 258–266.
6. Гагарин С. Д. Паломничество 600 человек учеников церковных школ Иркутского уезда на поклонение мощам Св. Иннокентия Иркутского Чудотворца, 26–28 апреля 1900 г. // Прибавления к ИЕВ. 1900. № 20. С. 484.
7. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 160.
8. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 20. С. 118.
9. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 17. С. 189.
10. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 161.
11. См. примеч. 4.
12. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
13. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 160.
14. См. примеч. 4.
15. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
16. Там же.
17. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 160.
18. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
19. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 156.
20. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/7 учебном году // Прибавления к ИЕВ. 1899. № 7. С. 136.

21. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
22. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 156.
23. См. примеч. 4.
24. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 156.
25. Там же. С. 161.
26. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
27. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 160.
28. См. примеч. 4.
29. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
30. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 156.
31. Там же.
32. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1903 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 20. С. 118.
33. Перечень церковных школ, состоящих в ведении Иркутского епархиального училищного совета за 1904 гражданский год // ИЕВ. 1907. № 17. С. 189.
34. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет Инспектора народных Училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 8. С. 11.
35. Там же. С. 12.
36. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
37. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 156.
38. Фивейский М. Путешествие Высокопреосвященного Тихона, Архиепископа Иркутского и Верхоленского, в Тункинский край для освящения новосооруженного храма в с. Казачьем // Прибавления к ИЕВ. 1901. № 1. С. 5–17.
39. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
40. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 160.
41. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
42. Троицкий-Сенютович П. Краткий отчет Инспектора народных Училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // ИЕВ. 1890. № 8. С. 11–12.
43. Отчет Иркутского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 275.
44. Там же.
45. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 161.
46. Там же. С. 157.
47. Там же. С. 161.
48. См. примеч. 4.
49. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 161.
50. См. примеч. 4.

О. Т. Базалийская

К РОДОСЛОВНОЙ А. В. ВАМПИЛОВА

В 2017 г. исполнилось бы 80 лет выдающемуся драматургу, нашему земляку Александру Валентиновичу Вампилову.

Отдельного фонда с личными документами драматурга в Государственном архиве Иркутской области нет, но в архивном фонде «Иркутского государственного университета» сохранились документы, а именно — протоколы ГЭКа историко-филологического факультета ИГУ за 1960 г. Так, госэкзамен по истории КПСС студент Вампилов сдал на «удовлетворительно». По истории русской литературы ему достались вопросы о Сергеев Есенине и романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». За этот экзамен он получил оценку «хорошо», а вот за методику преподавания русской литературы Александр получил оценку «отлично» [1].

Надо отметить, что А. В. Вампилов родился в учительской семье и неудивительно, что теория преподавания для него не была пустым звуком. Отец — Валентин Никитич Вампилов — был завучем Аларской средней школы, учителем русского языка. Он и родился в Алари. В метрической книге Аларской Иннокентьевской церкви имеется актовая запись о крещении 19 апреля 1902 г. «сына инородца 1-го рода Никиты Владимира Вампилова. Наречен был Валентином. Восприемниками у него были инородец Игнатий Владимиров Вампилов и жена учителя Валентина Петрова Вампилова. Таинство крещения совершили миссионер, священник Николай Затопляев с и. д. псаломщика Ермолаем Сенотрусовым» [2].

Мама драматурга, Анастасия Прокопьевна, тоже учительница, родом была из семьи православного священника — Прокопия Георгиевича Копылова.

В архивном фонде «Иркутской 2-й женской гимназии И. С. Хаминова находятся на хранении документы, а именно — ведомость о ее успехах и по-

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1902					ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИСШИХСЯ.		
Слово роди- тица	Место жизни	Место рождения	Благодаря	Запись, где, сколько и фамилия записанная.	Ноу запиши членство в приходе.	Родословный свидетель- ский зажигатель	
19. Валентин. Обращающийся к бывшему профессору института имени императора Петра Великого Альбинарии Валентинов и Нарченко в честь Михаила Валентиновна, правильного врача, состоящего в церкви № 19 прихода Святой Троицы Родников.					Император Император Михаил Ильинич Родников Валентинов Ильинич и жена урожденка Никола Евгеньевна Петровна в честь Михаила Валентиновна, правильного врача, состоящего в церкви № 19 прихода Святой Троицы Родников.		
Ч. 1. неизвестны бывшему врачу Евгению Родникову.							

Актовая запись о крещении Валентина Вампилова.

ГАИО. Ф. 50. Оп. 8. Д. 993. Л. 8 об.-9.

2-я ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ.										
Класс первичный первомайский 1916/17 учебный годъ.										
Ученица первого прихода класса Копылова Анастасия родилась 5 октября 1906 года, происхождение православного дона священника поступила во 2-ю Иркутскую Гимназию в августе 1915 года, по экзамену от приходской класс, ранее обучалась в Вениаминовской у.-п. школе состояла 1 год в классе, за 2 года не сдавалась										
Четверти годы.										
У С П Ъ Х И.										
Четвертый год.										
Девятое полг. Русский яз. Наречие. Употс. Арифметика. География. История. Естествозн. Чистописание. Рукоделие. Гимнастика. Православ. яз.										
Первый 5 4 4 4 3 4 4 5 3 4 4 4 5 14 										
Второй 5 3 4 3 4 - 3 4 4 4 4 4 4 5 21 										
Третий 5 4 4 4 3 4 4 4 4 4 5 										
Четвертый										
Годовой балл 5 4 4 4 3 4 4 4 4 4 5 35 										
На экзаменах.										
Вс. экз. Вс. ч.ч. Письменный Устный 										
Вс. экз. Вс. ч.ч. Письменный Устный 										
Средний балл										
Замещания Педагогического Совета.										
Четверти годы.										
Четвертый Третий Второй Первый 										
Приемы.										
Приложение.										
Приезд.										
По Гимн. По Гимн. 										
Прическа.										
Определение Педагогического Совета.										
Посл. канцеляр.										
До канцеляр.										
Начальник канцеляр.										

Ведомость об успехах ученицы Анастасии Копыловой.
ГАИО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 22.

ведении в 1916/1917 г. (показала хорошие успехи при отличном поведении). В ведомости записано, что «ученица первого подготовительного класса — Анастасия Копылова, родилась 5 октября 1906 г. Дочь священника. Поступила в гимназию в августе 1915 г., по экзамену. Ранее обучалась в Вениаминовской церковно-приходской школе. Проживает на ул. Амурской, д. 8 (ныне ул. Ленина), в доме соборного прichta» [3].

Ранее в этой же гимназии обучалась старшая сестра Анастасии — Ксения. В 1909 г. она поступила в приготовительный класс и закончила курс гимназии 2 мая 1917 г. В 1918 г. ей было выдано «Свидетельство на звание домашней наставницы» [4].

Встретились родители А. Вампилова на учительских конференциях. Русская учительница Анастасия Прокопьевна Копылова и бурят, преподаватель русского языка и литературы Валентин Никитич Вампилов.

В архивном фонде «Аларского аймачного отдела народного образования» имеются протоколы заседаний Аларских учительских конференций, состоявшихся в апреле и июне 1926 г. Активным участником конференций был учитель Аларской бурятской семилетней школы Валентин Вампилов: выступал с отчетными докладами и в прениях по вопросу внедрения в педагогику программы Государственного Ученого Совета (ГУСа), принимал участие в разработке планов учебных занятий. А Анастасия Копылова вела протоколы заседания этих конференций [5].

В 1929 г. Валентин и Анастасия поженились и поселились в с. Кутулик Аларского хошуна, где работали в школе.

Вообще же сведения о роде Вампиловых можно проследить по архивным документам ГАИО и печатным изданиям за более чем 140 лет. Так, в «Иркутских епархиальных ведомостях» от 23 августа 1875 г. была опубликована заметка о прадеде драматурга: «Об обращении штатного ламы». Миссионер Аларского ведомства, Бажеевской Николаевской церкви, священник Иннокентий Преловский рапортом от 27 июля доносил Его Преосвященству Вениамину, епископу Иркутскому и Нерчинскому следующее: «Честь имею донести Вашему Преосвященству, что после долгого убеждения, мною торжественно совершено было святое крещение, в присутствии г-на земского заседателя Афанасия Иванова Подгорбунского, г-на ширетуя Чойвонова, помощника его Базыкова, г-на тайши Сомсонова... над штатным ламою Аларского дацана Вандалом Вампиловым. Вампилов наречен Владимиром Афанасьевым. Таинство крещения совершено 19 числа сего месяца» [6].

У Владимира Вампилова было девять сыновей и две дочери. Один из сыновей — Будей, дед драматурга, — также был крещен и наречен Никитой.

В метрической книге Аларской Иннокентьевской миссионерской церкви имеется актовая запись о его бракосочетании от 1 октября 1895 г. (орфография сохранена):

«Жених — инородец 1 рода Хигинского улуса Никита (Будей) Владимиров Вампилов, православного вероисповедания, первым браком, 25 лет.

Невеста — инородческая дочь, девица 1 рода Палагея (Тапханю) Бадмадева, православного вероисповедания, первым браком, 19 лет.

Поручители — староста 1 рода Дарjeev; инородцы 1 рода Игнатий Вампилов, Сыдын Вампилов, 7 рода Дальхей Дарханов и ясачный 3 рода Елеазар Рушаков.

Таинство венчания совершили миссионер, священник Николай Затопляев с диаконом Петром Поповым» [7].

Также интересны сведения о родном брате Никиты Вампилова Романе и сестре Варваре.

17 июня 1896 г. инородец Аларского ведомства Балаганского округа 1-го Хонходорского рода Владимир Афанасьев Вампилов, желая дать дальнейшее образование своему сыну Роману, обратился с прошением к директору Иркутской учительской семинарии о принятии его сына в число воспитанников. К прошению прилагалось свидетельство педагогического совета семинарии от 16 мая 1894 г. о том, что «Роман Владимиров Вампилов, 1880 г. рождения, крещеный в возрасте 7 лет в 1887 г., успешно закончил курс обучения в начальной школе при семинарии». Роман был принят в семинарию и окончил ее в 1900 г. со званием учителя начального училища [8].

В документах ГАИО имеется характеристика, которую представил наставник-воспитатель педагогическому совету: «Типичный бурят — молчалив, немножко упрям, хитроват, но производит приятное впечатление: кажется со средоточенным и вдумчиво относящимся к окружающему (что и действительно есть). Все время пребывания в семинарии имел полный балл по поведению 5. Успехи оказал в ручном труде, а также и в музыке (скрипка). Пробные уроки в школе давал удовлетворительно» [9].

В 1922 г. Вампилов Роман Владимирович был в составе Алзо-Хигинского булучного совета Аларского аймака [10].

Младшая сестра Никиты и Романа Вампиловых Варвара была первой буряткой, поступившей в Центральную школу фельдшериц (позднее акушерско-фельдшерскую) в г. Иркутске. Она получила домашнее образование и, желая продолжить обучение, 17 июля 1903 г. сама подала прошение вправление школы о принятии ее в число воспитанниц. Подготовившись при помощи своего брата Бориса, в то время ученика Иркутской учительской семинарии, она успешно прошла экзаменационные испытания и была принята.

Когда Варвара училась в 3-м классе, в семье учителя Куйтинского министерского училища Романа Вампилова случилось несчастье: 25 декабря 1905 г. при родах умерла его жена Валентина Петровна. 29 января 1906 г. в прошении на имя директора акушерско-фельдшерской школы он писал: «После смерти моей жены, последовавшей после тяжелых родов, остался у меня ребенок, которого воспитать некому, т. к. ребенок оставлен на произвол судьбы. Почему я принужден был оставить ребенка на попечение своей сестры Варвары Вампиловой, ученицы вверенной Вам школы, которая изъявила на это полную готовность. В виду важности воспитания на первое время доверить это дело кому-либо не могу, почему имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить сестре моей Варваре посвятить 4–5 месяцев на это святое дело, оставшись на 2-й год в 3-м классе...» [11].

15 декабря 1906 г. состоялось заседание педагогического совета акушерско-фельдшерской школы. На нем было принято постановление вновь принять в 3-й класс Варвару Вампилову, выбывшую по домашним обстоятельствам из 3 класса в прошлом учебном году [12].

В 1908 г., пройдя полный четырехклассный курс наук, Варвара Владимировна в возрасте 23 лет окончила обучение в акушерско-фельдшерской школе. 29 октября из врачебной управы Иркутского губернского управления ей было выдано свидетельство на звание акушерки-фельдшерицы [13].

Работать Вампилова поехала в Забайкалье, в Агинские степи, где акушерствовала в течение трех лет. Потом ей удалось продолжить образование — в 1911–1913 гг. она училась на курсах Лесгафта в Петербурге на средства Агинского инородческого общества. К сожалению, проработать ей пришлось недолго: в 1915 г. во время эпидемии тифа Варвара Владимировна умерла [14].

Если родные А. Вампилова по отцовской линии происходили из просвещенных бурят, то со стороны его мамы — Анастасии Копыловой — это были потомственные православные священники.

Ее отец и дед драматурга Прокопий Георгиевич Копылов родился 21 февраля 1873 г. в с. Кимильтей Нижнеудинского уезда в семье почетного гражданина. По окончании в 1894 г. курса в Иркутской духовной семинарии «8 сентября рукоположен в диакона, а 9 — в священника с назначением в Оёкскую Успенскую церковь Иркутского уезда. В октябре того же года утвержден законоучителем Оёкского приходского училища.

Вследствие прошения, указом Иркутской духовной консистории от 11 апреля 1895 г. переведен в Нукутскую Иннокентьевскую церковь, а 5 июля утвержден законоучителем Нукутского инородческого училища» [15].

Будучи студентом семинарии, он женился, о чем имеется актовая запись в метрической книге Нукутской Иннокентьевской миссионерской церкви Балаганского уезда от 21 августа 1894 г.:

«Жених — студент Иркутской духовной семинарии Прокопий Георгиев Копылов, православный, первым браком, 21 года.

Невеста — дочь священника девица Александра Африканова Медведева, православная, первым браком, 17 лет.

Поручители — протоиерей Иннокентий Преловский, учитель Димитрий Георгиев Копылов, священник Петр Багрянцев и почтовый смотритель Георгий Безсонов.

Таинство венчания совершили протоиерей Иннокентий Преловский с паломщиком П. Румянцевым» [16].

Александра Африкановна, бабушка драматурга, была дочерью священника Африкана Федоровича Медведева. О нем имеется следующая информация. В клировой ведомости Нукутской миссионерской Иннокентьевской церкви Балаганского уезда за 1878 г. записано, что «на должности псаломщика состоит Африкан Феодоров Медведев, 23 лет, крестьянский сын, родился в Кутуликском селении Черемховской волости. В школах не обучался. Вследствие рапорта миссионера Балаганского ведомства священника Иннокентия Ливанова от 27 марта 1869 г. с представлением прошения Медведева о принятии его в духовное звание указом Иркутской духовной консистории от 9 апреля 1869 г. допущен к исправлению причетнической должности к означенной церкви. В 1870 г., согласно поданному прошению и, на основании 80 ст. Устава духовной консистории Иркутским епархиальным начальством принят в духовное звание, и Указом консистории от 12 июня 1870 г. перемещен на должность псаломщика. 7 октября 1873 г. архиепископом Вениамином посвящен в стихарь. 25 октября 1876 г. являлся к исполнению воинской повинности по вынутому им 233-му жребию. Как имеющий по семейному положению право на льготу 1-го разряда зачислен в ратники ополчения. Устав церковный, чтение и пение знает основательно. Поведения весьма хорошего. В семействе у него: жена Александра Иннокентьевна, 24 лет, дочь священника Гадалейской Вознесенской церкви Иннокентия Паргачевского, грамотная, и дочь Александра в возрасте 1 года» [17].

Вернемся к биографии священника Прокопия Копылова, которая достаточно полно отражена в клировой ведомости Иркутского кафедрального собора:

3 ноября 1898 г. П. Г. Копылов «во внимание к усердно-полезной службе» и за труды по постройке нового храма в Нукутах архиепископом Тихоном награжден набедренником.

24 октября 1901 г. за плодотворную миссионерскую деятельность награжден бархатной фиолетовой скуфьей.

31 января 1905 г. определением Иркутского епархиального училищного совета назначен членом его Балаганского отделения.

6 мая 1907 г. за труды по церковно-школьному делу награжден камилавкой.

9 сентября 1908 г. командирован к исполнению обязанностей второго священника Градо-Иркутской Глазковской Николо-Иннокентьевской церкви с оставлением в должности миссионера Нукутского стана.

Приказом исполняющего обязанность попечителя учебного округа от 2 октября 1908 г. назначен законоучителем 2-й женской И. С. Хаминова гимназии.

Князев А. «Фантомы Вампилова».

Купель. ГАИО, Ф. Р-1871.

Оп. 2. Д. 298. Л. 1

6 мая 1915 г. награжден наперсным крестом.

В августе 1915 г. избран на следующее трехлетие заместителем председателя и казначеем правления свечного склада.

Имел также светские награды: серебряную медаль на Александровской ленте в память царствования императора Александра III, юбилейный крест на Владимирской ленте и юбилейную светло-бронзовую медаль в память 300-летия Дома Романовых.

В 1915 г. в семействе у П. Г. Копылова были: жена Александра Африкановна, 37 лет, дети — Татьяна 20 лет, учительница Уриковской 2-классной церковно-приходской школы; Иннокентий 18 лет, воспитанник Иркутской духовной семинарии; Ксения 16 лет, ученица 2-й И. С. Хаминова женской гимназии; Михаил 13 лет, воспитанник Иркутской губернской гимназии; Николай 11 лет, ученик Иркутского реального училища; Анастасия 9 лет, ученица 2-й И. С. Хаминова женской гимназии; Екатерина 7 лет, Нина 3 лет, Софоний 9 месяцев» [18].

Будучи человеком высокообразованным, Прокопий Георгиевич активно сотрудничал в периодическом издании «Иркутские епархиальные ведомости» в качестве автора статей и проповедей.

В 1920-е гг. П. Г. Копылов служил протоиереем и ключником Иркутского кафедрального собора. 15 апреля 1929 г. он вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» [19].

2 февраля 1938 г. бывший протоиерей был арестован. На момент ареста он работал сторожем Иркторга. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфиска-

8 ноября 1909 г. утвержден вторым штатным священником Глазковской Николо-Иннокентьевской церкви.

18 июля 1909 г. утвержден председателем Комитета по постройке храма в Глазковском предместье.

С 24 ноября 1909 г. состоит законоучителем в учебном заведении Гайдук.

В 1909 и 1911 гг. назначался Иркутской духовной консисторией катехизатором.

В 1911 г. епархиальным съездом Копылов был избран членом предсъездной комиссии от сельского духовенства на трехлетие.

1 января 1914 г. назначен членом-казначеем Иркутского отделения епархиального училищного совета.

7 января того же года переведен в Иркутский кафедральный собор на должность 4-го священника.

С 19 марта 1914 г. по 1 ноября 1915 г. исполнял обязанности церковного старосты кафедрального собора.

цией личного имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. в Иркутске. 19 декабря 1958 г. П. К. Копылов был реабилитирован определением Военного трибунала Забайкальского военного округа [20].

По жестокой иронии судьбы день расстрела Прокопия Георгиевича стал днем приговора его зятю Валентину Никитичу Вампилову. 17 января 1938 г. он был арестован и постановлением тройки УНКВД Иркутской области приговорен к расстрелу. Обвинен в том, что был активным участником контрреволюционной панмонгольской организации. Приговор в отношении В. Н. Вампилова был приведен в исполнение 9 марта 1938 г. в Иркутске, буквально через несколько месяцев после рождения Саши [21].

В архивном фонде «Прокуратуры Иркутской области» имеется «Надзорное производство по реабилитации Вампилова Валентина Никитича», содержащее следующую информацию.

В марте 1994 г. в прокуратуру поступили заявления от его сына Михаила Валентиновича Вампилова и дочери Галины Валентиновны, в замужестве Гусевой, проживающих в г. Иркутске, о признании их пострадавшими от политических репрессий. К заявлению были приложены копии свидетельств о рождении Михаила Валентиновича Вампилова, родившегося 21 июля 1931 г. в г. Улан-Удэ, и Галины Валентиновны Вампиловой, родившейся 22 ноября 1931 г. в с. Мухор-Шибирь Бурят-Монгольской АССР. В графе «мать» у них указана Анастасия Прокопьевна Копылова.

А в феврале 1995 г. в прокуратуру поступили заявления от дочерей Валентина Никитича Вампилова от первого брака с Марией Ефимовной Мохносоевой, проживающих в г. Улан-Удэ. К заявлению также были приложены копии свидетельств о рождении. Старшая дочь, Ирина Валентиновна, родилась 15 февраля 1925 г. в с. Аларь, а младшая, Серженна Валентиновна, 2 декабря 1929 г. в Голуметском районе Иркутской области (точное место рождения не указано).

Дело по обвинению Валентина Никитича Вампилова, до ареста органами НКВД 17 января 1938 г. работавшего завучем Аларской средней школы, было пересмотрено военным трибуналом Забайкальского военного округа 19 февраля 1957 г. Постановление тройки УНКВД по Иркутской области от 27 февраля 1938 г. в отношении В. Н. Вампилова отменено, и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Вампилов Валентин Никитич полностью реабилитирован посмертно.

Дочери реабилитированного Ирина и Серженна Валентиновны, согласно справкам, выданным прокуратурой Иркутской области от 10.04.1995 г., были признаны пострадавшими от политических репрессий [22].

Князев А. «Фантомы Вампилова».

Август. ГАИО. Ф. Р-1871.

Оп. 2. Д. 298. Л. 6

Сын Валентина Никитича Вампилова Александр начал публиковаться еще в студенческие годы, а в 1964 г. вышла его первая книга. Но его путь не был усыпан розами, его пьесы не всегда принимались чиновниками к постановке. Так, пьеса «Старший сын» еще при жизни Вампилова обошла весь мир, но в Москве ее не разрешали ставить. Факт появления «Утиной охоты» в иркутском альманахе «Ангара» (№ 6 за 1970 г.), ставшей вершиной творчества драматурга, стали предметом обсуждения на бюро Иркутского ОК КПСС.

За свою короткую жизнь, которая трагически оборвалась накануне 35-летия, Александр Валентинович Вампилов создал свой неповторимый театр. Его творчество оказало огромное влияние на всю современную драматургию. И несомненно, что частица его таланта и необыкновенная прозорливость и острота в отображении действительности, нашедшая отклик в душах современников, исходят в том числе и от его замечательных предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1057. Л. 62, 69 об., 91 об.
2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 8. Д. 993. Л. 8 об.—9.
3. ГАИО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 22—22 об.
4. ГАИО. Ф. 125. Оп. 3. Д. 142.
5. ГАИО. Ф. Р-1062. Оп. 1. Д. 19. Л. 93, 98—100.
6. Иркутские епархиальные ведомости. 1875. 23 авг. (№ 34).
7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 8. Д. 793. Л. 53 об.—54.
8. ГАИО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 20. Л. 22—24.
9. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 47. Л. 13—13 об.
10. ГАИО. Ф. Р-78. Оп. 1. Д. 9. Л. 117.
11. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 43. Л. 139—142.
12. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 69. Л. 9, 9 об.
13. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 82. Л. 15 об.—16.
14. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: Прогресс, 1995. С. 319.
15. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8610. Л. 33 об.—34.
16. ГАИО. Ф. 50. Оп. 9. Д. 1029. Л. 27 об.—28.
17. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5569. Л. 45 об.—46.
18. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 9501. Л. 42 об.—44.
19. ГАИО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 14. Л. 216, 344.
20. Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Иркутск, 2001. Т. 4. С. 321.
21. Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Иркутск, 1999. Т. 2. С. 55.
22. ГАИО. Ф. Р-2793. Оп. 5. Д. 1098.

ЭТНОЛОГИЯ

A. И. Шинковой

СВЯЩЕННЫЕ ОБРАЗЫ ДУХОВ В ОНГОНАХ СИБИРСКИХ ШАМАНОВ

В коллекциях Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» и, в особенности, Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ) собраны богатейшие этнографические коллекции религиозного назначения. Определенная доля этих коллекций связана с шаманизмом, который был широко распространен среди коренных народов Сибири. Шаманизм и сегодня переживает свое возрождение, хотя не в ярко выраженной форме, чаще завуалированно, но след его заметен и он будоражит умы исследователей. В нашем регионе к изучению религиозных воззрений сибирских народов основательно приступили вскоре после создания в Иркутске в 1851 г. Сибирского, позже Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). В географическом обществе особое внимание было уделено сбору этнографических материалов, касавшихся шаманской обрядности и культов. Постепенно в созданном при общественной организации музее стали откладываться коллекции, отображавшие духовный мир сибирских народов. Вера шаманистов в душу и духов породила такое понятие, как онгоны. Словом «онгон» тунгусы и буряты называли особый знаковый символ, имевший определенное культовое назначение. Онгоны давно уже стали предметами духовной культуры разных народов, и не только сибирских. В глубокой древности глиняные фигурки людей делали по всей Юго-Восточной Азии, на американском континенте, в частности в Бразилии. Японские глиняные фигурки — догу и ханива — хранят тайну своего истинного назначения. Они значительно разнятся от фигурок, обнаруженных в корейской земле, с их чрезмерно кровавыми формами. В разных местах планеты еще можно встретить сохранившиеся древние традиции, которых придерживается такой, к примеру, малочисленный народ, как калаши, исповедующий язычество в горах Пакистана, поклоняющийся солнцу, духу огня и антропоморфным резным идолам.

О сибирских онгонах еще много не сказано. Здесь огромное поле деятельности для исследователя. До сих пор онгоны из собрания ИОКМ не были полностью описаны и опубликованы. Чем дальше уходят в прошлое шаманские культуры и верования, тем труднее становится найти материалы по отдельным предметам шаманского камлания. Отсутствие надлежащих сведений об имеющихся музейных образцах не позволяет достаточно убедительно установить назначение религиозного обряда, к которому прилагался тот или иной вид онгона.

Онгоны с обличьем человека олицетворяли разных духов потустороннего мира. Этот плод человеческого воображения в виде идолов занял вверенную ему нишу в истории шаманизма, став неотъемлемой частью мифологизированного пространства. Постиж изначальную формулу зарождения онгонов, скрытую в глубине религиозного явления, без определенной доли мифологемы не получится. История зарождения онгонов не может быть древнее истории шаманизма, и этой истории не одна тысяча лет. К сожалению, в сибирских музеях не имеется в наличии образцов онгонов более отдаленного времени, чем те, что были изготовлены каких-нибудь 100–170 лет тому назад.

В конце XIX в. в шаманизме наблюдались чрезвычайно сложные процессы, связанные с общим периодом сибирской истории, приведшие в начале XX в. к приостановке или вовсе к прекращению шаманских культов во многих местах. Уже тогда онгоны создавались как реконструированные формы давно утраченных образов. Насколько существенно они подверглись всесторонней интерпретации, и достаточно ли точны были их виды по отношению к тем онгонам, что делались несколько столетий до этого времени, можно только догадываться. Изготовление онгонов производилось не по шаблону, а творчески, с индивидуально подобранными подручными материалами, с сохранением устоявшихся представлений о предмете. Словом, компоновка изделий велась в манере, исторически сложившейся в конкретной местности. Уже всего этого достаточно, чтобы обоснованно отнести онгоны к прикладному виду народного творчества, неотделимого от религиозного культа.

Внешне онгоны выглядят непрятательно. Их несовершенные формы напоминают такой вид творчества, как наивное искусство. Очевидно то, что в онгонах и в наивном искусстве утрачена реальность, что особенно заметно на сопоставлении яви и нави. С этого угла зрения процесс создания онгонов дает повод полагать, что они намного опередили то время, когда наивная фантасмагория примитивизма была официально признана в мире.

Если сравнить подборку онгонов стран Юго-Восточной Азии в виде обожженных глиняных фигур человека с шаманскими экспонатами из наших музеев, то невольно задумываешься о многообразии используемых приемов при их создании и об утраченной преемственной связи некогда, вероятно, единого верования на земле. Новое время всегда диктует другие материалы, а с ними и иное видение изобразительных образов. Онгоны лет 300 тому назад наверняка создавались в категориях современных на тот период изобразительного языка и понятиях, иначе и быть не могло. В пору гонения сибирского шаманизма христианами и буддистами, затем в годы общего богооборчества в нашей стране были утрачены важные положения языческих культов. Восполнить утраченную память и исконные образы с обрядами шаманского прошлого ныне нечем.

Сибирскими шаманистами онгоны воспринимались как священные изображения, поэтому к ним верующие обращались с молитвой. Каждый онгон освящался шаманом, тогда же происходило таинство «одушевления его». Процедура подготовки онгона к освящению отчасти напоминала китайский способ подготовки буддийской скульптуры, перед тем как ее передавали в храм, для чего в полую часть отлитой в металле скульптуры помещали насекомое, мелкого грызуна, даже птичку, любую другую живую душу. Сюда же закладывали отрывки священных молитвенных текстов. Лишь затем закупоривали днище скульптуры и освящали божественный образ в храме, после чего тот готов был для моления. Шаман связывался с божествами и духами посредством своих освященных атрибутов и онгонов. Происходило это через устраиваемый им

религиозный обряд в танце, под звук бубна и зазывания духов, приводящего шамана в экстаз, а присутствовавшие при этом действие верующие подвергались тревожному психическому воздействию.

В историографии шаманизма остается открытой такая проблема, как классификация онгонов. Вызвана она разными причинами, в том числе отсутствием единого мнения, по каким признакам осуществлять данную работу. Существуют противоречивые суждения о назначении онгонов, их особенностях и связанных с ними религиозных представлениях. Возникающие на этот счет мнения небеспочвенны. Кажется странным, что одни и те же духи-онгоны, в зависимости от обстоятельств, бурятами воспринимались то добрыми, то злыми, или же нейтральными. Из чего можно заключить, что классифицировать такие онгоны по общему признаку будет затруднительно. Зато значительно убедительней можно провести классификацию онгонов по внешним признакам. Правда, здесь следует учитывать, что изображения онгонов варьировались в разных местах и обозначались по-разному.

Оказывается, не все онгоны являлись обязательными в разных родоплеменных сообществах. Онгоны прибайкальских бурят не всегда использовались забайкальскими бурятами и наоборот. Некоторые популярные онгоны в одной местности совсем не были известны в другой. Редко можно было выделить группу онгонов, одинаково воспринимаемую в каждом районе. Заметно различались названия онгонов, хотя были схожие по темам и по изображениям. Короче, если складывалась стройная система по одному признаку, то она плохо согласовывалась с другим признаком, не менее важным для общей классификации онгонов. По мере знакомства с онгонами музейной коллекции приходится констатировать недостаточное количество литературы, на которую можно было бы сослаться. Встречается много публикаций общего характера с разной интерпретацией ограниченных источников. В сибирских архивах по онгонам крайне мало сведений. Кое-что еще можно найти в отделе памятников письменности Востока при Бурятском научном центре Сибирского отделения Российской академии наук. Хранящиеся в этом архиве рукописи по шаманизму в основном написаны в первой половине XX в. Например, там есть описание Пеохона Петрова онгона Буртэ; материалы на онгоны Дабай, Худгэн, используемые агинскими шаманистами; сведения по онгонам китайских бурят. Здесь же есть описание коллекции онгонов, собранной М. Н. Хангловым в 1908–1909 гг. М. Далбанов составил характеристики онгонов бурят долины Осы. В личном фонде письменных памятников хранятся документы Петра Павловича Баторова, видного бурятского этнографа, сотрудника ВСОИРГО, одного из создателей бурятского отдела Иркутского краеведческого музея. Он собирал материалы по мифологии и по скрытым от посторонних глаз культовым местам шаманистов. Его коллекция предметов шаманской материальной культуры ныне хранится в Иркутском краеведческом музее. Он же оставил материалы с пояснениями шаманского «Зурагта онгона», описание других онгонов [1].

Буряты неоднократно жертвовали разные суммы денег Восточно-Сибирскому Географическому обществу, чтобы отдел способствовал изучению исторических корней народа. В 1916 г. председатель иркутского бурятского общества Мария Петровна Трубачеева преподнесла в дар музею ВСОИРГО 58 онгонов. Вклад бурят в общее музейное дело был отмечен государственным письмом за подпись правителя дел Географического общества И. И. Серебренникова [2].

Среди членов ВСОИРГО к шаманским онгонам обращались Н. Н. Агапитов, Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, М. Н. Ханглов, другие исследователи.

Николай Николаевич Агапитов окончил Санкт-Петербургский университет, где получил научную степень кандидата естественных наук. Он был направлен на службу в Иркутскую учительскую семинарию в 1875 г. [3]. В 1887 г. коллежский советник Н. Н. Агапитов стал директором этого учебного заведения. Он никогда не ограничивал себя одной преподавательской деятельностью. В 1880–1885 гг. Агапитов являлся правителем дел ВСОИРГО. В эти годы он пишет «Программу для собирания этнографических предметов» (1883) и «Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири (так называемого шаманства)» (1884). Он активно собирал материалы о шаманизме в Иркутской губернии и Забайкальской области, а также исследовал вблизи р. Унги остатки городищ и древние надписи на камнях. В Иркутске его считали знатоком сибирских древностей.

В 1880 г. Г. Н. Потанин, а через три года Н. Н. Агапитов написали программы в помощь тем, кто хотел бы изучать шаманизм. «Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве» Г. Н. Потанина была издана в виде брошюры объемом в пять страниц. В ней автор ставил подробные вопросы, касавшиеся одежды шамана у разных народов. Здесь же перечислены ремни, тесьмы, жгуты, держащие железные привески на костюме шамана. Ставятся вопросы, что означают те или иные предметы, украшения, рисунки, природные явления и какие с ними связаны поверья или сказания. Особым пунктом выделяется обряд посвящения в шаманы. Мистерии шамана во время жертвоприношений и обряд посвящения животных богам. Последний раздел программы отводится собиранию сведений о зверях, птицах, насекомых и растениях [4].

Программа для изучения шаманства Н. Н. Агапитова включала 16 страниц и 149 тщательно подобранных вопросов, раскрыть которые предполагалось исследователям. Вопросы касались верования в богов Верхнего мира, других обитателей неба, и какие к ним шаманы применяли призывания. Каким образом проводятся почитания божеств земли, отдельных местностей, не были ли эти божества прежде шаманами? Отдельные вопросы отнесены к природным явлениям: происхождение грома и молнии, солнца и луны, созвездий. Как их рисуют? Существуют ли рассказы о похищении светилами людей? В программе Агапитова много вопросов отводится душе человека. Какой вид имеет душа, освободившаяся от тела, каким образом блуждающая душа возвращается в тело? Какие применяются шаманские мистерии, призывания, жертвы при лечении болезней? Автор брошюры также задается вопросом, не изображают ли душу каким-либо вещественным образом, например, в виде маленького человека. Здесь же даются вопросы, относящиеся к изображению идолов (онгонов): из дерева, меди (жести) или железа, камня, какие их формы, размеры. Также автор интересуется изображениями на лоскутках материи красной краской, способом и месте размещения священных рисунков. Ряд вопросов связан с божеством огня, его происхождением, со способом изображения (идола) и какие при этом применяются обряды. Отдельные вопросы касаются шаманов. Происхождение шаманов и их различия, какое у них число посвящений, их отличительные особенности по одежде, по атрибутам? Какие существуют способы обращения с мертвым телом? Были обозначены многие другие важные для понимания шаманизма вопросы [5].

Николай Николаевич преподавал педагогику и был наставником учительской семинарии, когда там учился молодой Матвей Хангалов. Агапитов заметил способного ученика и сумел заинтересовать Хангалова этнографией бурятского народа. Программы Потанина и Агапитова по шаманизму носили рекомендательный характер и служили подспорьем для начинающих исследователей.

Несомненно, ими пользовался Хангалов при ведении дневниковых записей по бурятской этнографии и фольклору.

К сбору материалов по этнографии и религии своего народа Хангалов приступил, будучи православного вероисповедания, вскоре после окончания в 1876 г. курса в Иркутской учительской семинарии. Хангалов начал службу по 14 классу в должности учителя в Кудинском инородческом приходском училище Иркутского округа. Ему было положено жалованье в 350 рублей с оплачиваемой квартирой [6]. Хангалов думал об обучении детей даже тогда, когда временно прерывал связь со школой. Об этом свидетельствует документ, который чиновник и этнограф В. В. Птицын передал во ВСОИРГО:

«В распорядительный комитет Восточно-Сибирского отделения Географического общества члена общества Владимира Птицына.

Заявление

При сем имею честь представить в распорядительный комитет составленную бурятом Балаганского ведомства, бывшим народным учителем и сотрудником г. Агапитова по изучению шаманства, М. Н. Хангаловым «Первую учебную книжку для обучения бурят». Сочинение свое г. Хангалов передал мне на мое усмотрение. Может быть, Географическое общество сочтет возможным напечатать это сочинение или по крайней мере подробно разобрать его и напечатать обстоятельный отзыв о нем. Покорнейше прошу сохранить эту рукопись в библиотеке Отдела и возвратить ее только автору г. Хангалову, если он лично того пожелает. Член ВСОИРГО Влад. Птицын. Иркутск, 1885 г. 4 июня» [7].

В 1881 и 1882 гг. Агапитов и Хангалов совершили поездки по местам проживания прибайкальских бурят. И как писал Агапитов, материалы по шаманизму собирали от шаманов и от опытных стариков. «При всяком удобном случае осматривались онгоны, принадлежности шамана, причем делались рисунки, а модели онгонов заказывали шаманам, тщательно записывались имена божеств и призываия со слов шамана, а в Балаганском ведомстве сами шаманы при нас на бумаге рисовали онгоны; затем мы присутствовали в Курумчинском улусе при обряде посвящения шамана и несколько раз были на тайлагане» [8]. В той поездке был случай, когда шаман Хамгамка Мармуев нарисовал Н. Н. Агапитову на бумаге зурэхана Шаргая, хотя можно было еще спрашивать у стариков и найти настоящий старый зурэг. Бумажный вариант зурэга с изображением хана Шаргая не сохранился. В рукописном описании шаманской коллекции, составленной М. Н. Хангаловым в 1917 г., зурэг «Хан-Шаргай» значится в коллекции под номером 7365/11. Однако в книге поступлений онгонов в музей ВСОИРГО в 1917 г. под номером 7365 порядковый номер 11 не указан. Хан Шаргай считался старшим среди небесных обитателей западного хата, ему буряты устраивали тайлаганы. Этот мифический персонаж упоминался в стариных преданиях и шаманских гимнах. По воле тэнгриев Шаргай спустился на облаке на две вершины горы Халма-ула, что в западной стороне Мундарга (уст. Мондаргой — горы в Торской степи, ныне Саянские горы в Тункинской долине), в сопровождении орла. На остальных двух вершинах горы Халма стояли слуги Шаргая. Как подобает хану, Шаргай восседал на соловом коне в полном вооружении полководца и принимал под своим мечом присягу бурятских подданных, став им покровителем и защитником. Среди давших присягу Шаргаю был с северо-западной стороны хозяин тайги Эрэн-таши-эжина. Ему было велено быть зяном над бурятами и покровительствовать им. Еще этот эжин стал покровителем зэли — веревки из белого конского волоса, вывешиваемой над входом в юрту или на ворота в хозяйственный двор. Предназначение зэли

у бурят такое же, как и у соломенной веревки на тории — воротах при входе в синтоистское святилище японцев — ограждать людей от злых духов [9].

В результате полевых исследований Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов публикуют «Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии» [10]. В ноябре 1883 г. в Географическом обществе Н. Н. Агапитов сделал сообщение «О шаманстве у степных тунгусов». Тогда же от Агапитова в музей поступила из Балаганского уезда Кудинского ведомства деревянная коробка с крышкой и ручками, размером 30 x 11,3 x 7,9 см для хранения онгона. Коробка была покрыта красной краской, имела отверстие, закрытое древесной пробкой. Отверстие необходимо было для выхода духа из коробки в том случае, если того призывал в помощники шаман.

Тогда же Хангалов пополнил коллекцию музея ВСОИРГО двумя рисованными онгонами: «Хара Нарани зурэг» (Изображение луны и солнца и девяти фигур). Небесным светилам посвящены старинные предания и гимны. В прошлом при проведении торжественного религиозного обряда «хурай» или «зухэли наргаха» буряты выбирали 9 сыновей и 8 дочерей (9 хубун, 8 басаган). После отмирания материархата дочерей не стали выбирать при хурае. Шаман рисовал онгон на ткани с изображением луны и солнца, а под ними только девять мужских фигур. Такой онгон по количеству изображенных фигур схож с кузнецкими онгонами «Дархахи зурэг». Разница заключается лишь в том, что помимо изображения луны, солнца и девяти фигур небесных кузнецов там еще были нарисованы их инструменты труда.

В конце XIX — начале XX в. М. Н. Хангалов продолжал собирать коллекции по шаманизму. Ныне его коллекции хранятся не только в Иркутском краеведческом музее, но и в этнографическом отделе Русского музея, причем там они состоят исключительно из онгонов. Также его дары шаманских предметов хранит Музей антропологии и этнографии Российской академии наук. В 1892 г. за свою собирательскую и исследовательскую деятельность Матвей Николаевич был удостоен малой серебряной медали Императорского Русского географического общества.

В 1902 г. Хангалов с французским этнографом Полем Лаббе совершили поездку к унгинским бурятам. Собранные ими коллекция предметов по шаманизму была вывезена во Францию. Благодаря этому Хангалов стал лауреатом Французской академии изящных искусств, а в 1903 г. ему был присвоен французский знак отличия (*officier d' Academie* — «офицер академии») [11]. Эти факты биографии Хангалова лишний раз подтверждают признание его заслуг научным сообществом как собирателя и замечательного исследователя-самоучки.

В 1907–1908 гг. при содействии Д. А. Клеменца, на тот период хранителя этнографического отдела Русского музея, где он продолжал изучать экспонаты, связанные с шаманскими религиозными культурами, Хангалов получил субсидию, чтобы активизировать исследовательскую работу. Благодаря финансовой поддержке Матвей Николаевич сумел собрать предметы шаманского культа в уездах и волостях южной части Иркутской губернии и Забайкальской области.

В 1913 г. Хангалов осуществил полевые исследования в бурятских стойбищах и улусах, взяв себе помощника С. П. Балдаева, учащегося Иркутской учительской семинарии, перу которого через несколько лет будет принадлежать рукопись «Похороны шамана» (хранится в отделе памятников письменности Востока БНЦ СО РАН). Бурятские семьи, исповедующие шаманизм, хранили не один, а несколько родовых онгонов. При подготовке к перекочевке выяснялось, что набирается мешок семейных онгонов, который приходилось брать с

собой. Буряты старались освободиться от личных онгонов умершего человека. Такие онгоны сжигали в присутствии шамана. Онгоны помещали в огонь между кусками жира жертвенного барана. Но всегда ли те правила соблюдались? Во время обьезда стойбищ бурят собирателям удавалось получить семейные онгоны, другие предметы шаманского культа. Неплохо сбору онгонов способствовали ламы. Те вовсе с умыслом освобождались от изъятых у бурят шаманских принадлежностей, чтобы они меньше напоминали им о духах. Собранные этнографические материалы пополняли музеи. Здесь важно было не только собрать и сохранить вещественную память народа, но и суметь объяснить каждый предмет коллекции. Вскоре при последовательной поддержке правителей дел Географического общества Н. Н. Агапитова, Г. Н. Потанина, Д. А. Клеменца стали выходить сочинения Хангалова. Одно из них — «Новые материалы о шаманизме у бурят», выпущенное ВСОИРГО в 1890 г., дополнило сведения о шаманизме, собранные совместно с Н. Н. Агапитовым. М. Н. Хангалову принадлежат не только известные сочинения, опубликованные в трехтомнике, изданном в Улан-Удэ в 1958–1960 гг. и недавно переизданные, но и рукописи, не включенные в издания. Хангалову уже приходилось делать описание этнографической шаманской коллекции на 18 листах, состоящей из онгонов для Русского музея. А в 1908–1909 гг. им был составлен список коллекции онгонов на девяти листах, хранящийся в Улан-Удэ [12]. Ему удалось много сделать благодаря трудолюбию и общению с жителями улусов, от которых он не только получал образцы обрядовых принадлежностей, но и старался выяснить у них назначение того или иного культового предмета, и записать пояснения к ним.

В 1917 г. от Хангалова поступили в музей ВСОИРГО в дар и приобретены на средства отдела десятки этнографических предметов, в том числе и онгоны. Его коллекции по шаманизму — одни из лучших в ИОКМ. Так, под номером 7365 в музее были записаны 17 изделий из Балаганского уезда и четыре предмета из Иркутского уезда Иркутской губернии. Под номером 7379 было записано 37 предметов, место сбора не обозначено. Под номером 7382 принято на хранение 18 изделий из Хундойского булуга Цугалтского хошуна Забетской волости. Под номером 7384 в собрание музея включены 24 шаманских изделия из Верхоленского уезда Иркутской губернии (Хоготовской волости и Старо-Хоготовского улуса). Из этого числа в 1925 г. несколько шаманских произведений было передано в Иркутский госуниверситет. В 1945 г. девять онгонов из музея были похищены. Всего в 1917 г. в музей поступило 99 шаманских предметов, в том числе десятки онгонов.

В конце 1917 г. по просьбе председателя дел и хранителя музея ВСОИРГО И. И. Серебренникова Хангалов занялся описанием шаманской коллекции. Рукописи предшествовало письмо от 23 ноября 1916 г., в котором распорядительный комитет Географического общества просил Матвея Николаевича приехать из Бильчира на рождественские каникулы в Иркутск «для определения и описания некоторых коллекций по шаманизму бурят» [13]. В Иркутске Хангалов составил описание шаманских коллекций музея на 197 листах. В перечень были включены не менее 423 единиц хранения с краткой характеристикой и указанием их ритуального назначения. Ныне эта рукопись хранится в Государственном архиве Иркутской области [14]. А сохранившиеся коллекции по шаманизму принадлежат Иркутскому областному краеведческому музею. Текст рукописи Хангалова написан карандашом и черными чернилами на плотной пожелтевшей от времени бумаге. Нередко на листах с трудно читаемым почерком встречаются слова и предложения с затухающим текстом. Пройдет еще

какое-то время и текст вовсе может исчезнуть. Для исследователей сибирского шаманизма рукопись представляет определенную историческую ценность, хотя бы потому, что обозначенные в ней экспонаты собирались и комментировались в период, когда еще не до конца были прерваны родовые традиции шаманов.

М. Н. Хангалов подразделял онгоны на внутренние, те, что хранились в юрте (доме) и наружные, закреплявшиеся на юрте или подле нее снаружи. Кроме собственного названия онгоны имели общие названия. Так, родовые, иначе семейные, онгоны назывались «гэри онгон», а уличные — «газахи онгон». Онгоны, изготовленные для размещения на горе или холме, — горные онгоны, назывались «хадан онгон», в степной местности подобные онгоны называли «хэри онгон». Различные материалы, из которых делались онгоны, т. е. «одежду» называли «хурэкаши». Как сказано выше, помимо названий онгоны имели собственные легенды.

М. Н. Хангалов подметил, что давно уже слилось в единое понятие слова «зурэг» и «онгон». Используемый бурятами термин «зурэг» происходит от монгольского «зураг» — изображение, рисунок краской, в широком понимании — народная картинка. Кочевники араты хранили древние традиции зурага с применением аппликации. Словами «зурэг» или «хурэг» буряты стали называть нарисованный священный образ, выполненный на какой-либо матерчатой основе. Нередко к этому рисунку красной краской добавляли вырезанную накладную фигурку человека. Такая фигурка исполнялась в плоскостном варианте с применением жести, меди или металла. Рисованные зурэги передавались от одного поколения к другому. Если зурэги посвящались покровителю рода, семьи, улуса и т. д., то такие зурэги долго хранились людьми. Если же зурэги становились ветхими, то их обновляли через религиозный обряд «хурай» или «зухэли гаргаха». Со временем рисованные зурэги стали называть единым термином — онгоны, то были особого вида объемные, резанные из дерева или вылепленные из глины фигурки человека. Чтобы предать глиняным фигуркам человеческое подобие, и, что немаловажно, прочность, их обжигали. Теперь обратимся к изобразительному материалу с видами онгонов из собрания ИОКМ.

Онгон «Дух хозяина огня бурят». Обожженная глина. Под общим инвентарным номером 5778. Из коллекции М. Н. Хангалова. 1903 г.

Онгон «Дух хозяина огня бурят»

Верхоленские буряты улуса Хурумчин изобразили онгон хозяина огня в виде трех человеческих фигур, из которых одна меньшего размера. Онгон хранили в специально сшитой сумке из грубого сукна. Онгон, посвященный духу

огня, имел двойное имя. Сначала его называли Сахядай-нойон и Сахали-хатун, затем Гал-голыхан, а жену его — Гули-хатун. Гал — огонь, гули — медь. Оба слова ассоциируются с красным цветом пламени. Гал-голыхан является хранителем домашнего очага, тогда как Сахядай-нойон, сын небесного тэнгэрина, представляет собой высшее божество стихии огня [15]. По этим глиняным фигуркам нет общего мнения. Этот популярный семейный онгон представлялся бурятам по-разному: то в образе старца с рыжими волосами, то в виде одной, двойной, тройной, даже четверной фигуры, то просто одна голова с куском жира во рту. Гал эжин по велению Неба прибыл на Землю в теплом красном халате, чтобы уберечь людей от холода, идущего со стороны восточных тэнгриев. Фигурку Гал эжина вырезали из дерева, одежду ему подбирали из красной ткани. В Балаганском уезде фигурки хозяина огня иногда хранили в берестяных лукошках или в специально спитом чехле. Онгон «Дух хозяина огня» буряты делали в торжественной религиозной обстановке. Обряд, называемый «галтайха», считался дорогим, так как его проводили с жертвенной овцой или жеребенком и в конце белой кобылой. Кроме мяса полагалась молочная пища: тарак, саламат, тарасун, хурунга и пр. В ходе обряда хозяину огня посвящали стрелу. На нее привязывали белые и зеленые ленты из разной материи, связку конопли, нитки, медные пуговицы, мешочек с зернами хлеба и табак. Все это составляло дар божествам. Такую символическую стрелу буряты Балаганского уезда называли утхэ или годоли. Весь обряд мог длиться три, а иногда и девять дней.

Онгон «Хозяин огня» (Гал эжин). Инвентарный номер 7365/8. Из коллекции М. Н. Хангалова. 1917 г. Этот онгон был доставлен в музей из Балаганского уезда, Унгинского ведомства, с. Бильчир. Материал: сукно, кожа, бисер, сухожилия. Две деревянные фигурки, обтянутые красным сукном, с двумя бисеринками вместо глаз (женская фигурка 18 см, две бисеринки белого цвета на груди и жестяной кружок — холобши). На голове — кожа с мехом, рукавицы, подол платья у обеих фигур сделаны из кожи, швы сшиты сухожилиями. Длина мужской фигурки 22,6 см.

Онгон «Хозяин огня» (Гал эжин)

Онгоны являются хранителями духа некогда живого существа. Такое понятие как душа, ставшая со смертью человека духом, пронизывало все религиозное пространство шаманизма. Для хранения священного зурэга полагалась иметь «домик» духа. Конструкция жилища духа имела прямоугольную или близкую к квадрату форму. Такой «домик», напоминавший школьный пенал или коробку, должен был иметь крышку, чтобы призванный в помощники шаману блуждающий дух не покинул его раньше времени. Также в коробку определенной формы могли помещать деревянную или глиняную фигурку человека.

Деревянная коробка
для хранения зурэга

Деревянная коробка для хранения
зурэга и онгон-зурэг

Деревянная коробка типа пенала с крышкой для хранения зурэга.

Деревянная коробка с крышкой, внутрь помещен рисованный онгон-зурэг с изображением трех фигур.

Онгон «Хара Нарани зурэг» (Изображение луны и солнца). Материал: ткань белая, краска (охра), бисер, дерево, металл, нитки. Размеры 35 x 47 см. Инвентарный номер 7365/10. Источник поступления: Балаганский уезд, Унгинское ведомство, с. Бильчир. Дар М. Н. Хангалова музею ВСОИРГО. Сборы 1882–1883 гг.

Описание. На хлопчатобумажной ткани белого цвета вверху изображены кружками слева луна, справа солнце, красной (оранжевой) краской нарисованы лучи. Круги небесных светил вырезаны: луна из белой материи, солнце из красной материи и наклеены на деревянные основы, скрепленные с тканью. Небо между планетами покрыто точками — звездами. Ниже нарисованы две женские фигуры с серьгами в ушах. Между ними изображен куст тальника. Головы женщин по грудь окантованы овалами, излучающими сияние и символизирующими святость. На рисунок фигуры слева прикреплена фигурка человека меньшего размера. Аппликация вырезана из жести с глазами-бисеринками. Способом наложения

одной фигуры на другую шаманы показывали вечно живую душу человека. По мнению М. Н. Хангалова такое изображение луны и солнца нужно считать очень старинным и практически забытым. Когда-то зурэг (хурэг) рисовали красной краской на синей шелковой материи, что для бурят означало «хоро монхон тэнгэри» (вечное синее небо). Спустя несколько поколений онгон «Хара Нарани зурэг» стали выполнять по более упрощенной схеме. В старинных бурятских преданиях и шаманских гимнах называются две женщины-покровительницы небесных светил: солнца Хун-Дангина, луны Шин-Дангина. Позже покровительницами солнца стала Нал хатан, луны — Хал хатан. В ином написании покровительница луны — Хагал, солнца — Нагал. Некоторые старшие шаманы

Онгон «Хара Нарани зурэг»

продолжали называть хатан (женщин) по старинке — данинга (красавицы). Также покровительницу луны называли «алма-хараэхэ» (широкая и светлая красавица мать). Луну связывали с женской природой, а солнце «алтан наран бабай» (золотое солнце отец) с мужской. Более ранние имена покровительниц светил Хун и Шин забыты, их значение не могли объяснить старожилы конца XIX в. Может быть, эти имена связаны с древней традиционной культурой тюрко-монгольского мира, где также почитали солнце и луну, и духов предков. Такой рисованный зурэг делали к торжественному религиозному обряду «хурай» или «зухэли наргаха», для которого использовали тарасун и молочную пищу. Другой раз хурай проводили с жертвенной овцой, которую по обычаю заводили в юрту и вытаскивали наружу через дымовое отверстие. По совету шамана обряд проводили на улице при рождении в семье ребенка. Необходимо отметить тот факт, что на рисунке луна изображена слева, а солнце справа, такая последовательность сохраняется практически на всех зурэгах, где есть эти светила. Фигурка же справа должна находиться под диском луны. По крайней мере, так было принято изображать девочку, о которой упоминают легенды сибирских народов. На этот счет у родственных гольдам забайкальских тунгусов существует легенда о девице, унесенной луной. Легенда была записана К. Д. Логиновским 24 марта 1890 г. у тунгусов Нерчинского округа. Легенда была сообщена Г. Н. Потаниным двумя годами позже в «Этнографическом обозрении»: «На берегу моря стоял дом, в котором жила вдова со своей дочерью. Мать перед закатом солнца отправила дочь к морю за водой. Девица взяла ведро и деревянный ковш и пошла. На берегу она залюбовалась морем и забыла о поручении матери. Мать, прождав дочь, сама пошла к морю, стала бранить ее: «Что, тебя черт взял, что ли?» И крикнула имя дочери. Водяной черт услышал имя девочки, схватил ее за руку и потянул в воду. Ведро осталось на берегу, а ковш в руке девочки. Между водяным и девочкой завязалась борьба. В это время месяц уже поднимался из воды, чтобы совершить свой путь по небу. Когда он подплыл к девочке, она схватилась за куст на берегу. Месяц продолжал подниматься, а девочка не выпускала из руки куст, и месяц поднял ее на небо. У тунгусов есть поверье, что на месяце стоит куст, за ним девочка с ковшом в руке. Тунгусы считают запретным кликать девиц по имени у воды» [16].

К статье И. А. Лопатина о приамурских гольдах есть рисунок из орнамента с изображением луны и девочки внутри лунного диска [17].

Существует бурятская версия легенды о девочке, унесенной луной. В прошлом буряты Верхоленского уезда говорили, что на луне есть черное пятно, похожее на человека. Ленские буряты человеческую фигуру на луне признавали за земную девицу из Ангинского ведомства от кости Шоно, ее имя Шобхоног. Она была дочерью бурята Малала. Однажды мачеха послала девушку на реку за водой. Не выдержав задержки падчерицы, стала громко ругаться, называя ее имя... [18]. В призывах бурятских шаманов говорится о солнце, схватившем девицу ранее луны, но уступившем ее ночному светиле, упоминается тальник, удобный для хватания, ведро, пригодное для ношения, поваренка (ковш), пригодная для держания и т. д.

Гольдский орнамент
с изображением луны и девочки
внутри лунного диска

Кузнечные онгоны. С древних пор кузнец воспринимался бурятами как прародитель огня, близкий к богу. Кто еще, кроме кузнеца, мог покровительствовать простому человеку, ведь кузнец способен был производить действия, которые, по представлению людей, могли совершать лишь высшие силы. Кузнец умел осуществлять таинство посредством огня, что ему было даровано не иначе как самим покровителем небесных кузнецов, раскатывающим по небу гром и молнии. Поэтому, мол, кузнец умел вершить удивительные метаморфозы с рудой или металлом в пылающем огнем горне, чаще сложенном им же. Он отливал горящим солнечным светом металл в формы, затем выковывал из него нужные людям изделия. Ему приходилось делать миниатюрные инструменты своего труда, служащие оберегом. Обычно ими были ножи, молоточки, кнуты, молот и наковальня, лук со стрелой или игрушечный конь. Владение секретами профессионального мастерства давало основание кузнецу быть еще и шаманом. Кузнецам же родители заказывали для новорожденного ребенка обереги. Иногда в качестве оберега могли служить валдайские колокольчики. Их крепили к колыбели, при качании которой издаваемый колокольчиком звук отпугивал духов [19].

С именем Божинтоя, кузнечных дел мастера, имевшего девять сыновей-кузнецов и дочь, связана история появления кузнечного обряда — дархахи хахюхан (бур. «дархан» — кузнец, кузнечный оберег) и кузнечного онгона. Слово «хахюхан» происходит от «хахита» — караулить, оберегать кого-либо. Когда в бурятских семьях появлялись новорожденные, родители спешили выполнить религиозный обряд «хахюхан». Старый обычай требовал защитить ребенка от болезней, порчи, злого духа ада, способного изъять новорожденного у родителей. Способ защиты младенца от напасти состоял в религиозном обряде, совершаемом местным кузнецом или шаманом (шаманкой). Кузнецам доверяли не только изготавливать хахюханы, но и подвешивать их к люльке новорожденного. Если ритуал проводил шаман, то он передавал кузнечный хахюхан во время ритуала родителям. Для этого на беличью шкурку он привязывал красное сукно и крепил к нему вырезанную из жести человеческую фигурку. Фигурка олицетворяла дух старшей дочери Божинтоя — заяинку Эйлик-Муйлак. Теперь она должна была оберегать новорожденного ребенка. Помимо нее в ритуальном обряде от злого рока и злых духов шаман мог использовать свои религиозные атрибуты, будь то трость, конские плетки, различные медные колокольчики и прочее. По его мнению, эти предметы вполне подходили в качестве хахюханов. Правда, их помещали, аналогично китайским охранителям жилища, уже у входа в юрту (дом) как некую силу, способную остановить проникновение в жилище злого духа и тем самым уберечь новорожденного. Таким образом, рукотворные предметы кузнеца, вещи из обихода шамана, выполняли функции оберегов. Когда ребенок благополучно подрастал, нужда в таком обереге-хахюхане отпадала. Теперь родителям следовало совершить торжественное возвращение хахюхана шаману, к чему готовились загодя. Запасали тарасун, вино, мясо, деньги на новую рубашку или шубу шаману. Зажиточная семья могла даровать шаману коня, если, конечно, шаман пользовался в улусе всеобщим уважением. По приезде родителей к шаману тот совершал религиозный обряд, для чего использовали привезенные продукты. Буряты кланялись шаману в ноги, называли его «найжи бабай» (духовный отец) и надевали на него новую рубашку, может быть, шубу или халат, дарили другие подарки. По окончании обряда в улусе гулянье могло продолжаться еще несколько дней.

Иначе обращались с хахюханом родители, если шаман, вверивший его семье, умирал до того, как ребенок подрос. В таких случаях хахюхан обязательно нужно было вернуть на место, установленное шаманом при жизни. Порой родители из-за дальней дороги не успевали к похоронам шамана. Тогда обрядовую пищу несли с хахюханом в дом шамана. По совершении обряда еда поедалась в доме шамана или на месте захоронения духовного отца. Если в семье рождался другой ребенок, то родители обращались к другому шаману, чтобы тот совершил религиозный обряд хахюхан. Он, как и в первом случае, должен был оберегать ребенка до его возмужания. После окончания этого срока хахюхан возвращали шаману, но никогда не отдавали назад хахюхан, если его преподносил кузнец сам. Такой оберег-хахюхан оставался в семье, переходил от старшего ребенка к младшему, а от них к их детям [20].

Ко всему прочему буряты совершали религиозный обряд, называемый хурай, с «дархахизурэгом» — священным рисованным образом, посвященный кузнецам. В каждой местности они были разные.

Кузнечный «Дархахи зурэг». **Онгон первый.** Материал: ткань х/б белая, китайская бумажная ткань (даба, синего цвета), краска (охра), нитки. Размеры 22,5 x 32 см. Инвентарный номер 7365/14. Источник поступления: Балаганский уезд, Унгинское ведомство, с. Бильчир. Дар М. Н. Хангалова музею ВСОИРГО. 1917 г.

Верху на белой ткани с двумя горизонтальными линиями представлен небесный свод с точками — звездами, по их краям изображены луна и солнце. Вверху слева изображена луна, справа солнце. Внутри лунного диска нарисованы фигурка девочки с ведром и ковшом в руках и куст тальника. Ниже находятся девять небесных братьев кузнецов и их старшая сестра с косичками. Ниже фигур, тела которых нарисованы двойной линией, расположены символические кузнечные инструменты и три дерева. Композицию завершает горизонтальная линия земли.

Онгон второй. Материал: китайская бумажная ткань (даба, синего цвета), краска (охра). Размеры 25 x 34 см. Инвентарный номер 7365/15. Источник поступления: Балаганский уезд, Унгинское ведомство, с. Бильчир. Дар М. Н. Хангалова музею ВСОИРГО. 1917 г.

Кузнечный «Дархахи зурэг»

Кузнечный «Дархахи зурэг»

Вверху под горизонтальной линией представлен небесный свод с точками-звездами, по их краям изображены луна и солнце. Ниже — девять небесных братьев кузнецов. В отличие от первого онгона, небесные кузнецы имеют над головами сияния, а тела их исполнены одной линией. Здесь же фигурка их отца Божинтоя и Эйлик-Муйлак, старшей сестры братьев. Рисунок нанесен на ткань охрой схематично.

Этот кузнечный рисунок принадлежал бурятскому кузнецу Монхо, умершему в 1878 г. Монхо жил в Бильчирской волости в Шанайском улусе 1-го Хултубаевского общества. М. Н. Хангалов приобрел зурэг у внука Монхо. В 1907 г. во время религиозного обряда старый ветхий онгон был заново обновлен. Но он оказался неполным из-за того, что на прежнем старом онгоне рисунок плохо просматривался. Обычно хурай делали с тарасуном и молочной пищей.

В местах проживания бурят складывались разные традиции исполнения кузнечных онгонов. Еще в начале XX в. в 1-м Хултуваевском обществе и Шанайском улусе Бильчирской волости Иркутской губернии принято было делать зурэги в честь умерших кузнецов — последовательно — Егору Нахиходхаеву и Монхо. В Обосинской волости Кутанхайского улуса Иркутской губернии зурэг делали под названием «сагани дархахи тэнгэри Дайбан-саган тэнгэри» («Небо белых кузнецов белому тэнгэри Дайбану»). Дайбан тэнгэри был небесным покровителем белых кузнецов. Напротив, черным кузнецам, во главе которых стоял, по разным данным, то Хожирон с семьью сыновьями, то черный Балба и семья его сыновей, им на небе покровительствовал злой Харан дархахи тэнгэри.

В Бильчирской волости маленький Шанайский улус славился своими кузнецами и шаманами. По-видимому, здесь кузнечные рисунки делались старожилами давно. К примеру, зурэгом для Монхо (кузнец умер около 1878 г.) послужил образчик, применяемый в обрядах еще около 1830 г. Жившие тогда старики не помнили, когда впервые стали применять этот онгон. Отметим, что буряты делили кузнецов, как и шаманов, на белых, представителей добрых божеств тэнгриев (западных), и черных, чьими покровителями были непосредственно злые тэнгэрины (восточные). Соответственно белым кузнецам на земле покровительствовали белые кузнечные заяны и белый кузнец Божинтоя с девятью сыновьями и дочерью Эйлик-Муйлак, а также высший покровитель Дайбан тэнгри. К тому же сыновья Божинтоя сами считались разными покровителями. Старший сын, Хур (Хур-Харанойн), был покровителем угля, который сам готовил. Второй сын, Ама, считался хозяином сланца и рабочего инструмента клещей. Третий сын, Хилман, ведал кузнечным горном, он разводил огонь и накаливал докрасна железо. Четвертый, Долто, был покровителем наковальни. До появления у бурят наковальни, спущенной с неба, металл ковали на камнях. Пятый сын, Бажир, соотносился с молотом, а шестой, Хор, являлся хозяином кузнечного меха, дул в него. Седьмой сын, Шукши, отвечал за инструменты, в частности за специальную железную продолговатую с разными отверстиями доску, по-бурятски «сартаташи», с помощью которой в кузне вытягивали разного диаметра проволоку. Восьмой сын, Сом, — покровитель инструмента «сулмара», приспособленного для пробивания отверстий в металлических деталях. Девятый сын, по имени Хан, был властелином паяльного дела (хагна) и способствовал инструментом шабшур рубке металла в кузне. Слово «шабшур» означает «рубить». Белым кузнецам противопоставлялись черные кузнецы, покровителем которых был Хожирон (Хошогор) с семьью сыновьями. Главенствовал над черными кузнецами Харан тэнгри [21].

Онгоны небесных белых кузнецов

Металлические онгоны небесных белых кузнецов. Шесть из девяти сыновей Божинтоя. Дар М. Н. Хангалова. Место сбора: Иркутская губерния, Балаганский уезд, Унгинское ведомство. 1880-е гг. Собрание ИОКМ.

Металлические онгоны делали во время шаманского религиозного обряда «зухэли гаргаха». При подготовке этого обряда кузнецам помогали всем родом. Нужно было собрать деньги и купить жертвенную белую кобылу. Обряд сопровождался народным гулянием, играми, скачками, борьбой, хоровой пляской. Обряд проводили летом вблизи кузницы, где одновременно совершалось таинство изготовления железных небесных кузнецов. Металлические онгоны, посвященные небесным кузнецам, постепенно перестали делать. Белые кузнецы начали изготавливать не столь затратные рисованные «Дархахи зурэгам». Их хранили в кузницах. Черные кузнецы также отказались изготавливать железные онгоны с семью черными кузнецами и стали изготавливать зурэги с изображением семи кузнецов. Религиозный обряд черные кузнецы проводили с жертвенным кабаном темного цвета и молочной пищевой.

«Зурагтан зурэг». Ткань, китайская даба синего цвета, оранжевая краска. Размер 44 x 43 см. Под рисунком надпись: «Аларское вед[омство]. 1919 г.». Дар П. П. Батарова. Инвентарный номер 7326/13. Собрание ИОКМ.

На ткани синего цвета нарисовано два круга — луна и солнце. Внутри каждого диска закрученная в спираль линия красного цвета. Между небесными светилами точками обозначены звезды; ниже изображены 27 фигур-заянов с тремя чертами над головами, обозначавшими сияние короны. Шаманские духи размещены в четыре ряда с 3, 9, 13 и 2 фигурами. По краям второго ряда нарисованы по одному дереву, символизировавшим священную шамансскую рощу,

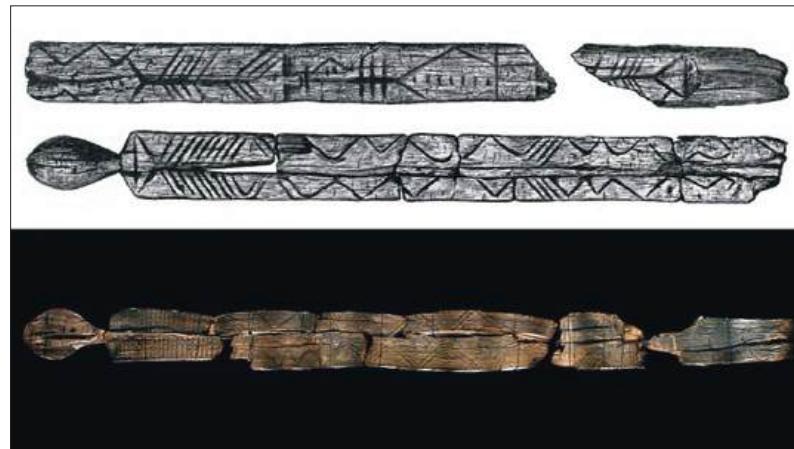

«Зурагтан зурэг»

место захоронения 27 шаманов. Слева между первым и вторым рядом фигур — инструменты небесных кузнецов. Рядом с двумя фигурками четвертого ряда изображена лодка, в ней человек с веслами. Его назначение отнюдь не рыбалка, хотя под лодкой нарисованы рыбы. Он является перевозчиком душ умерших в потусторонний мир Эрлик-хана. Здесь же изображены птица, лягушки, верблюдов, олень, корова и семь змей — помощников шаманов.

История появления этого зурэга связана с легендой. Когда-то, очень давно, в одном аларском улусе жил большой шаман (шаман высшего 9-го сана) его называли Гохор-Зулгуй (слепой Зулгуй). В ту местность, где проживал Гохор-Зулгуй со своими девятью сыновьями, явился из чужой стороны сильный шаман. Попытался было пришлый шаман главенствовать в той местности, да ему стал противиться Зулгуй. Долго шаманы мерились силой, противостояли друг другу шаманской смекалкой. В борьбе сила старого Зулгуя убывала. Тогда слепой шаман решил схитрить. Он заранее предупредил сыновей о своем намерении и обратился к тайменю. Рыбой стал в воде и его противник. Сыновья Гохора пришли на реку рыбачить, заметили застывшего в воде тайменя, которого не должны были трогать. Однако забыв про наставления отца, убили его острогой. Тем самым навлекли на своих потомков-шаманов гнев предка. Духи 27 шаманов, из рода слепого Зулгуя, стали насытать людям болезни: глаз, ног и рук. Чтобы спасти род от проклятия Зулгуя, стали делать духам предков «Зурактан зурэг». Его рисовали с 27 шаманами (их имена в людской памяти не сохранились), из которых «9 слепые, 9 хромые и остальные 9 пахоруки». Рядом с ними изображали «хубилганов» — оборотней в виде животных или птиц. Они были избраны при жизни шаманами как талисманы и находились у них в услужении после смерти. Считалось, что зурэг помогал от названных болезней [22].

Мы затронули лишь малую часть наследия шаманизма на примерах из собрания ИОКМ. Нам стали известны приблизительное время изготовления зурэгов-онгонов, а по отдельным предметам уточнены источники происхождения и местонахождения их. Но мы не обладаем подлинной историей возникновения онгонов. Мы можем лишь предположить, что источник происхождения глиняных или деревянных фигурок уходит своими корнями вглубь веков, даже тысячелетий. Не только специалисты историки и археологи, но многие читали или видели изображение вырезанного из лиственницы так называемого Шигирского идола. Его обнаружили золотоискатели в торфяном болоте у Екатеринбурга в 1894 г.

Шигирский идол

Этот идол в образе человека детально проработан и украшен символическим линейным орнаментом. Идол хранится в краеведческом музее Екатеринбурга. Благодаря радиоуглеродному методу установлен возраст Шигирского идола — 11,6 тыс. лет. В июне 2017 г. в Ельцинском центре Екатеринбурга прошла Международная конференция, посвященная Шигирскому идолу. По мнению некоторых ученых, этот древнейший памятник каменного века предназначался для почитания богов или предков [23].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. Отдел памятников письменности Востока. Архив БНЦ СО РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9. 26 л.
2. Шинковой А. И. Из истории изучения и собирания коллекций сибирского шаманизма // Краеведческие записки. Иркутск, 2011. Вып. 18. С. 30.
3. Памятная книжка Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1 января 1880 г. Красноярск, 1880. С. 30.
4. Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве / сост. Г. Н. Потанин. Иркутск, 1880. С. 1–5.
5. Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири (так называемого шаманства) / сост. Н. Агапитов. Иркутск, 1884. С. 1–16.
6. Памятная книжка Иркутской губернии на 1877 год. Иркутск, 1877. С. 54.
7. Шинковой А. И. М. Н. Хангалов и его вклад в формирование шаманской коллекции в музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Проблемы сохранения и пользования культурного наследия в современном мире. 90 лет Музею истории Бурятии; 155 лет со дня рождения М. Н. Хангалова. Улан-Удэ: БГСХА им. Р. Ф. Филиппова, 2013. С. 40–41.
8. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 290.
9. Описание шаманских коллекций / сост. М. Н. Хангалов. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 7–7 об.; Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 306–309.
10. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1883. Т. 14, № 1. С. 1–61.
11. Шинковой А. И. М. Н. Хангалов и его вклад... С. 40.
12. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. Отдел памятников письменности Востока. Архив БНЦ СО РАН. Ф. 333. Д. 422.
13. Шинковой А. И. Из истории изучения... С. 31–32.
14. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734.
15. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 341–342.
16. Этнографическое обозрение. М., 1892. № 1. С. 189.
17. Лопатин И. А. Гольды: опыт этнографических исследований // Записки общества изучения Амурского края. Владивосток, 1922. Т. 17. Таб. 30. Рис. № 76.
18. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 6.
19. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. Отдел памятников письменности Востока. Архив БНЦ СО РАН. Ф. 297. Д. 350. Л. 41.
20. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 734. Л. 4–5 об.
21. Там же. Л. 9–11, 53–54.
22. Шинковой А. И. Мифология в шаманстве. Духи-онгоны как часть образного воззрения бурят // Тальцы. 2004. № 2 (21). С. 43.
23. Фото с сайта «За русское дело» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zrd.spb.ru/news/2018-01/news-0474.htm> (дата обращения: 17.05.2018 г.).

A. A. Павлов

**РИТУАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ ЭВЕНКОВ
В ПОС. СТРЕЛКА-ЧУНЯ**

В 1985 г. экспедиция Иркутского областного краеведческого музея под руководством Олега Викторовича Бычкова, в которой участвовал автор, проводила исследования на Ангаре в Красноярском крае с целью отбора памятников деревянного зодчества для музея «Ангарская деревня» в г. Братске, который являлся в то время филиалом областного музея.

Во время экспедиции была предпринята рекогносцировочная поездка в пос. Стрелка-Чуня Тунгусско-Чунского района тогда Эвенкийского автономного округа для определения возможности сбора этнографического материала по эвенкам в районе, граничащим с Катангским районом Иркутской области, по материалам которого создавался эвенкийский сектор музея под открытым небом в Братске. Эта трехдневная поездка принесла неожиданный результат.

*Участники экспедиции в пос. Стрелка-Чуня (слева направо):
Лидия Ихенова, Олег Бычков, Александр Павлов. Июль 1985 г.*

Поселок Стрелка-Чуня расположен на левом берегу реки Чуня, правого притока р. Подкаменная Тунгуска, в месте слияния Северной и Южной Чуни. Русское кладбище находилось от поселка вверх по течению реки, а эвенкийское — вниз. В 50 метрах от берега реки и эвенкийского кладбища была обнаружена зооморфная фигура, которая находилась в нескольких метрах от дороги, ведущей из поселка на звероферму, на открытом месте и потому обратила на себя внимание О. В. Бычкова.

Фигура длиной 155 см и толщиной 22 см была вырезана из целого куска дерева и насажена на срубленную на высоте человеческого роста тонкую (5 см) лиственницу. На фигуре была намотана ткань или одежда из ткани, выбеленная солнцем. Голова фигуры ориентирована на северо-запад, вниз по течению Чуни [1].

Фигура была не одна. Позади нее на расстоянии 97 см находилась вторая, также насаженная на тонкую лиственницу, а за ней в 85 см третья. Вторая и третья не были так тщательно обработаны как первая, а представляли собой жерди диаметром 8 см и длиной 120 и 152 см, стесанные на концах [2]. Сооружение информатор, эвенк М. М. Аксёнов (1937 г. р.), назвал словом «амандекит», а перевел на русский как «памятник шаману» и «шаман умер» [3].

Захоронение шаманов осуществлялось эвенками по общетунгусскому обряду, детали перед смертью оговаривали сами шаманы, указывая, как и где их нужно похоронить [4]. По сообщению информатора, бабушка ему рассказывала, что, когда умер шаман, тело его положили на льдину во время ледохода на реке Чуня, а возле кладбища установили упомянутое выше сооружение [5].

О способе погребения на льдине в этнографической литературе не упоминается [6]. Может быть, таковым было завещание шамана и связано оно с представлениями эвенков о строении Вселенной.

По представлениям эвенков, Вселенная состояла из трех пространственных уровней или миров: верхнего, среднего и нижнего, которые понимались как небесная сфера, земля живых и царство мертвых. Эти миры могли локализоваться и в горизонтальном пространстве некой мифической реки. Она брала начало в верхнем мире и через средний протекала в нижний, где в ее устье находился нижний мир, он же мир мертвых [7].

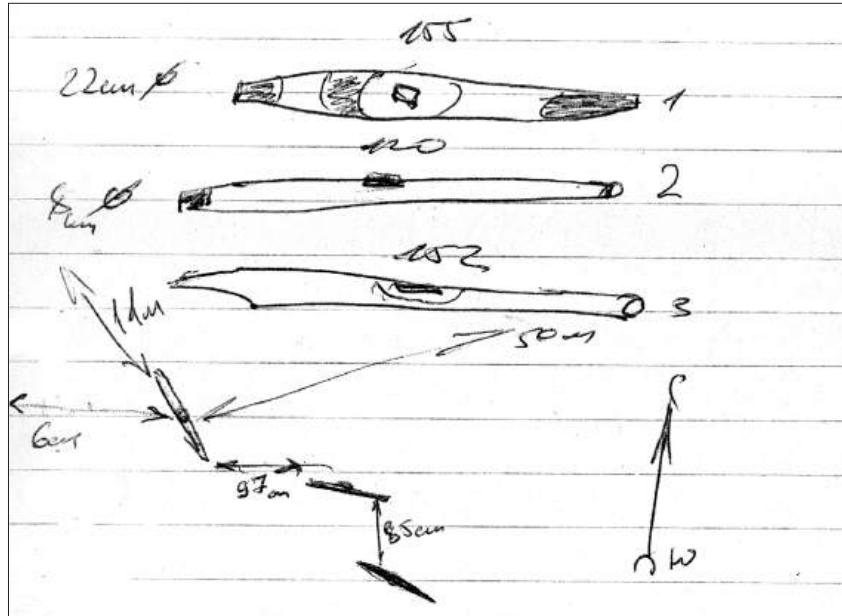
Возможно, любая реальная река ассоциировалась у эвенков с рекой мифической, по течению которой можно было доплыть до нижнего мира. А. Ф. Анисимов считал, что ориентация погребений позднего неолита по реке указывает, что река в этот период мыслилась как дорога в мир мертвых [8].

В мифологии эвенков отражены сведения об устройстве Вселенной, верхнем и нижнем мирах. В одном из мифов ушедшая за водой девочка путешествует на льдине вниз по реке, соединяющей миры, в центр шаманской земли [9], в которой, по представлениям эвенков, находились души всех умерших шаманов, тогда как души умерших сородичей помещались на другом уровне нижнего мира [10]. Ульчи и в XXI в. посыпают утонувшим родственникам посылку (черемшу, пшено, ягоду и т. д.) именно во время ледохода весной [11].

Во время похоронного обряда, который проводился без участия шамана [12], эвенки забивали домашнего оленя, принадлежавшего покойному. Удские

Скульптура оленя. Фото О. Бычкова

*Фигуры оленей (размеры, схема размещения).
Лист из полевого дневника А. А. Павлова*

эвенки снимали с оленя шкуру, набивали ее мхом, делая чучело и укрепляя на спине седло, а на голове уздечку. Считалось, что олень будет сопровождать покойного и служить ему на том свете [13]. Забой оленей производили с целью отправки в мир иной со своим хозяином. Количество забитых животных во время обряда похорон было разным. Это мог быть один верховой олень покойного или несколько: ездовой, выночный и запасной — все они должны были служить покойному в ином мире [14].

Интересно, что сооружение в Стрелке-Чуня, состоит из трех частей: скульптуры оленя и еще двух фигур, у которых лишь намечены морды оленей. Для шаманских ритуалов эвенки делали из дерева и условно обработанные фигуры птиц, животных, рыб [15]. В плане все три фигуры расположены так, как по извилистой лесной тропе идут связанные друг за другом олени в караване [16].

После похорон, спустя какое-то время, устраивали «анан» — шаманский обряд проводов души умершего в мир мертвых [17]. Обряд относился к особо важным и требовал постройки специального шаманского чума с восточной галереей (дарпэ), символизирующей проход в верхний мир, и западной (онанг), через которую происходило общение с предками шамана в нижнем мире. В восточной галерее размещались изображения духов-помощников шамана, в западной — умерших шаманов [18].

Во время обряда проводов шаман вызывал духов-помощников и предлагал им отвести душу в мир мертвых [19]. А. Ф. Анисимов писал, что, если ритуал проходил в обычном чуме, изображений духов были немного, но устройство двух маленьких галерей было обязательным для проведения важных обрядов [20]. Для проведения камлания проводов душ сооружали два таких прохода, поскольку была необходима сила духов и верхнего, и нижнего мира [21]. Во время ритуала проводов души проходил обряд кормления душ умерших, приносилась кровавая жертва существам нижнего мира, а в галерее (онанг) на шесте выставлялась голова жертвенного оленя [22].

Камлание «анан» в подкаменно-тунгусском диалекте эвенкийского языка — отправка души умершего в мир мертвых [23]. Вероятно, термин «амандекит»

был записан со слов информатора неверно. Очевидно, правильное написание — «анандекит». Где «анан» — отправка души, «де» — «кровный родственник», «товарищ», «друг» [24]. А суффиксом «кит» передается пространство, место, где что-либо происходит [25]. То есть, «анандекит» — это место, где происходит отправка душ родственников и друзей в мир мертвых.

Точно неизвестно время, когда было поставлено ритуальное сооружение рядом с поселком. Шаманы, как отмечала Г. М. Василевич, отправляли душу через разные промежутки времени, иногда дожинаясь смерти нескольких человек и отправляя их души все разом [26]. В связи с этим примечательно сообщение В. А. Туголукова о том, что осенью 1956 г. в Стрелке появился старик-шаман из соседнего Катангского района Иркутской области, который проводил обряд-камлание в тайге недалеко от поселка [27]. И, если этот обряд был обрядом проводов души умершего и погребенного на льдине шамана, то смерть его случилась, вероятно, в конце 1940-х гг., а сооружение появилось уже после обряда.

Следует отметить, что в основу исследований по шаманизму эвенков легли полевые материалы по изучению эвенков в 1920 — начале 1930-х гг. [28]. Поэтому утверждать, к погребальной или поминальной — проводов души в мир мертвых — обрядности могло относиться ритуальное сооружение в пос. Стрелка-Чуня сложно из-за отсутствия достаточных материалов по шаманской обрядности в 50-е гг. XX в., когда традиции под влиянием жизни в советский период значительно изменились.

Ритуальное сооружение в пос. Стрелка-Чуня могло быть частью погребального обряда, когда после погребения шамана на льдине родственники поставили на берегу караван оленей из дерева, который должен был сопровождать покойного в мир иной и служить ему там. Это могло быть и завещанием шамана, и реалиями времени, когда все олени находились не в личной, а коллективной собственности.

Вместе с тем термин «анандекит», означавший место отправки души покойного, указывает на проведение шаманского обряда проводов души в мир мертвых, который провел через несколько лет после похорон шаман из Катангского района. Тогда караван оленей, ориентированный в сторону нижнего мира и предназначенный, вероятно, для доставки души умершего шамана в мир мертвых, был частью сооружений шаманского чума, которые не сохранились из-за построенной дороги на звероферму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Павлов А. А. Полевой отчет экспедиции 1985 г. // Фонды Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары (далее — фонды БГОМ). Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 6. С. 9.
2. Павлов А. А. Полевой дневник экспедиции 1985 г. // Фонды БГОМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 33.
3. Там же. Л. 41.
4. Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980. С. 17; Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке. М.; Иркутск, 2002. С. 233.
5. Павлов А. А. Полевой отчет экспедиции 1985 г. // Фонды БГОМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 6. С. 9.
6. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. С. 240–242; Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. С. 63–65.
7. Ермолова Н. В. Картина мира мертвых в эвенкийской вселенной // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 104–106, 108.

8. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных религий. М.; Л., 1958. С. 187.
9. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936. С. 3–5, 38.
10. Ермолова Н. В. Указ. соч. С. 106–108.
11. Титорева Г. Т. Похоронно-поминальные обряды ульчей (по материалам научных экспедиций) // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 182.
12. Василевич Г. М. Указ. соч. С. 240.
13. Семейная обрядность народов Сибири. С. 169, 173–174.
14. Сирина А. А. К вопросу о сопроводительной жертве в похоронно-поминальном обряде у эвенков и эвенов // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 185–186.
15. Иванова-Унарова З. И. Традиционное искусство народов Северо-Востока Сибири (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, коряки). Якутск: Якутский университет, 2005. С. 13.
16. Павлов А. А. Полевой дневник экспедиции 1985 г. // Фонды БГОМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 33.
17. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных религий. С. 58.
18. Сем Т. Ю. Шаманизм эвенков. По материалам Российского этнографического музея. Издание второе. СПб.: Гуманитарная академия, 2017. С. 63–64.
19. Василевич Г. М. Указ. соч. С. 247.
20. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных религий. С. 200.
21. Сем Т. Ю. Указ. соч. С. 72–73.
22. Анисимов А. Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Сибирский этнографический сборник. Т. 1. М.; Л., 1952. С. 209.
23. Василевич Г. М. Указ. соч. С. 245.
24. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 1. А–П. Новосибирск: СО РАН, 2000. С. 148.
25. Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск: Наука, 1994. С. 193.
26. Василевич Г. М. Указ. соч. С. 247.
27. Туголуков В. А. У эвенков реки Чуны и верховьев Вилюя // Краткие сообщения Института этнографии. Т. XXXII. 1959. С. 118.
28. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных религий. С. 10; Василевич Г. М. Указ. соч. С. 236, 242.

АРХИТЕКТУРА

Л. Г. Басина

МОДЕРН В ПУТЕВЫХ ПОСТРОЙКАХ КРУГОБАЙКАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ПЕРИОДА СТРОИТЕЛЬСТВА ВТОРОГО ПУТИ (1912–1915 гг.)

Исследования на тему «модерн в путевых постройках второго периода строительства Кругобайкальской железной дороги» были проведены в рамках выполнения раздела «Архитектурно-стилистический анализ» для проекта реставрации Полуказармы на 106-м километре Кругобайкальской железной дороги [1].

Реставрируемый объект — Полуказарма — возведен в промежутке между 1912–1915 гг. — это второй этап строительства Кругобайкальской железной дороги [2]. В этот период был проложен второй рельсовый путь и, так же как и в первый, возведен ряд путевых, гражданских и жилых зданий. Внешний облик зданий второго пути значительно отличается от построек первого пути и это заметно даже беглому взгляду проезжающего туриста. Постройки второго периода выделяются высокими сложными кровлями, наличниками и элементами декора, относящими эти постройки к модерну. К настоящему времени многие из них имеют значительные утраты в облике и опознаются только по крутизне скатов кровли и сложному объемному решению. Изначально открытые бревенчатые фасады зачастую защищены вагонкой. В редких случаях на коньках крыш сохранились деревянные коньковые доски, и полностью утрачены фигурные коньковые гребни на их концах.

Единственное здание полуказармы, на котором сегодня можно увидеть фигурные гребни, такие как в «Альбоме типовых и исполнительных чертежей...» [3], было воссоздано в 2000-е гг. по чертежам после пожара в комплексе построек так называемой дачи Комарова, расположенной в пади Шарыжалгай на 137-м километре. Такие коньковые гребни встречались только здесь, на путевых постройках железной дороги, пролегающей вдоль крутого скалистого берега озера Байкал.

Самой увлекательной частью нашего исследования было разобраться, чем вдохновлялись архитекторы, соз-

*Полуказарма, 137-й км КБЖД,
падь Шарыжалгай (воссоздана до 2009 г.
после пожара)*

давая столь яркий архитектурный облик путевых построек? Что лежит в основе выбранного образа и насколько был оправдан этот выбор?

Общие сведения о строительстве железных дорог в России

К процессу строительства железных дорог в России привлекались лучшие зодчие и инженеры-строители, в основном выпускники Академии художеств, строительного училища, Петербургского института инженеров путей сообщения, фактически — профессиональная элита России. С начала строительства железных дорог в штат управления министерства путей сообщения введены должности старшего архитектора и архитектора.

Начиная с середины XIX в., с самых первых построек Петербурго-Московской дороги, выполненных по проектам К. Тона [4] и Р. Желязевича [5], на «чугунке» было принято строить только красиво. Проектирование вокзалов обычно поручалось архитектору, победившему в свободном конкурсе. Так, в конкурсе на постройку Московского вокзала в Петербурге кроме Константина Тона [6] принял участие архитектор Александр Брюллов [6]. В 1850 г. старшим архитектором общего присутствия первого округа путей сообщения был назначен академик Николай Бенуа [7].

Архитекторы и строители дорог соревновались друг с другом в великолепии и неповторимости возводимых сооружений, понимая, что не только вокзалы, но и станционные постройки всех промежуточных станций, платформ и полустанков являются своеобразным лицом железной дороги. В проектах вокзалов и станционных построек авторы зачастую использовали новые стили. К примеру, на Петергофской железной дороге каждая станция была спроектирована в своем стиле, что создавало дополнительный интерес для пассажиров, наблюдавших в пути этот своеобразный музей стилей.

Одной из важных особенностей российского железнодорожного строительства было создание целостных в архитектурном отношении комплексов зданий и сооружений. Такими примерами создания протяженных архитектурных ансамблей железных дорог являются Санкт-Петербурго-Московская железная дорога (на основе типовых проектов) и Московская окружная железная дорога (на основе индивидуального проектирования). В северной части таким примером всестороннего архитектурного решения проблемы железнодорожного освоения стало строительство Вологодско-Архангельской железной дороги [8]. В Сибири таким ансамблем по праву можно считать Кругобайкальскую железную дорогу — это небольшой фрагмент (всего 89 км) Восточно-Сибирской железной дороги, являющейся в свою очередь, одним из нескольких участков Сибирского железнодорожного пути.

Известно, что с начала строительства Сибирской железной дороги при Министерстве путей сообщения был организован Инженерный совет в составе опытных инженеров и архитекторов. В обязанности совета, кроме всего прочего, входило и рассмотрение предоставленных чертежей для строящейся железной дороги, вероятно, не стала исключением в этом плане и Кругобайкальская железная дорога. Возможно, этот совет утверждал и архитектуру зданий, появляющихся на станциях, разъездах и возникающих рядом с железной дорогой жилых поселков. К сожалению, документарная информация об этой стороне строительства дороги на сегодняшний день от нас еще скрыта.

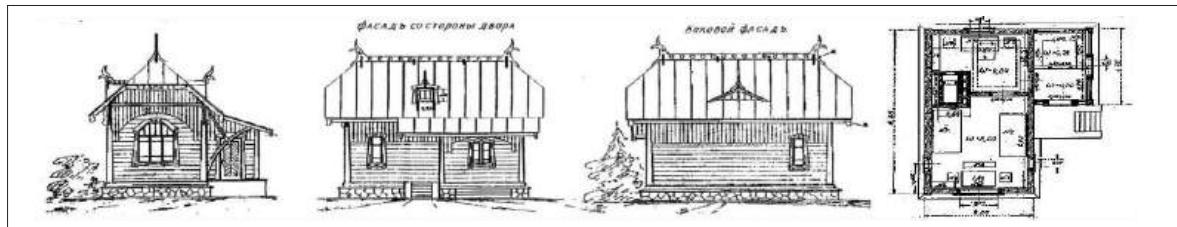
Путевые постройки

Путевые постройки — здания, предназначенные для проживания и работы различного количества путевых сторожей, обходчиков, дорожных мастеров и

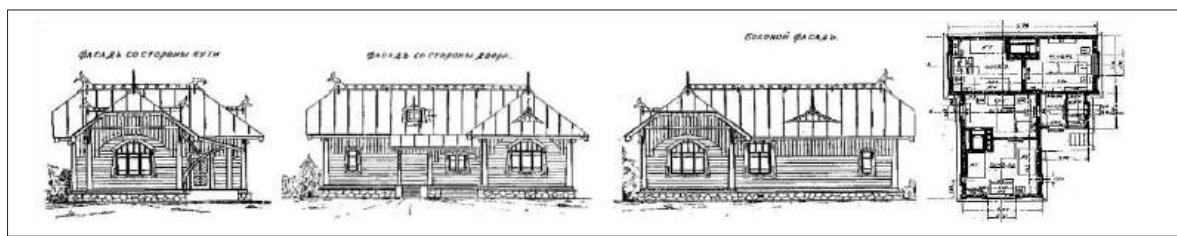
рабочих артелей, обслуживающих дорогу и обеспечивающих безопасное движение поездов. Из представленных в альбоме проектов для нашего исследования представляет интерес группа из шести путевых построек, в которую входит реставрируемое здание полуказармы и отдельный проект типового блок-поста.

Шесть путевых построек это — «одиночный сторожевой дом» (одиночная сторожевая будка), «двойной сторожевой дом» (двойная сторожевая будка), «путевая полуказарма без помещения сторожа», «путевая полуказарма», «путевая казарма без помещения сторожа», «путевая казарма».

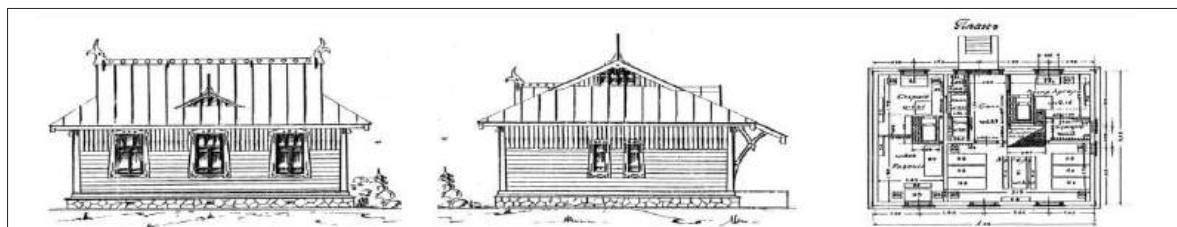
Так они представлены в «Альбоме типовых чертежей...» [9]:

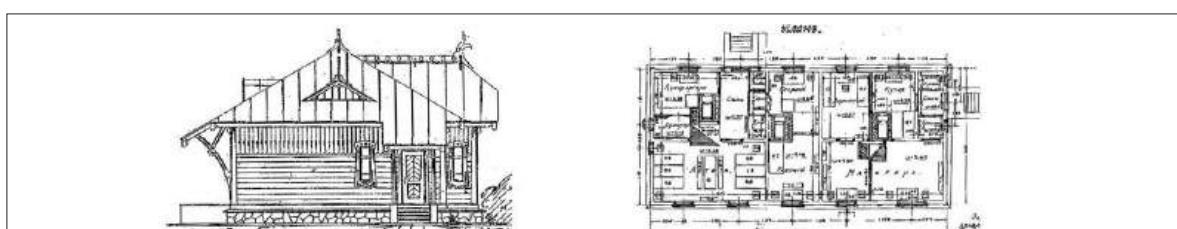
1. Сторожевая будка

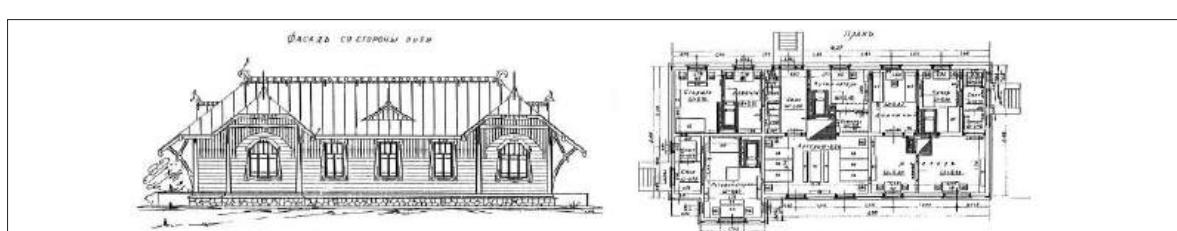
2. Двойная сторожевая будка

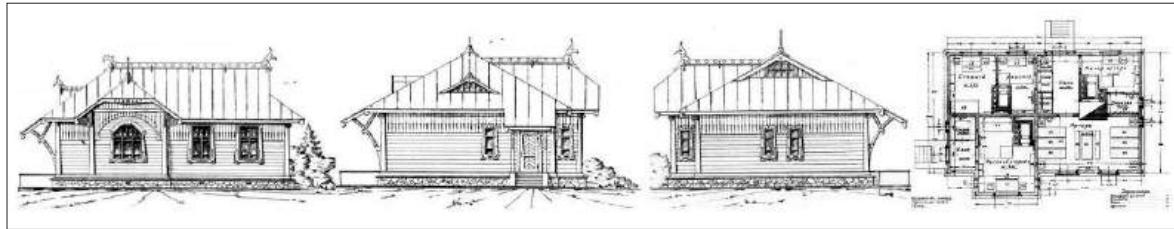
3. Полуказарма без помещения для путевого сторожа

4. Казарма без помещения сторожа

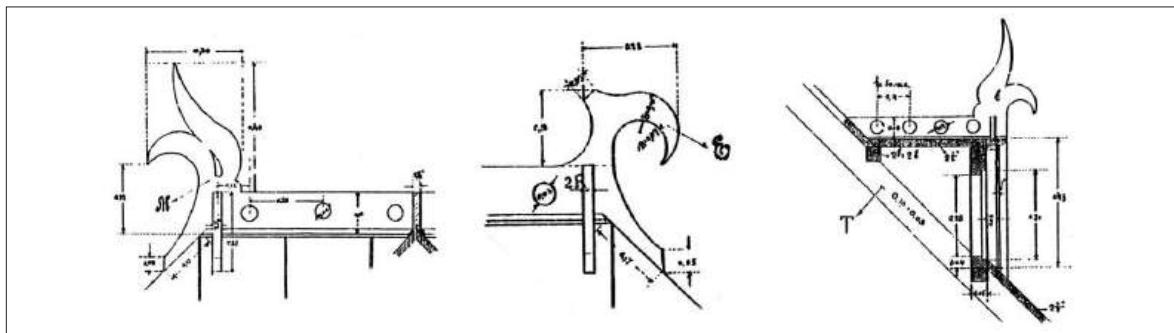

5. Казарма с помещением для путевого сторожа

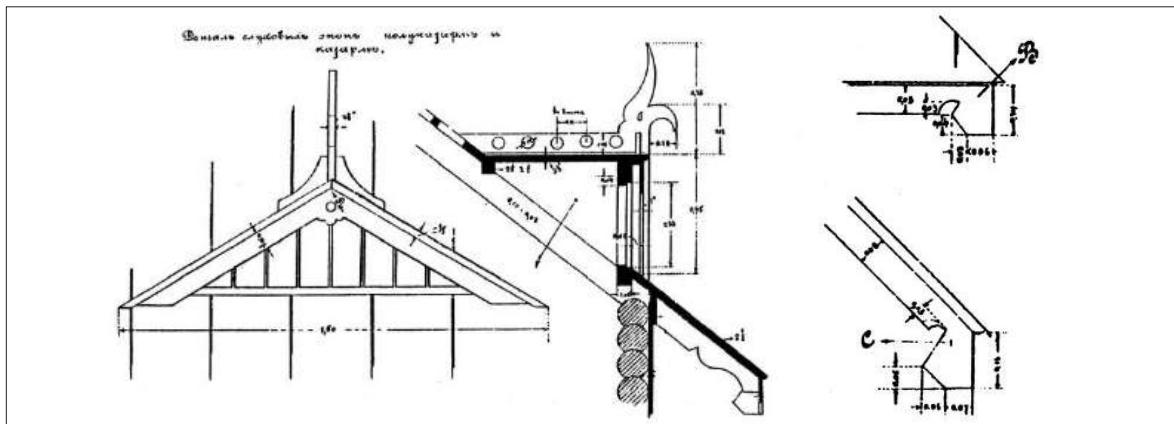

6. Путевая полуказарма с помещением для сторожа (реставрируемый объект)

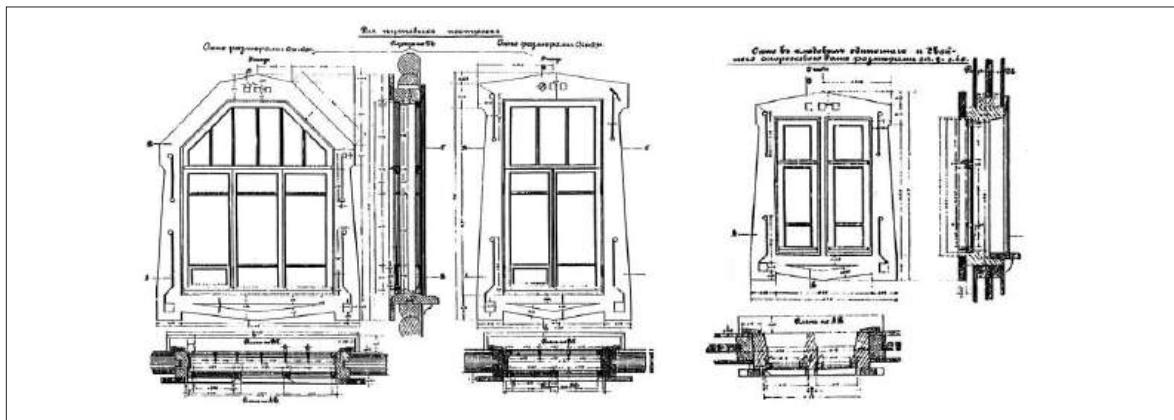
Для этой группы объектов, были разработаны единые детали фасадов — окна, двери, оконные и дверные наличники, кронштейны зонтиков крылец и элементы декора — обшивка, угловые подвески подкарнizных досок (платков), коньковые доски и гребни (коньковые акротерии).

Коньковые акротерии

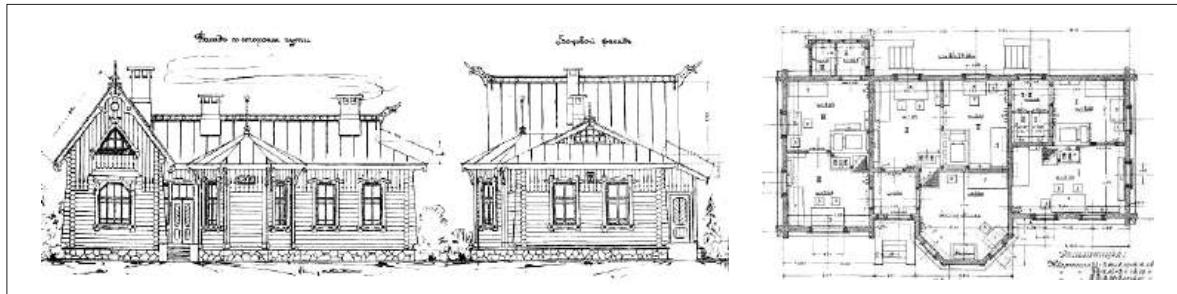

Детали слуховых окон, подвески подкарнizной доски

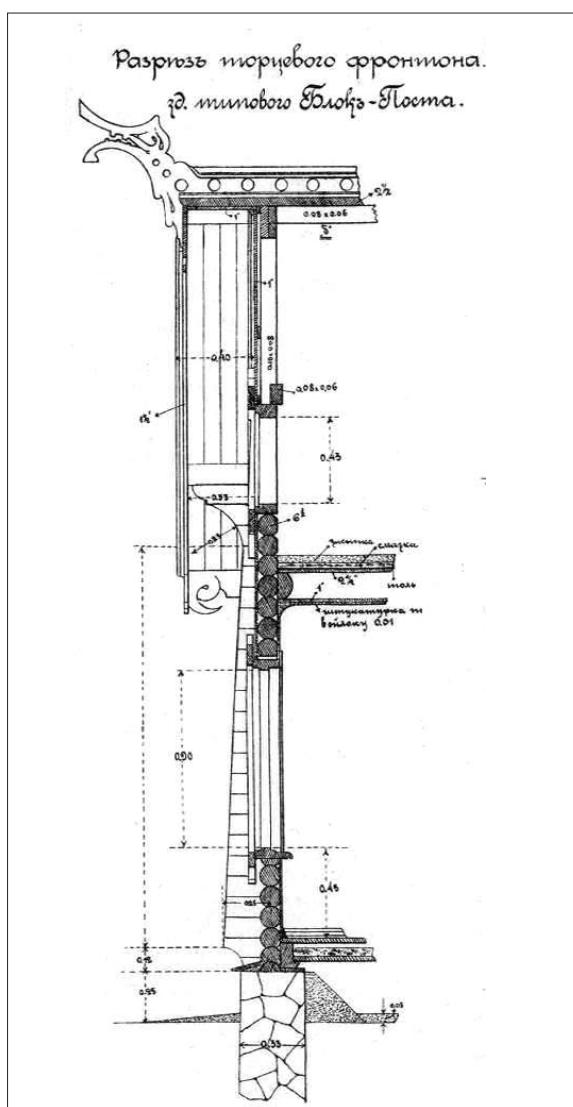

Наличники

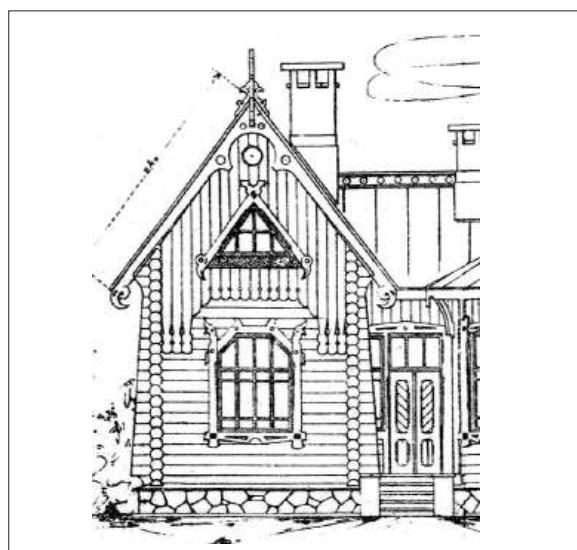
Внимание привлекает еще один проект — «типовой блок-пост», представленный в этом же альбоме. Именно этот проект указывает на стиль, которым вдохновлялись архитекторы, создавая архитектурный образ путевых построек второго этапа строительства КБЖД. На него совершенно точно указывают узнаваемые драконьи головы на коньковых досках. Подтверждение, что это именно драконьи головы — в пояснении к чертежу: «деталь кобылки у дракона». А в оформлении наличников использованы изображения птичьих голов. Это так называемый «драконий стиль» или драгестиль.

Проект типового здания блок-поста

Драгестиль (Драконий стиль, Dragon-style) — популярный стиль в архитектуре и дизайне Скандинавских стран между 1880 и 1910 гг., имеет норвежское происхождение. Источником для него послужили искусство викингов, средневековое искусство, традиционная скандинавская архитектура, а в первую очередь — деревянные церкви Норвегии. Конек, сформированной в виде драконьей головы дал название новому стилю и стал архитектурной концепцией драгестиля (драконстиля).

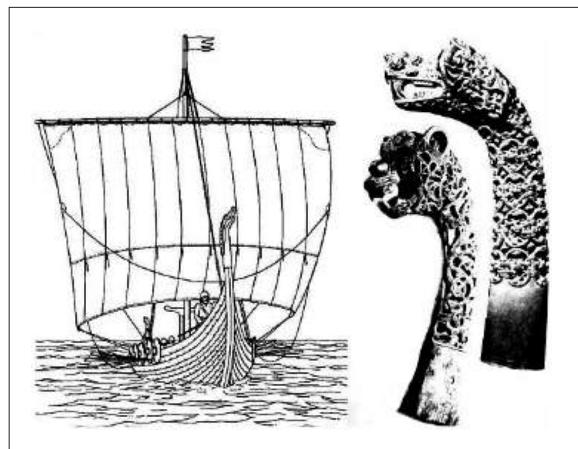

Фрагменты проекта типового блок-поста

Прообразы и характерные особенности драгестиля

Скандинавские викинги украшали носы своих драккаров («драконьих судов») головами морских чудовищ, призванных отпугивать всякую морскую нечисть.

С той же охранительной целью драконьи головы стали изображать на коньках церквей. В средние века здесь было построено более семисот деревянных церквей, из которых до наших дней дошло только 27. Стилизованные изображения драконов украшали капители деревянных колонн, порталы церквей, ковчеги и т. п. Одна из немногих известных церквей времен викингов (1150–1180 гг.), сохранилась в Норвегии до настоящего времени в селении Боргунд, ее крышу украшает четыре дракона.

Корабли викингов (драккары) с драконьими головами на носах

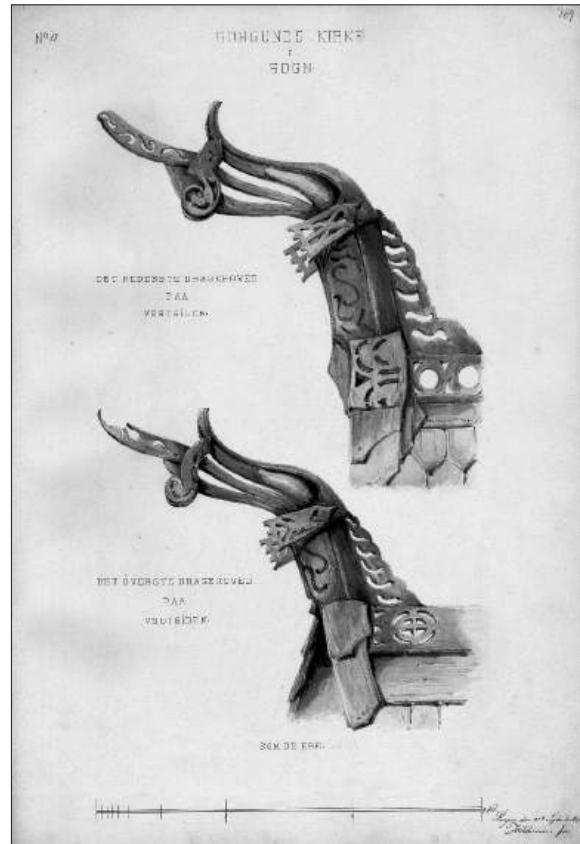
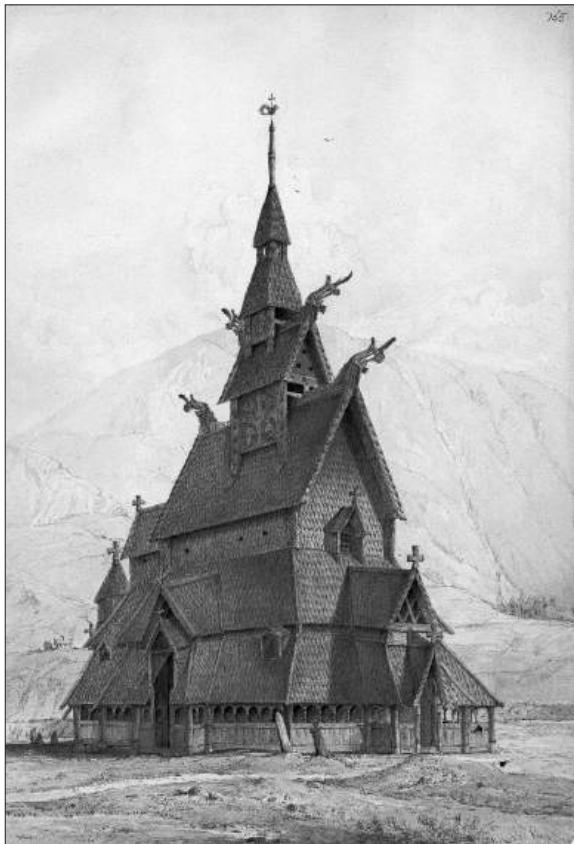

Церковь в Боргунде (1180–1250 гг., Норвегия). Одна из немногих сохранившихся церквей времен викингов, которые являются генетическими прародителями драконьего стиля

Вторая половина XIX — начало XX в. в архитектуре многих европейских стран характеризуется всплеском интереса к народным традициям и возрождением их в новых формах. Объектами изучения и подражания стали традиционные народные постройки — швейцарские шале [10], русские избы, скандинавские постройки, американский гонтовый стиль [11], немецкий фахверк [12] и т. д., пробудившие интерес к строительству из дерева.

Вдохновением для архитекторов Норвегии во второй половине XIX — начале XX в. служило искусство викингов, традиционная скандинавская архитектура и, в первую очередь, деревянные церкви. Деревянные украшения в виде голов драконов, использовавшиеся в новых постройках, дали название новому стилю — Dragestil. Сохранившиеся постройки времен викингов изучались, обмерялись. Сохранились обмерные чертежи и рисунки Боргундской церкви, выполненные в 1861 г. норвежским архитектором Германом Ширмером [13].

Кроме узнаваемых драконьих голов можно выделить и другие характерные особенности сооружений периода викингов, унаследованные постройками драгестиля конца XIX — начала XX в. В строительстве использовали только природные материалы (дерево, камень), здания органично вписывались в окружающий ландшафт в силу того, что, как правило, они располагались в лесной

Боргундская церковь (Норвегия). Арх. Г. Ширмер [14]

или парковой зоне, а не в городской урбанистической среде. Срубы со специфическим норвежским замком (с шипом) и рубкой углов с остатком, ставились на высокий каменный фундамент из крупных блоков-валунов.

Фасады зданий не красились, украшались орнаментами в виде романтической лозы, драконов. В начальном периоде драгестиля (до 1900-х) детали имели и неоготические особенности, впоследствии (начало 1900–1915) драгестиль был больше связан с модерном.

Ведущим архитектором деревянного зодчества в Норвегии являлся Холм Хансен Мунте [15], занимавшийся изучением средневековых храмов и стоявший у истоков зарождения «стиля драконов». Драгестиль, популярный в Норвегии по «праву рождения», имел большой успех и в Германии благодаря монарху Вильгельму II, очарованному «нордическими» постройками и сделавшему несколько заказов Х. Х. Мунте.

Германия, Роминтен (г. Калининград). Охотничий дом. Арх. Х. Мунте, 1891 г.

Фрогнесетерен (Норвегия). Ресторан. Арх. Х. Мунте

*Вилла «Отдых» на станции Вырица
Московско-Виндаво-Рыбинской железной
дороги. Инж. Е. В. Рокицкий, начало XX в.*

*«Дом с драконами», г. Томск, архитектор
В. Ф. Оржешко (?) Драконы головы
Боргундской церкви*

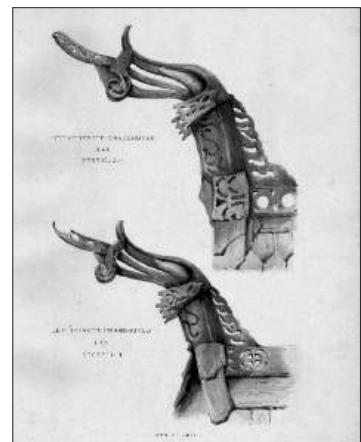
Яркие, узнаваемые приметы стиля получили неожиданное проявление в сибирском городе Томске, в доме, построенном в стиле модерн по проекту архитектора В. Ф. Оржешко (неподтвержденные данные). Драконы головы томского дома являются практически точной копией драконов украшающих древнюю церковь в Боргунде. То есть стиль не только «шагнул по Европе», но заглянул и далеко за Урал.

*«Дом с драконами», г. Томск, архитектор
В. Ф. Оржешко (?)*

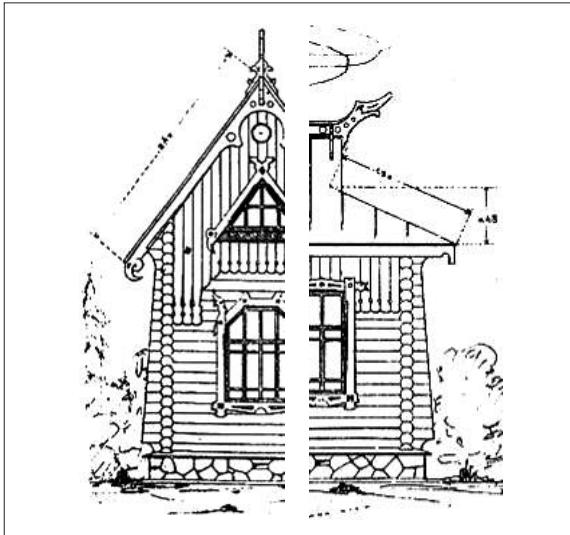
*Драконы головы
Боргундской церкви*

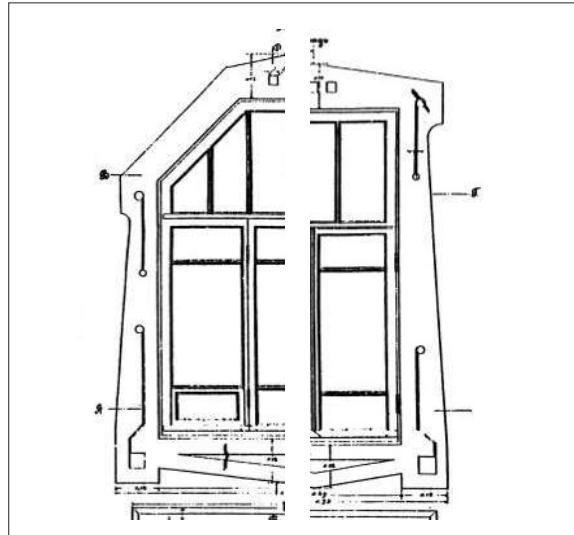
Мотивы «драгестиля» в путевых постройках КБЖД

Ни одно из зданий блок-поста на отрезке дороги от порта Байкал до Слюдянки не сохранилось, отсутствуют также какие-либо его фотоизображения [16]. Несмотря на то, что нам точно неизвестно, было ли возведено здание блок-поста, наличия проекта и гребней в виде драконовых голов достаточно, чтобы понять, чем вдохновлялись архитекторы, разрабатывавшие проекты путевых построек второго периода строительства.

По проекту углы блок-поста рублены с остатком, выпуски бревен формируют криволинейную линию, характерную для построек модерна — постепенно расширяясь в нижней части и резко с изгибом в верхней, подкарнизной части. Такие же криволинейные выпуски бревен в постройках Х. Х. Мунте и в доме с драконами в Томске. Та же линия воспроизводится и в боковых стойках наличников путевых построек.

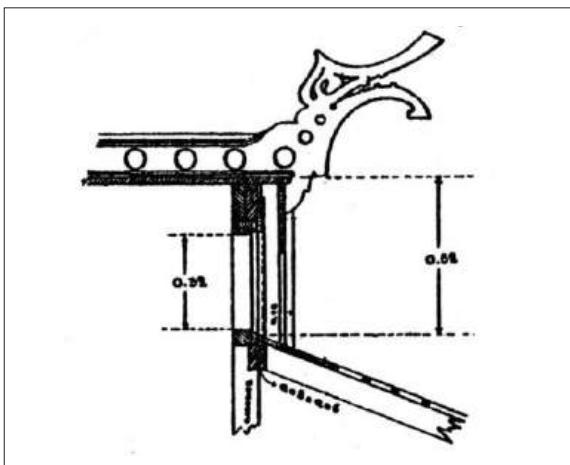

Круголинейные выпуски бревен блок-поста

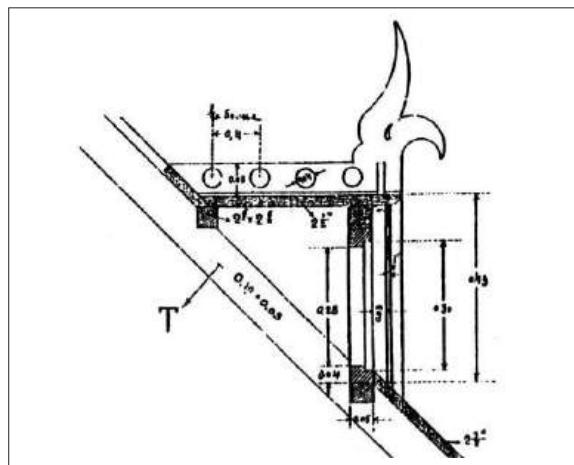

Наличники путевых построек

Сопоставляя устремленные вверх гребни путевых построек с драконьими головами блок-поста, становится понятно, что это всего лишь упрощенная стилизованная форма, имеющая в основе все ту же драконью голову.

Конек типового блок-поста

Конек слухового окна путевых построек

Возможно, имеется и чисто утилитарная причина стилизации конькового элемента — более простой обрис для его исполнения и, соответственно, удешевления, что было важно в условиях такого масштабного и дорогостоящего строительства.

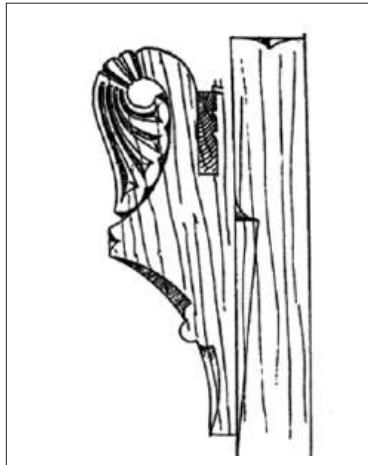
Еще один мотив, широко использовавшийся в постройках Х. Х. Мунте и ставший признаком «драконьего стиля» — пальметта, в основе которой все та же драконья голова, но направленная вниз. Для путевых построек КБЖД разработана «реплика» и на этот декоративный элемент.

Угловые подвески подкарнизных досок (платков) также выполнены в более упрощенных формах, чем подвески блок-поста, напоминающие острые когти.

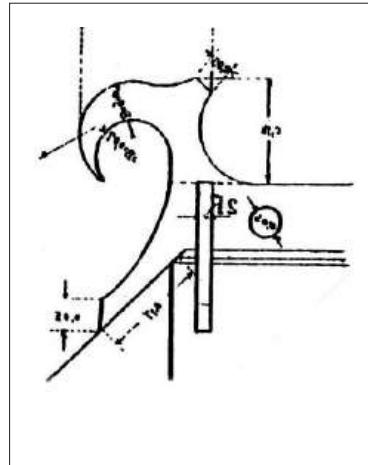
По характеру оформления и проработке деталей, оформление наличников блок-поста схоже с наличниками знаменитого «Дома с драконами» в Томске, который выполнен архитектором В. Ф. Оржешко в подражание постройкам архитектора Х. Х. Мунте, а драконьи головы на кровле томского дома — точная копия драконов древней Боргундской церкви в Норвегии.

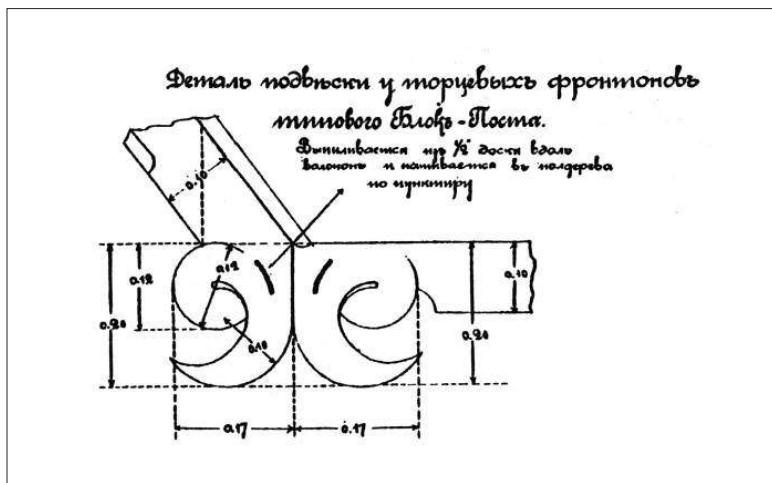
Драконья голова
дракара

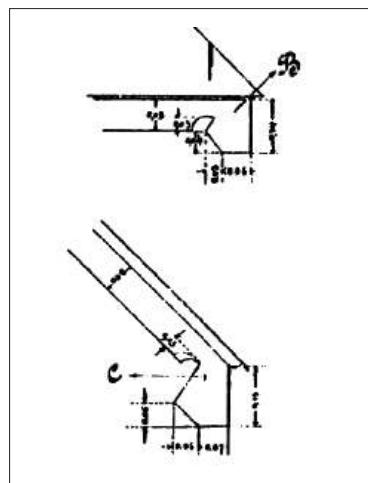
Пальметта. «Охотничий
дом». Арх. Х. Х. Мунте

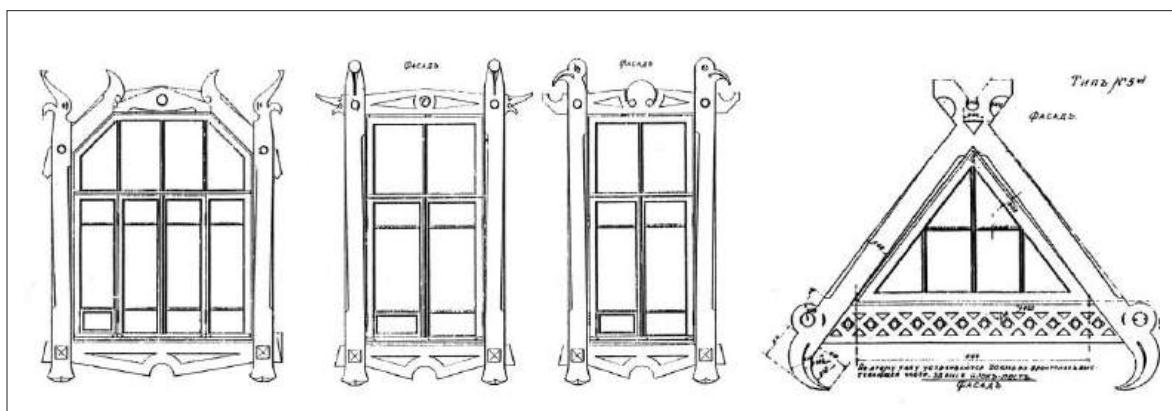
Конек путевой постройки
КБЖД

Угловые подвески блок-поста

Угловые подвески путевых
построек

Наличники блок-поста

Можно высказать предположение, что первоначально был разработан проект блок-поста, как основной, определяющий общую идею и образ путевых построек Кругобайкальской железной дороги, а затем разработан стилизованный декор, более простой в исполнении, что соответствовало условиям строительства, ограниченного во времени и финансировании. Впрочем, в данной

Наличники «Дома с драконами». Томск

ситуации упрощение (и удешевление) — не означало ухудшение, это означало, что были созданы выразительные стилизованные формы, генетически родственные драгестилю. Несмотря на быстрые темпы проектирования и строительства инженеры и архитекторы проявляли высокую требовательность к качеству проектов зданий и сооружений, к детальной проработке отдельных элементов и к их исполнению.

Архитектура здания «полуказарма»

Реставрируемое здание полуказармы расположено на 106-м километре КБЖД под юго-западным склоном горы, в небольшой искусственной выемке у входа в долину реки Ивановка. Главным южным фасадом здание обращено к железнодорожному полотну и к озеру Байкал. Рельсы проходят от здания полуказармы в 18,5 метрах. Первоначальных надворных построек (сараев и отхожего места), располагавшихся в соответствии с типовым планом дворового места по задней границе участка, не сохранилось.

Полуказарма представляет собой прямоугольный в плане объем с асимметричным выступом ризалита на главном фасаде. Здание с достаточно простым планом обладает сложным объемно-силуэтным решением. Сложность и динамичность облику придает высокая кровля, усложненная различными слуховыми окнами и полуvalьмами. Завершают облик коньковые доски, увенчанные стилизованными акротериями (не сохранились). Односкатные козырьки над двумя крыльцами являются как бы продолжением скатов кровли, сохраняя достаточно крутой ее уклон.

В основе плана — крестовик с незначительно сдвинутыми осями внутренних капитальных стен. На торцевом (западном) и заднем (северном) фасадах устроены два входа. Одна четвертая (юго-западная) часть здания с отдельным входом и ризалитом на главном фасаде, была предназначена для размещения путевого сторожа и по проекту не связана внутри с остальными помещениями. Ризалит в помещении путевого сторожа, кроме эстетической

Полуказарма на 106-м км КБЖД.
Фото А. А. Ляпина, 1980 г.

*Вид со стороны ж. д. платформы.
Фото И. Ю. Бержинского, 2010 г.*

*Правый торцевой фасад.
Фото Л. Г. Басиной, 2016 г.*

функции в облике здания, выполняет и функциональную нагрузку: небольшие окна в боковых стенах ризалита необходимы для наблюдения за железной дорогой и обеспечивают полноту обзора до 180 градусов. Остальные помещения, со входом со стороны заднего фасада — для размещения и хозяйственных нужд артели и старшего рабочего.

Открытый бревенчатый сруб с углами, рублеными «в лапу», поставлен на каменный цоколь из пиленых прямоугольных каменных блоков (в проекте была заложена бутовая кладка, что соответствует постройкам драгестиля). Углы сруба закрыты гладкими лопатками. Верхняя треть сруба по всему периметру защищена гладкими вертикальными досками с фигурно обработанным нижним краем в виде крупных «кистей». Во фронтальной плоскости ризалита обшивка огибает трапециевидное окно по полуокружности.

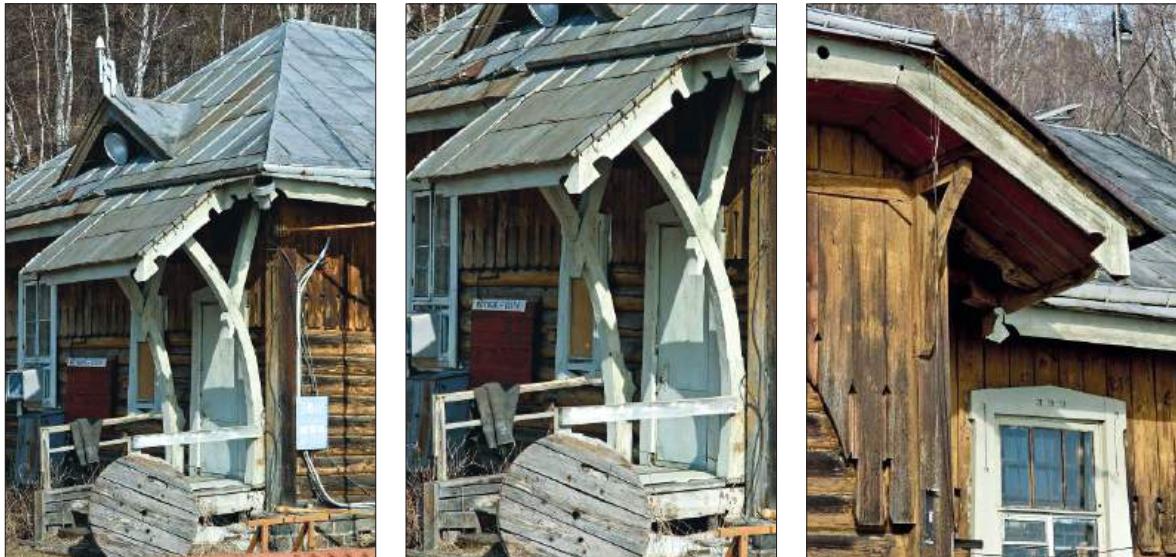
Оконные проемы разной величины, размер их функционально обоснован. Если в помещении для путевого сторожа самое крупное окно во фронтальной плоскости ризалита, то для бокового обзора — небольшие окна на коротких боковых стенках ризалита. Окна среднего размера — на главном, заднем и левом боковом фасадах основного объема там, где размещается артель и помещение старшего рабочего. На правом боковом — также устроены небольшие окна.

Наличники окон с плоской обвязкой, без традиционных в классике сандриков. Боковые стойки расширяются книзу, образуя характерную для модерна линию, плоскости украшены тонкой геометрической резьбой с изящными «бриллиантами», выполненные методом выборки.

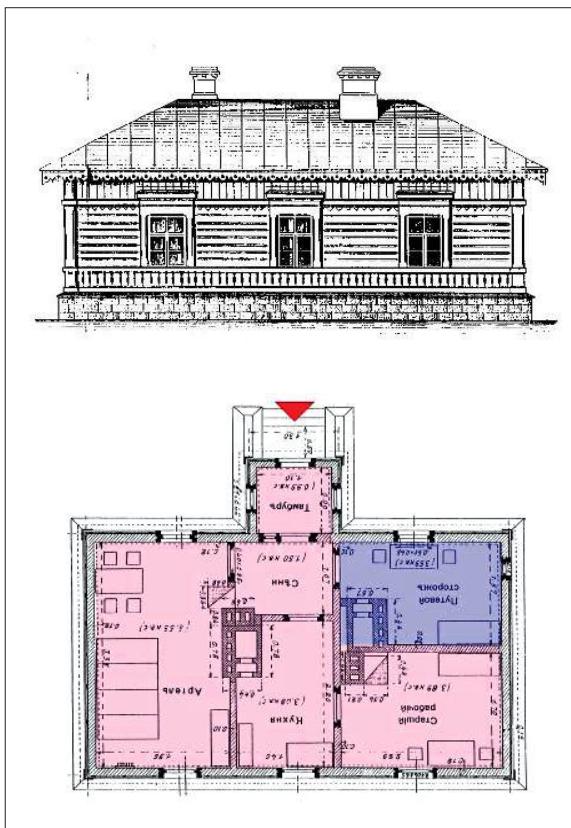
Вынос кровли значительного размера, без подшивки, поконится на фигурно оформленных выпусках стропильных ног. Над ризалитом вынос кровли опирается на кронштейны, форма которых часто используется в постройках модерна и драгестиля.

По краю выноса кровли — свес гладкой доски с подсечками и угловыми подвесками. В ризалите — доска в форме пологого треугольника вершиной вниз. Плоскость треугольника акцентирована круглыми сквозными отверстиями. Круглые отверстия также украшали коньковые доски на кровле (не сохранились). Козырьки над крыльцами входов опираются на циркульные кронштейны, которые начинаются от уровня пола.

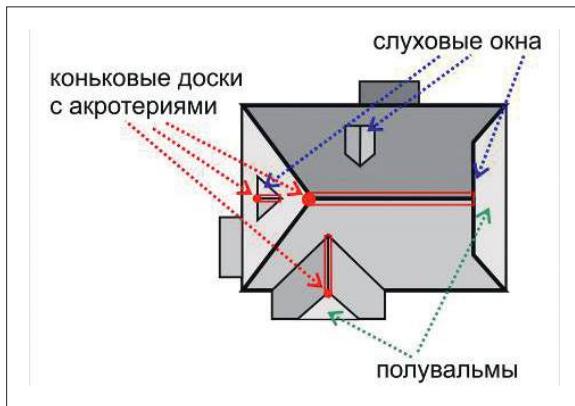
Сравним объемные решения, а также планы полуказарм первого (1902–1904) и второго периодов (1911–1915). Набор помещений и их площади практически неизменны (разница — 2 кв. м.), различие же в облике — разительно.

Полуказарма 1-го пути

Полуказарма 2-го пути

Полуказарма 2-го пути. Кровля

В плане полуказармы первого пути первостепенное значение отдано симметрии. Геометрически строгому объему отвечает и простота облика и равномерность оконного ритма. В оформлении фасадов и наличников — традиционные классицистические приемы.

С приходом модерна формируется новый подход к образованию объемов. Основной принцип в архитектуре модерна — принцип проектирования «изнутри-наружу», а не наоборот, что

было характерно для классики. Функциональные требования определили и более удобную планировку, обеспечившую максимум удобства в решении функционала и внутреннего пространства. Четверть объема полуказармы выделена в самостоятельную часть с отдельным входом для путевого сторожа. План получился более «свободным», асимметричным, поэтому и объемно-планировочная композиция на его основе обрела подобные же свойства. Асимметричность плана, сложный силуэт кровли, усиленный полуvalьмами, слуховыми окнами и коньковыми досками с гребнями (акротериями), а также и нерегулярный ритм окон, образуют живописную динамичную композицию, созданную в расчете на восприятие с разных сторон.

Ансамбль Кругобайкальской железной дороги — это совокупность уникальной природно-ландшафтной, инженерной и архитектурной составляющих. В силу высокой концентрации элементов ансамбля на километр дороги, производит мощное эмоциональное воздействие, и архитектура построек второго пути, выполненных в модерне, создает главный образ. Несмотря на то, что количество построек,озведенных в 1902–1904 гг., во время строительства первого пути, больше (соотношение до 1956 г. составляло примерно три к двум), они «составляли как бы архитектурный фон станций и разъездов, а основные образные характеристики формировались более содержательными в художественном отношении зданиями второго пути» [17].

Выбор мотивов драгестиля в качестве архитектурного образа для путевых построек Кругобайкальской дороги можно считать наиболее подходящим и близким с ассоциативной точки зрения. Характерные особенности сооружений драгестиля — материалы (дерево и природный камень), суровое природное окружение (скалы, лес) и положение объекта как отдельно стоящего — как нельзя более точно подходят для путевых построек, располагающихся, как правило, вне станций и поселков. Архитекторы, создавшие образ этого уникального отрезка железнодорожного пути, были творцами в самом высоком смысле этого слова. К сожалению, их имена от нас еще скрыты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кругобайкальская железная дорога — в настоящее время так называется участок железнодорожной ветки порт Байкал — Слюдянка, ставший тупиковым с 1957 г. после окончания строительства Иркутской ГЭС (далее — КБЖД).
2. Первый этап строительства КБЖД — 1902–1905 гг.
3. Альбом типовых и исполнительных чертежей по постройке второго пути на участке Байкал — Култук — Танхой Забайкальской ж. д. 1911–1915 гг. Иркутск, 1916.

4. Тон, Константин Андреевич (1794–1881) — русский архитектор. 1847 г. — Николаевский вокзал в Петербурге, Николаевский вокзал в Москве, Витебский вокзал в Петербурге, Круговое депо в Москве.

5. Желязевич, Рудольф Андреевич (1810–1874) — российский архитектор польского происхождения, специалист по строительным конструкциям. Служил в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий (1832–1854), старший архитектор департамента железных дорог. Участник сооружения Николаевского (ныне Московского) вокзала в Санкт-Петербурге (1844–1851), автор образцовых проектов станционных зданий и инспектор строительства Николаевской железной дороги.

6. Брюллов, Александр Павлович (1798–1877) — русский художник и архитектор. Профессор архитектуры Императорской Академии художеств.

7. Бенуа, Николай Леонтьевич (1813–1898) — русский архитектор. Кроме Петергофского вокзала им спроектированы станции Петергофской железной дороги в Стрельне, Красном Селе, Сергиево.

8. Инновационный дайджест. Архитектура российских вокзалов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rzd-expo.ru/history/Arhitektura%20rossiyskih%20vokzalov/> (дата обращения: 18.09.2018 г.).

9. Альбом типовых и исполнительных чертежей по постройке второго пути на участке Байкал — Култук — Танхой Забайкальской ж. д. 1911–1915 гг. Иркутск, 1916.

10. Швейцарское шале (нем. Schweizerstil, норв. Sveitserstil) — архитектурный стиль позднего историзма, вдохновленный сельским домом шале из Швейцарии и альпийских (горных) областей Центральной Европы. Стиль соединяет традиционные строительные конструкции с характерными крышами и украшенными резьбой и балконами фасадами.

11. Гонтовый стиль (Shingle style) — стиль индивидуальных загородных домов, распространенный в США в 1870–1880-е гг. Название происходит от термина «гонт» (англ. shingle; польск. gont; рус. — дранка), обозначающего короткий кровельный тес в виде деревянных дощечек клинообразного сечения. Гонтовый стиль предвосхитил некоторые особенности органической архитектуры.

12. Фахверковые дома имеют жесткий несущий каркас из стоек (вертикальных элементов), балок (горизонтальных элементов) и раскосов (диагональных элементов), которые являются основной отличительной особенностью конструкции фахверка. Раскосы придают жесткость и прочность каркасам фахверковых домов. Характерная особенность фасадов — не скрытый за обшивкой, а, наоборот, выставленный на показ деревянный каркас.

13. Герман Ширмер (1845–1913) — норвежский архитектор, педагог и историк искусства. Его называют «одним из главных идеологов» норвежского романтического национализма.

14. Schirmer H. M. Borgunds Kirke i Sogn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2429912> (дата обращения: 18.09.2018 г.).

15. Хольм Хансен Мунте (1848–1898) — норвежский архитектор, работавший в драгестиле.

16. Исследователь КБЖД А. К. Чертилов в «Материалах к градостроительному обоснованию...», уверяет, что единственное применение проекта типового здания блок-поста было на разъезде Пономарёвка. Его вывод сделан на основе топосъемки 1941 г., где схематично нанесены очертания здания с выступом в средней части главного фасада.

17. Ляпин А. А. Памятники архитектуры и инженерного искусства заповедного участка Кругобайкальской железной дороги // Памятники истории и культуры Приангарья. Иркутск: Вост-сиб кн. изд., 1990. С. 183.

К МУЗЕЙНОМУ
СТРОИТЕЛЬСТВУ

И. В. Калинина

ВВЕДЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИЛИМСКОГО ОСТРОГА

В Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» в настоящее время идет работа по воссозданию Илимского острога. На основании исторических документов планируется выполнить полную реконструкцию сибирской деревянной крепости второй половины XVII в. с возведением всех объектов и оборонительных конструкций. Концепция воссоздания Илимского острога включает не только постановку острога, но и восстановление цельной исторической среды, типичной для первых сибирских поселений. Известно, что в непосредственной близости от острога и в функциональной взаимосвязи с ним существовал ряд одновременных ему построек. К ним в первую очередь, относится сохранившаяся и перенесенная в музей Казанская церковь, которая является самой древней деревянной церковью на территории Сибири. Не менее важны были сооружения внешней обороны острога — надолбы, рогатки, частики и т. п. Особое значение имели Введенская церковь, две часовни и поклонный крест, которые отмечали стратегически важное место — послужившее основанием для сооружения здесь крепости — начало знаменитого Ленского волока. Поэтому в музее принято решение воссоздания Введенской церкви как составного элемента исторического комплекса Илимского острога.

Первый Илимский острог

Первый Илимский острог, по сведениям В. Н. Шерстобоева, был поставлен в 1647 г. вместо зимовья, которое было построено в 1630 г. на берегу р. Илим в месте, откуда начинался Ленский волок. С 1649 г. острог стал центром самостоятельного Илимского воеводства, и сюда был назначен первый воевода Тимофей Васильевич Шушерин. Острог в период его управления имел длину стен 119½ сажени и две башни — проезжую в 3 сажени и глухую в 2½ сажени. В 1650-е гг. в Илимском остроге насчитывалось 65 дворов. В. Н. Шерстобоев в своем известном издании «Илимская пашня» приводит схему старого Илимского острога, выполненную им на основании архивных документов [1]. Внутри острога находились: церковь во имя Спаса (построенная в 1645 г.), государев двор, съезжая изба, таможенная изба, хлебные житницы, соболиный и соляной амбары, дом черного попа Филарета, тюрьма, аманатская изба и изба тюремного сторожа и воротника. Старый Илимский острог сгорел 24 июля 1666 г.

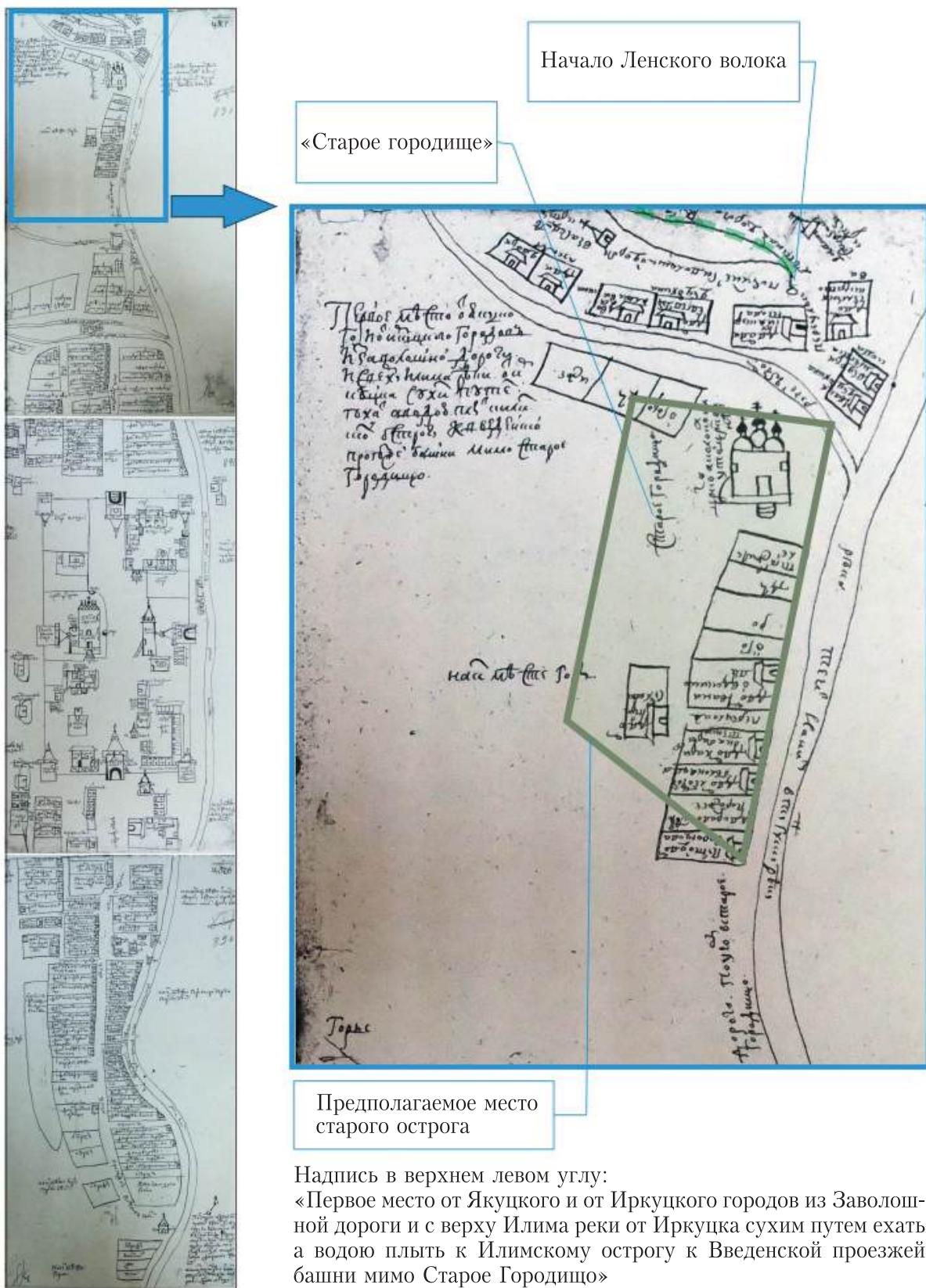

План старого Илимского острога (по В. Н. Шерстобоеву)

Образование и обживание Слободы

Новый острог был заложен 21 июля 1667 г. на другом месте ниже течения реки Иlimа, поскольку прежний участок был слишком мал для быстро растущего поселения. В архивных документах упоминаются разные данные о расстоянии между старым и новым острогом. Воевода Оничков, поставивший новый острог, сообщает, что выбрал для него «угожее место на низ реки Илима реки **за 655 сажен**» [2], однако в другой отписке он приводит уже иную цифру — 644 сажени. В описи Илимского острога 1703 г. указывается гораздо меньшее расстояние: «*От Илимского острогу вверх по Илиму реке от Введенские проезжие башни до старого Илимского городища 300 сажен*» [3]. Возможно, в последнем упоминании к показанному расстоянию нужно добавить длину острога, которая составляла 129,9 сажени, в результате получится расстояние почти 430 саженей. И. Г. Гмелин пишет: «*Первый Илимский острог... находился примерно в полторы версты выше нынешнего и деревня в 7 домов с церковью, построенная в этом месте, сохранила о нем память*» [4]. В современной метрической системе расстояния, приведенные современниками, имеют следующие значения: 1,4 км (или 1,37 км); 0,64 км (или 0,92 км); 1,5 км.

На плане Илимска 1703 г. территория на берегу правого притока Илимса, где находился старый острог, поименована как Старое городище. Позже в документах место это стало называться Слободой. На плане показана площадь с Введенской церковью, 6 жилых усадеб и несколько огородов. Кроме того, имеется жилая застройка и за ручьем. Чертеж передает топографию местности, но выполнен, видимо, лишь на основании визуальной съемки без соблюдения масштаба. Примерное местоположение старого острога определено при совмещении плана 1703 г. и плана первого Илимского острога, выполненного Шерстобоевым. Точкой привязки послужили надпись «Старое городище», а также правый исток небольшой речки, впадающей в Илим, вверх по которой начинался летний путь Ленского волока.

План Илимска 1703 г.
(в центре новый острог)

*Место старого острога на плане 1703 г. с наложением обрисса острога
(по В. Н. Шерстобоеву)*

Слобода занимала важное местоположение, поскольку старый острог располагался у начала Ленского волока, который в XVII в. при продвижении русских на р. Лену являлся важнейшим узловым пунктом и использовался вплоть до начала XIX в. Начало волока отмечали крест да две часовни, поставленные у летней и зимней дорог: «*В одной часовне написано распятие Господа нашего Иисуса Христа, а в другой часовне крест деревянной, написанной*» [5]. От верховий Казачьей суда по сухе волочились до верховий р. Муки. Протяженность этого участка пути была около 56 верст (примерно 60 км), ширина волока составляла от 4 до 5 саженей (8,5–10,6 м). Затем суда и грузы спускались в устье, где находилось Мукское плотбище. Отсюда около 90 верст (примерно 96 км) их сплавляли на плотах по рекам Купе и Куте на Лену, где стоял Усть-Кутский острог [6].

Река Илим протекала в распадке между гор, поросших глухим таежным лесом, и обрамлялась вдоль русла лишь узкими террасами с небольшими участками, пригодными для заселения и земледелия: «*Илимской острог подле Илима реки стоит меж тех гор на ниском месте и дворами строитца подле гору на обоих сторонах негде*» [7]. Гмелин отмечает, что острог был построен «*в очень узком месте долины и горы были в 8–10 саженях от реки, так что острог примыкал к горам*» [8]. Очень наглядно гористый ландшафт долины р. Илим изображен на гравюре Е. А. Федосеева [9]. Любой ровный, расчищенный от тайги участок ценился высоко, поэтому место старого острога было быстро освоено под жилую застройку и огороды. Согласно описи 1703 г. в Слободе вдоль берега Илима стояло шесть обжитых дворов и два пустых. Кроме того, за ручьем, у начала Ленского волока было восемь дворов, два из них пустовали. В среднем в каждом дворе Илимского острога по описи 1723 г. проживало примерно 6–7 человек мужского пола (401 человек в 63 дворах) [10]. Таким образом, в 12 жилых дворах Слободы могло обитать до 180 человек обоего пола.

В Слободе на берегу Илима, на площади стояла Введенская церковь. Известно, что церковь на протяжении всего своего существования была приписаной, т. е. не имела собственного штата священников, а относилась к Илимской Спасской церкви, о чем свидетельствует запись в описи: «*А священника нет. В государские праздники бывает в службе илимской соборной поп Петр Максимов*» [11]. В русской церкви существовали определенные правила по образованию православного прихода, так, для получения разрешения на строительство храма требовалось наличие в поселении не менее 100 дворов. Таким образом, жители 12 дворов Слободы не могли претендовать на построение здесь собственного храма, в лучшем случае здесь могла быть устроена часовня. Однако вопреки правилам Введенская церковь здесь все же была построена. Вероятно, было принято во внимание важное местоположение поселения у начала Ленского волока.

Интересна еще одна особенность Введенской церкви, также не соответствующая правилам церковного строительства. Размеры здания и число приделов всегда соответствовали количеству прихожан, поскольку церковь не только возводилась, но и впоследствии содержалась за их счет. Небольшой приход Слободы, насчитывающий менее 200 душ, не требовал крупного строения с приделами. Однако Введенская церковь была довольно крупных размеров, ее площадь составляла около 160 кв. м, кроме того, она имела два придела. Постройка, обладающая такими значительными параметрами, должна была принадлежать крупному населенному пункту, а не небольшой слободке с 12 дворами. Вероятно, существовала особая причина для возведения здесь

большого двухпридельного храма. Предполагается, что этой причиной был погост, расположенный вокруг церкви, о котором упоминается в изданиях XIX в. и который виден на старых фотографиях. Первоначально погост располагался на территории Илимского острога с северной стороны от Спасской церкви, но ограниченные габариты крепости, вероятно, вынудили организовать новое место для захоронений. Эта гипотеза объясняет и наличие двух приделов, один из которых, вероятно, предназначался для отпеваний, а другой — для обычного богослужения и благословения путников перед началом трудного продвижения по Ленскому волоку.

Интересные сведения об одном захоронении на погосте возле Введенской церкви приводит известный этнограф и путешественник Н. Щукин, проезжавший Илимск в 1830 г. во время своей поездки в Якутск. Согласно его свидетельству, здесь был похоронен знаменитый амурский деятель Ерофей Хабаров: «*Я ходил по ограде и между надгробными камнями искал могилу завоевателя Амурских стран Ерофея Хабарова. — Он здесь кончил славную жизнь свою, в звании Сына Боярского*» [12].

Датировка строительства Введенской церкви

В документальных источниках встречаются разные датировки строительства Введенской церкви, одна из них, более ранняя, относит возведение храма к 1673 г., а более поздняя — к 1696 г. Кроме этих двух приводятся еще и другие даты — 1675 г. и 1693 г. [13], которые, вероятно, являются типографическими опечатками. Поскольку датировки приводятся в официальных церковных документах в клировых ведомостях, и повторяются затем в литературе, остановимся на этом вопросе подробнее.

Наиболее старые ведомости церквей Иркутской епархии Киренского округа, хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области, относятся к 1817 г. [14]. В этой церковной ведомости указано, что Илимская Введенская церковь построена в 1673 г. Поскольку оформление первых церковных ведомостей первоначально не было единообразным, в 1828 г. указом Св. Синода была установлена единая форма клировых ведомостей, которая сохранялась до 1920-х гг. Клировые ведомости илимских церквей, составленные по новой форме, хранятся в архиве с 1830 г., и с этого времени в графе сведений о строительстве Введенской церкви ежегодно стала повторяться запись следующего содержания: «*построена неизвестно кем и когда*» [15]. По прошествии нескольких десятилетий в документах появилась уточняющая запись, что церковь построена в 1696 г., которая стала дублироваться, так как ведомости переписывались ежегодно [16]. В каком именно году и на основании чего возникла эта датировка, установить не удалось. Но ясно, что запись эта более позднего происхождения и, вероятно, неточна, однако ее стали использовать в своих публикациях исследователи.

Вопрос о необходимости уточнения датировки строительства Введенской церкви поднял впервые еще в 1883 г. священник М. Сизой [17]. Он в своей статье привел дату из клировых ведомостей 1696 г., однако, осмотрев храм и его предметы, сделал вывод, что церковные документы неточны. Он сообщает, что существует местное предание, что храм этот самый древний, что построен он в царствование Алексея Михайловича (годы царствования 1645–1676), при митрополите Корнилии (годы управления с 1664 по 1678), о чем свидетельствовала надпись, находившаяся на доске в одной из верхних частей храма. Существующие в то время в храме древние предметы — деревянный крест

и деревянный подсвечник — имели надпись года их устройства — 7193-й от сотворения мира, что соответствовало 1685 г. современного летоисчисления. В результате Сизой предполагает, что Введенская церковь была построена не позднее этого года. Однако указание, что возведена церковь в царствие Алексея Михайловича, дает нам основание уточнить названную им нижнюю границу — не позднее 1676 г.

На храмозданную доску с надписью о времени построения храма ссылаются все исследователи, но сложность прочтения малоразборчивой надписи на славянском языке и буквенное обозначение чисел привели к различной трактовке даты. Впервые правильную датировку назвал в 1871 г. И. А. Ровинский [18], однако он в своей статье не сообщил источник. В 1913 г. священник Н. А. Пономарёв при посещении храма дословно расшифровал запись на храмозданной доске, к тому времени снятой с фасада и хранившейся при церкви: «Чрез увеличительное стекло можно прочесть: "лета 7181 (славянским шрифтом) построена сия церковь при Царе Алексие Михайловиче, всея белая и малая России"» [19]. В своем отчете Пономарёв привел год, переведенный с буквенного на цифровое значение, но еще в древнем летоисчислении, как 7181 г. (соответствует 1673 г.).

Нами недавно в архиве Иркутской области был обнаружен документ, который позволяет окончательно установить датировку строительства 1673 г. В клировой ведомости Илимской Спасской церкви за 1914 г. приводятся данные о приписных к ней церквях, в том числе и Введенской. В графе «Год строительства» указана дата 1696 г., которая является ошибочной, так как далее цитируется древняя надпись, свидетельствующая о построении церкви в 1673 г. В документе впервые датировка скопирована с храмозданной доски славянским шрифтом, что позволяет более точно ее расшифровать и исключить другие толкования. Надпись была расположена в церкви под главой карниза и гласила: «лета 3РПА построена сия церковь...» [20]. Древняя буквенная запись чисел, практиковавшаяся до петровского времени, обозначает 7181 г. от сотворения мира. При переводе даты в современное летоисчисление получается 1673 г. от рождества Христова. Вероятно, разнотечения в датировке церкви, переходящие из одного документа в другой, возникли ввиду неправильного прочтения древней численной записи.

Интересно, что датировка 1673 г. укладывается в четкую шестилетнюю периодичность строительства илимских церквей: Спасская — 1667 г., Введенская — 1673 г., Казанская — 1679 г. Своебразные формы этих храмов с фигурными венчаниями в виде бочек дают основание предположить, что все три церкви строила артель под руководством одного мастера. Время возведения деревянного храма от заготовки материалов и получения разрешения из митрополии до внутреннего оснащения примерно и составляло в ту пору 5–10 лет. Опытных зодчих в Сибири тогда было немного, поэтому их старались удержать на одном месте до завершения полного цикла всех строительных работ, как это, по-видимому, и было в Илимске. Затем артель переезжала в другой населенный пункт. Вероятно, в 1660-е гг. зодчие ставили Илимский острог и возводили его внутренние строения, а в 1670-е гг. сооружали храмы близ него.

Косвенным подтверждением раннего времени строительства Введенской церкви в 1673 г. служат православные традиции, согласно которым место, где ранее располагался храм, по каким-либо причинам утраченный, должно быть огорожено и отмечено знаком, например крестом или часовней. Также здесь разрешалось поставить новый храм. Известно, что первая Спасская церковь старого Илимского острога, построенная еще в 1645 г., сгорела вместе со всеми

другими строениями в 1666 г. Маловероятно, что участок мог долгое время оставаться пустынным. Возможно, на этом освященном месте и была заложена Введенская церковь, освященная в 1673 г. Наличие рядом Ленского волока также предполагает раннее время устройства здесь церкви.

Известно, что Введенская церковь имела два придела — Введенский и Никольский, возможно, они были освящены в разное время и вторая, более поздняя датировка — 1696 г., приводящаяся в церковных документах, относится ко времени освящения второго придела.

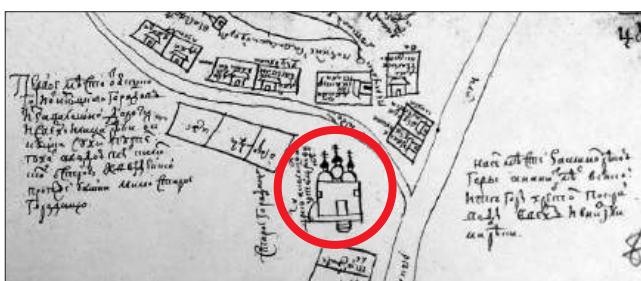
Таким образом, Введенская церковь, построенная в 1673 г., была самой древней церковью Сибири, сохранившейся к началу XX в.

Сведения об архитектуре Введенской церкви из исторических документов и публикаций

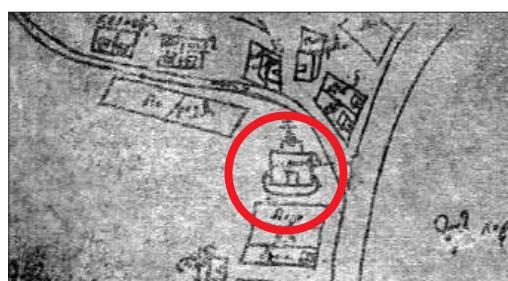
Первые сведения об архитектуре Введенской церкви приводятся в описи 1703 г.: «...церковь деревянная во имя Введения пресвятая Богородицы с пределом, да у той же церкви два колокола малых» [21]. Здесь под малыми колоколами, видимо, подразумевается двухглавое венчание храма, поскольку колокольни при церкви не было. К описи прилагается чертеж, известный в двух вариантах. Один из них, более подробный, хранится в РГИА, а второй, предположительно «список» с него или копия того же периода, до недавнего времени хранился в Иркутском государственном архиве и ныне также передан в РГИА. Надпись, сделанную сбоку от церкви, можно расшифровать следующим образом: «Церковной колокольни у той церкви нет» [22].

Введенская церковь изображена как четверик, который с запада и севера огибает галерея. Вход с запада с крыльца через высокую дверь. В южной и северной стенах изображено по одному окну. В завершении четверика на одном чертеже показано трехглавие, а на другом одноглавие. Несоответствие количества глав описанию труднообъяснимо, возможно, в первом чертеже допущена ошибка, а во втором показана фронтальная проекция бочки, поскольку именно так на чертеже изображены бочечные верха двух других церквей острога, Спасской и Казанской.

Второе по времени изображение Введенской церкви относится к 1770-м гг., однако выполнено оно с рисунка 1736 г. В период с 1733 по 1743 г. проводилось активное изучение Сибири, для чего была снаряжена академическая вторая Камчатская экспедиция, руководимая И. Г. Гмелиным и Г. Ф. Миллером. В состав отряда входили художники, которые выполняли зарисовки сибирских городов. В Илимск члены экспедиции попали в 1736 г., и немецкий художник Иоганн Вильгельм Люрсениус, сопровождавший отряд в качестве рисовальщика, зарисовал с натуры панораму г. Илимска. Позже, в 1770-е гг. с этого

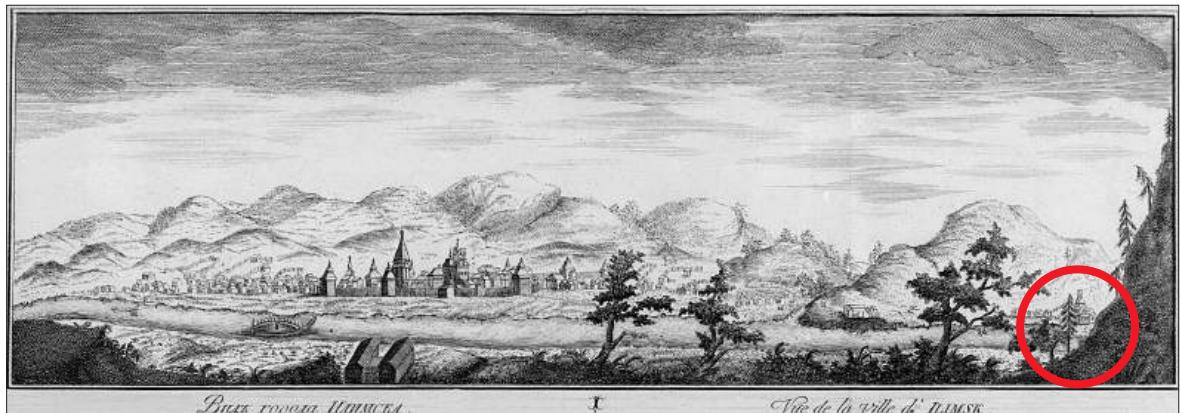
Введенская церковь. Фрагмент подробного первичного (?) чертежа Илимского острога.
РГАДА (Москва)

Введенская церковь.
Фрагмент списка (?) с московского чертежа. ГАИО (Иркутск)

рисунка гравер Е. А. Федосеев выполнил гравюру на меди, которая вошла в знаменитую серию «Собрание Российских и сибирских городов», состоявшую из 34 листов [23]. Гравюры серии достаточно точно воспроизводили панорамы ряда сибирских городов, и отражали особенности как общего архитектурного облика, так и конкретных выдающихся строений городов. В этом отношении виды серии обладают исключительным историко-художественным значением.

В нижнем правом углу панорамы изображена Введенская церковь. Интересно, что постройка зарисована с северо-западной стороны, тогда как Илимский острог показан с юго-восточной стороны. Такое вывернутое изображение сооружений возможно, поскольку р. Илим в этом месте делает резкий поворот на юг, и при положении художника между острогом и Слободой последняя оказывалась у него за спиной. Внешний облик церкви передан очень достоверно и соответствует более поздним фотографиям. Высокий храм завершен небольшим четвериком, который установлен на его двускатной крыше. Венчает четверик поперечная бочка с двумя равнозначными главками. С западной стороны к храму примыкает более низкий зауженный объем трапезной, которая перекрыта собственной двускатной крышей. Трапезную с запада и севера огибает объем

Вид города Илимска. Гравюра Е. А. Федосеева 1770-х гг.
с оригинала И. В. Люрсениуса 1736 г.

Введенская церковь. Фрагмент гравюры

галереи под односкатной кровлей. На северной стене трапезной показано одно окно, а в галерее три проема.

Из исторических описаний известно, что церковь имела два придела: главный во имя Введения в храм Пресвятой Богородицы и придел во имя Николая Чудотворца. Вероятно, двухпрестолье было заложено изначально, но впервые об этом сообщается в острожной ведомости 1735 г. [24].

В 1830-е гг. через Илимск проезжает известный путешественник и этнограф Н. Щукин, который пишет, что на месте, где стоял первый Илимский острог, осталась одна деревянная церковь «затверделая как железо, и закоптелая как уголь» [25], а также упоминает о погосте при Введенской церкви, где, по его сведениям, был похоронен Хабаров.

В XIX в. в технико-строительном комитете МВД в делах, датируемых 1869 г., хранились рисунки с древних илимских построек. Фотокопии этих

рисунков нами обнаружены в архиве Института истории материальной культуры РАН [26]. На одном листе помещено шесть изображений с общей подписью «Вид церквей и башен заштатного города Илимска». Лист завизирован заседателем П. Дьяконовым: «Сатурой верно». На рисунках изображены Казанская, Введенская, Спасская и Предтеченская церкви, а также Спасская башня, вероятно, с караульным домом и Никольская башня.

Введенская церковь зарисована с юго-восточной стороны. Церковь деревянная, рубленная из бревен с вязкой углов с остатком. На рисунке впервые запечатлена своеобразная объемно-планировочная композиция постройки, не имеющей алтарного выступа. Храм (кафоликон) и алтарь помещены в одном высоком объеме четверика без каких-либо перерубов. Четверик перекрыт наподобие крестьянских изб продольной двускатной самцовской крышей. По центру крыши врезан небольшой четырехстенный объем, который завершен поперечной бочкой с полицами. Над бочкой возвышаются две одинаковые небольшие главки луковичной формы на стройных шейках. Двухглавость церкви соответствует ее двум престолам — Введенскому и Никольскому. Кресты, венчающие главки, имеют резную форму, к тому времени они были выполнены из металла вместо первоначальных деревянных. Видно, что кровля бочки, поверхность главок и шеек покрыты чешуей или лемехом. Полицы и двускатные кровли тесовые. Самцы восточного щипца закрыты причелинами. С западной стороны к храму примыкает более низкая трапезная, также перекрытая двускатной крышей. В бревенчатых стенах прорезаны оконные проемы. В восточной стене храма симметрично расположены два косящатых окна, в южной стене — три окна внизу и одно окно по центру вверху. Все окна изображены разных размеров и пропорций, крайнее справа окно, вероятно, растесано из волокового. Южная стена трапезной имеет справа одно косящатое окно и одно волоковое. Церковь огорожена невысоким заплотом.

Впервые наиболее полная письменная информация о церкви была собрана в 1868 г. киренским окружным исправником С. В. Поповым и опубликована в «Записках и Трудах Иркутского губернского статистического комитета». В основном Попов сообщает новую и интересную информацию по внутреннему устройству церкви. Осмотрев церковь, он отмечает, что здание довольно высоко. Наружные стены церкви были сложены из толстых и длинных бревен. Алтари равные и разделялись между собой бревенчатою стеной. Далее он сообщает, что «внутри церковь разделена на два отделения капитальною стеной, но не глухою, потому что сделаны в ней отверстия на подобие больших окон» [27]. Вероятно, здесь говорится о капитальной стене, разделяющей храм и трапезную. Обычно в деревянных церквях XVII в. в стене между храмом и трапезной по бокам дверного проема прорезались проемы, которые забирались кованой решеткой.

Около обоих клиросов стояли «два больших деревянных креста, замечательных своею массивностью; мерою они до двух сажен в вышину» (4,26 м)

Введенская церковь.
Рисунок 1869 г. Архив ИИМК РАН

[28]. Крест, расположенный около правого клироса, был расписан красками, на лицевой стороне написано Распятие, а на обратной — Архангел Гавриил. На кресте у левого клироса с лицевой стороны также было изображено Распятие, а на обратной славянскими буквами вырезана надпись: «*лета 7193 [1685 г.],
Апреля в день... поставил сей Святый и животворящий крест Господень
стольник и воевода Илья Андреевич Змеев*» [29]. Из церковной утвари Попов упомянул деревянный подсвечник, который стоял у правого клироса перед крестом. Подсвечник был расписан, вероятно, ярким растительным орнаментом: «*раскрашенный на подобие парчи*» — и имел надпись: «*7193 [1685] года
Февраля в 20-й день*» [30]. Известно, что с 1683 по 1685 г. Илимским острогом управлял воевода Илья Андреевич Змеев, который и внес эти дары церкви.

Попов также отмечает незначительные переделки, которые были осуществлены к тому времени. Венчающие кресты, которые первоначально на всех илимских церквях, включая Введенскую, были деревянными, обитыми жестью, заменены металлическими. Древние деревянные кресты отличались массивностью и отсутствием каких-либо украшений, и их сохраняли при церкви как реликвию. Кроме того, в интерьере церкви был сделан новый потолок, а в передней половине, видимо в галерее, перестлан пол.

В 1872 г. в «Известиях Сибирского отдела Русского географического общества» было опубликовано сообщение И. А. Ровинского о поездке его по Ангаре и Лене, совершенной, видимо, накануне. Выше упоминалось, что Ровинским первым правильно датировано строительство Введенской церкви 1673 г. О внешнем виде храма он пишет только, что он «*одного стиля с Казанской церковью*» [31]. Исследователя, так же как и его предшественника, поразили два креста, стоящие в интерьере позади клироса. По его сведениям, восьмиконечные кресты были сделаны из полубруса и достигали почти потолка церкви, высота их была примерно по полторы сажени. Ровинский уточняет, что Распятие было написано на холсте и кроме Архангела имелось изображение Божией Матери и надпись: «*святый ангел хранитель человеков*» [32]. Он повторяет описание Попова по второму кресту и цитирует ту же надпись об установке креста воеводой Змеевым. В то же время Ровинский дату постановки креста, написанную старославянскими буквами с исчислением от сотворения мира, расшифровывает в отличие от Попова как 1683 г.

Через десять лет после Ровинского илимские храмы изучает священник М. Сизой. В 1883 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» публикуется его подробный историко-археологический очерк, посвященный древностям заштатного города Илимска. Сизой, так же как Ровинский, отмечает сходство внешних форм Казанской и Введенской церквей и близость их объемного построения крестьянским избам, которые крылись на два ската. Сообщает, что наружные стены храма были сложены из толстых бревен и оставленные без обшивки на солнце приняли темно-желтый цвет, а местами совсем потемнели. Алтари находились в одном объеме с храмом (кафоликоном). С западной стороны во всю ширину церкви была дощатая галерея, устроенная на высоте нескольких аршин от земли. На галерею вела узкая лестница под тесовой крышей. Внутреннее деление помещений было традиционным: трапезная, храм (кафоликон) и алтарь. Сизой, как и Попов, пишет, что в стене между трапезнной и храмом по бокам двери были прорублены крупные проемы, наподобие окон, и поясняет их назначение. Прежде церковь отапливалаась по-черному, печь размещалась под полом и не имела трубы. Во время топки дым заполнял помещение трапезной и постепенно выходил через верхние волоковые окна, затем открывались

проемы между храмом и трапезней и теплый воздух поступал через них в храм: «*Такой способ топки, от осаждавшейся на стены и потолок трапезы сажи, делал их совершенно черными — лоснящимися. Во избежание прохода дыма во внутренния отделения храма, имевшиеся в поперечной стене двери и окна, во время топки, наглухо закрывались. Когда, по окончанию топки, дыма не оставалось в трапезе — куталась печка, открывались двери и окна; таким образом, нагревались и остальные части храма*» [33]. Сизой замечает, что проемы эти позволяли молящимся видеть во время богослужения все происходящее в храме. Не обходит он вниманием и интерьеры с замечательными крестами, описанными его предшественниками. Высоту крестов он определяет до двух сажен. К тому времени в храме стоял новый иконостас. Размеры алтарей обоих приделов Введенского и Никольского были одинаковыми. Новые венчающие железные кресты были позолочены, старые деревянные, обитые жестью все еще сохранялись при храме. Как особенность описывает наличие волоковых окон: «*за исключением немногих, имеющих обыкновенный вид, все остальные очень малых размеров и без рам, а изнутри прямо закрываются выдвижною доскою*» [34].

В фондах РГИА хранится описание приписной Введенской церкви г. Илимска, составленная в 1907 г. Опись, видимо, составлена штатным священником церкви и содержит интересные сведения, которые ранее не упоминались. Архитектура церкви описана лаконично: «*Здание имеет вид корабля, длиной 9 саж. 2 арш., шириной 4 саж 2 ½ арш. С западной стороны имеется крытое крыльцо со ступенями*» [35]. Далее сообщается, что церковь с западной и северной сторон огибает галерея. В ее наружных стенах вместо окон было пять проемов. Дверных проемов в галерее было три: кроме выхода на крыльцо, одна дверь с запада вела в трапезную, а вторая с севера — в храм. Все двери были дощатыми «простой работы». Интересны новые сведения об интерьере церкви. Стены внутри здания были выбелены, а в галерее оставлены деревянными. Полы и потолки везде были не крашены и не белены. В наружных стенах сохранялись древние слюдяные окна, всего было девять «*окон из слюды с железными переплетами*» [36]. Кирпичная печь располагалась на галерее, но была к тому времени уже развалившаяся. Иконостас в приделе Введения во храм Пресвятой Богородицы был «*в один став, крашен зеленою и красною масляною краскою без позолоты. Царские врата дощатые. Северные двери простой работы*» [37]. Иконостас в приделе имени Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского «*в 2 става простой работы крашен зеленою и красной масляной краской. Царские двери дощатые*» [38]. В церкви не было служебных помещений для ризницы, кладовой и сторожки.

В 1907 г. выходит обширная статья искусствоведа и историка русской архитектуры Н. В. Султанова «Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири», в которой отдельная глава посвящается древним памятникам Илимска. Султанов впервые, пользуясь описаниями предшествующих исследователей, сопоставляет их и анализирует. Однако сам он не был в Илимске и использовал для работы лишь вышеупомянутые описания и рисунки, в результате он делает несколько ошибочных выводов.

Так, на основании имевшихся у него изображений церкви только с северо-восточной стороны он счел, что срубы храма и трапезней имели одну ширину: «*поставлены рядом два сруба одинаковой ширины*» [39], однако обнаруженные позже фотографии с северной стороны показали, что трапезная была несколько уже храма. Также им неверно оценены пропорции объемов храма и

трапезной: «западный [трапезная] — низкий и короткий, а восточный [кафоликон] — высокий и длинный» [40]. Однако подсчет венцов данных объемов по фотографиям показывает следующее. Высота трапезной по коньку составляла примерно 7 м, при почти квадратном плане со стороной около 8 м, а высота кафоликона примерно 8 м с квадратным планом со сторонами около 9 м. То есть пропорциональное соотношение высот объемов к их сторонам было примерно одинаковое, а не диаметрально противоположное, как это отметил Султанов, вероятно введенный в заблуждение некачественными снимками. Ссылаясь на рисунок технико-строительного комитета, датируемый им 1870 г., на котором отсутствует галерея, Султанов делает вывод о ее более позднем происхождении, что не соответствовало действительности, поскольку галерея зафиксирована на рисунке Люрсениуса 1736 г. Кроме того, фотографии с северо-западной стороны дают основание говорить о древних формах данного объема.

В то же время Султанов верно подмечает необычность планировочной структуры храма и алтаря с двумя престолами, что нашло отражение во внешних объемах с постановкой малого четверика, завершенного бочкой, поперек конька крыши храма: «верхняя надстройка не только делает свое дело в уборном отношении, но и строго логична в символическом смысле; эти две главки рядом "во очию" знаменуют два рядом стоящих под ними алтаря» [41].

Ученый указывает на необычность отопления, которое в свое время описал священник Сизой. Сопоставив различные системы топки, используемые на Руси в XVII в., Султанов делает вывод, что в церкви одновременно применялось два вида отопления: «духовое» и «курное»: «отопление трапезы Введенской церкви представляло собою странную смесь "духового" отопления с "курным"» [42]. При размещении печей внизу, в подвалах или подклетах, тепло подавалось вверх по каналам, такое отопление называлось «духовым». При «черном» или «курном» отоплении печи не имели трубы, и дым заполнял все помещение, выходя наружу через верхние отверстия. Во Введенской церкви печь помещалась под полом и не имела трубы, а весь дым шел в трапезную (т. е. «курная» топка), храм же обогревался теплым воздухом через специальные проемы (т. е. «духовая» топка).

В 1913 г. Илимск посещает иркутский викарный епископ Евгений (Зернов). Сопровождавший его священник Н. А. Пономарёв вел дневник путешествия и выполнял фотоснимки. Введенскую церковь он описывает так: «Здание, построенное из здорового лиственничного леса, просмолено, сделались черным... Увенчанный двумя изящными главами, искусно покрытыми драньем» [43]. Храмозданная доска располагалась снаружи «на карнизе, под главою храма» [44]. Возможно, доска была установлена в основании килевидного южного щипца бочки, поскольку на рисунках и фотографиях видно, что нижняя горизонтальная планка щипца конструктивно не связана с ним, а с северной стороны вообще отсутствует. Длинная доска имела малоразборчивую надпись, которую Пономарёв прочел лишь через увеличительное стекло: «лета 7181 (славянским шрифтом) построена сия церковь при Царе Алексие Михайловиче, всея белая и малая России» [45]. Поразили путешественников и два креста в интерьере храма, описанные выше. Старожилы сообщили, что один из крестов был сделан на корню дерева: «крест — вышиной до потолка, действительно имеет свое основание под полом храма» [46]. Вместо подсвечников перед иконостасом висели древние светильники; в которые вставляли восковые свечи. Пономарёв делает первую фотографию Введенской церкви. Позже этот снимок общего вида с юго-вост-

точной стороны будет неоднократно повторяться в других изданиях.

В том же 1913 году выходит в свет очередной выпуск периодического издания *Известий Императорской Археологической комиссии*, в котором приведено описание памятников русской архитектуры по регионам, в том числе и по Иркутской губернии. В статье, видимо, допущена опечатка в датировке, вместо 1673 г. напечатана цифра 1675. Новым дополнением к прежним сведениям является запись о срубе, на котором установлена паперть (галерея) с западной и северной сторон. В описании бочки с главками использована своеобразная терминология: «*фонари круглые на кокошниках; главы обиты чешуюю*» [47]. Очень любопытны сведения об интерьере трапезной, о наличии здесь двух столбов, одного круглого, а другого четырехугольного с карнизом. Около столбов и в углах располагались лавки. В храме был двухъярусный тябловый иконостас с древними иконами. Особо отмечена старая икона св. Николая под серебряной ризой. Царские двери, вероятно, обрамлялись резными колонками: «*царские двери на столбцах, оканчивающихся головками*» [48]. Статью иллюстрируют два изображения, оба уже известные, это рисунок 1869 г. из дел Технико-строительного комитета и фотография, выполненная Пономарёвым.

В 1915 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» публикуется подробное описание древних памятников Илимска, составленное священником Н. Савватеевым, который посетил город в мае 1914 г. [49]. Автор частично использовал в своем описании ранее опубликованные материалы священника М. Сизого. Некоторые из фраз им повторены дословно. Однако Савватеев приводит и ряд новых интересных фактов. Так, он уточняет, что галерея с западной стороны была устроена во всю ширину здания, а с северной только до средней части храма. Галерея была крытая дощатая с пятью проемами «отверстиями» вместо окон. Под куполом на досках карниза была храмозданная доска с надписью, описанная выше. К тому времени одна из досок оторвалась от карниза и хранилась в храме, надпись на ней можно было разобрать лишь частично. Внутри храм разделялся на три части: трапезу, среднюю часть и алтарь. Трапеза от средней части храма отделялась капитальной стеной с дверями посередине и довольно большими отверстиями по сторонам. Далее Савватеев более подробно, чем другие авторы, описывает интерьер храма с обоими иконостасами, крестами и иконами, указывая их размеры и надписи на них.

Опубликованная в 1915 г. статья И. И. Серебренникова [50] с кратким описанием архитектурного облика храма, вероятно, послужила основанием для включения Илимской Введенской церкви в первое подробное издание, посвященное деревянному зодчеству. Фундаментальный научный труд М. В. Красовского вышел в свет в 1916 г. под названием «Курс истории русской архи-

Вид Введенской церкви с юго-востока.

Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

тектуры. Деревянное зодчество» [51]. Включение Введенской церкви в данное энциклопедическое издание, наряду с самыми выдающимися памятниками русской архитектуры, свидетельствует о ее значении в эволюции и становлении уникального русского деревянного зодчества, а также о ее высоких художественных качествах.

В первые годы советской власти Иркутский губернский исполнительный комитет на основании правительственные декретов подготовил в 1925 г. проект постановления об охране памятников, в который под регистрационным номером 36 была включена Илимская Введенская церковь [52]. В этом же году уполномоченный от Иркутского научного музея инспектор Ф. Э. Караптонис заключил с церковной общиной договор [53] о передаче им Введенской церкви в бесплатное пользование при условии сохранности памятника. Члены общины обязались беречь церковное здание и пользоваться им исключительно по назначению, принимали на себя ответственность за целостность здания и сохранность имущества, а также должны были нести все расходы по содержанию храма и оплачивать налоги.

Вероятно, какое-то время Введенская церковь продолжала еще действовать. Так, в 1930 г. ее осматривал действительный член ВСОРО Г. А. Леонов. К сожалению, его отчет о поездке по р. Илиму долгое время был неизвестен исследователям и только в 2009 г. был опубликован его дочерью [54]. Леонов лишь кратко упоминает церковь, но делает несколько ее фотоснимков, которые впервые представляют постройку с северной и западной сторон. Кроме того, он зарисовывает концы ее теснин и скобянки.

Вид Введенской церкви с северо-запада. Фото Г. А. Леонова, 1930 г.

Спустя три года, а именно в 1933 г., при осмотре церкви иркутским музеинным работником Черемных было обнаружено, что вопреки договору об охране церковное здание было приспособлено под амбулаторию [55]. В результате была произведена перепланировка со сломом перегородок. В древних стенах были прорублены новые большие окна и двери. Уничтожена первоначальная печь — «каменка» с топкой «по-черному», которая давно не использовалась, но, вероятно, сохранилась в церкви. Сожжены деревянная скульптура, резьба, иконостасы.

В 1948 г. выходит постановление Совета Министров РСФСР со списком памятников, подлежащих государственной охране [56]. В списке присутствует Введенская церковь, однако в действительности состояние ее на тот момент было

уже аварийное. Представители местных властей под руководством председателя Илимского сельсовета А. В. Оглоблина в апреле 1948 г. констатировали, что здание «в основном разрушено... Реставрировать здание путем капитального ремонта невозможно» [57]. Далее в документе приводится описание разрушений: «Все элементы здания подвержены гнили, в месте соединения балок, стропил, схваток, врубок и пр. от таковой совершенно разрушены, в следствии чего, как все здание, так и отдельные его элементы получили неравномерную осадку, перекосились или выпали. Фундамент и кровля сгнили. Поля и потолка нет. Из-за отсутствия охраны, внутренние стены и часть наружных стен вырезаны до угловых врубок. Архитектурная отделка, а также двери, окна и пр. разрушились полностью. В целом здание угрожает обвалом» [58]. Поскольку перестройка здания потребовала бы значительных расходов, члены комиссии посчитали, что Введенская церковь не представляет ценности: «Историческая ценность здания не установлена, кроме как памятник древней архитектуры. Здание рублено только топором» [59].

Спустя полгода перед илимским партийным архивом выступил иркутский музейный сотрудник Мигаев с докладом о значении охраны исторических памятников. В результате местные власти изменили свое мнение и решили, что церковь нужно реставрировать, но только при условии ассигнования средств [60].

В. Н. Шерстбоев в своей двухтомной работе «Илимская пашня» [61] приводит две фотографии Введенской церкви без ее описания. Первая фотография датируется 1945 г., церковь снята с юго-восточной стороны. Хорошо видно, что здание заброшено и уже частично разрушено. Сняты кресты, в укрупненных оконных проемах выбиты рамы, полуразрушена галерея. Вторая фотография — 1949 г. — показывает еще более удручающее состояние памятника. На трапезной лишь частично сохранена кровля, полностью утрачены галерея и пол. Венчающий четверик с бочкой сильно накренен, кровля под ним разрушена. Основание северной стены обоих объемов почти полностью отсутствует, верхние бревна держатся лишь на покосившихся углах.

Сотрудник Иркутского художественного музея Г. И. Дудин, командированный в Илимск в 1949 г. для осмотра памятников, писал следующее: «Стены на высоту 2–3 метров выпилены на дрова. Здание стоит на

Вид Введенской церкви с юго-востока.
Фото В. Н. Шерстбоева, 1945 г.

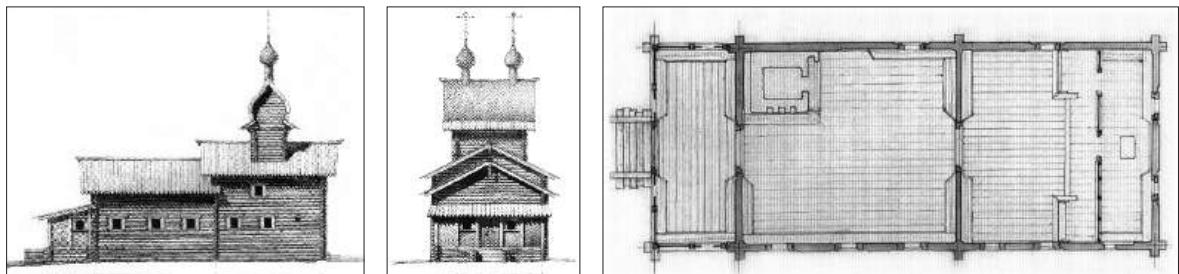

Вид Введенской церкви с северо-востока.
Фото Г. И. Дудина, 1949 г.

покривившихся углах: крыша ветхая, местами провалилась, нет пола, не огорожена, где нередко стоят автомашины» [62]. Дудин обращается к местным властям с конкретными предложениями по сохранности памятника, но не получает никакой поддержки. В результате всего через месяц после его призыва 6 сентября 1949 г. Введенская церковь обрушилась.

Проект воссоздания Введенской церкви

В 1987–1988 гг. знаменитый исследователь русского деревянного зодчества А. В. Ополовников разработал нереализованный проект историко-музейного комплекса «Илимская крепость». Внутри комплекса планировалось поставить церковь по аналогу Илимской Введенской церкви, в связи с чем был выполнен ее эскизный проект. Проект церкви был разработан на основании известных на тот момент фотографий церкви с привлечением аналогов из арсенала древнерусского культового зодчества. В результате был создан обобщенный архитектурный образ, близкий по своим формам Илимской церкви, но не соответствующий ей в точности [63].

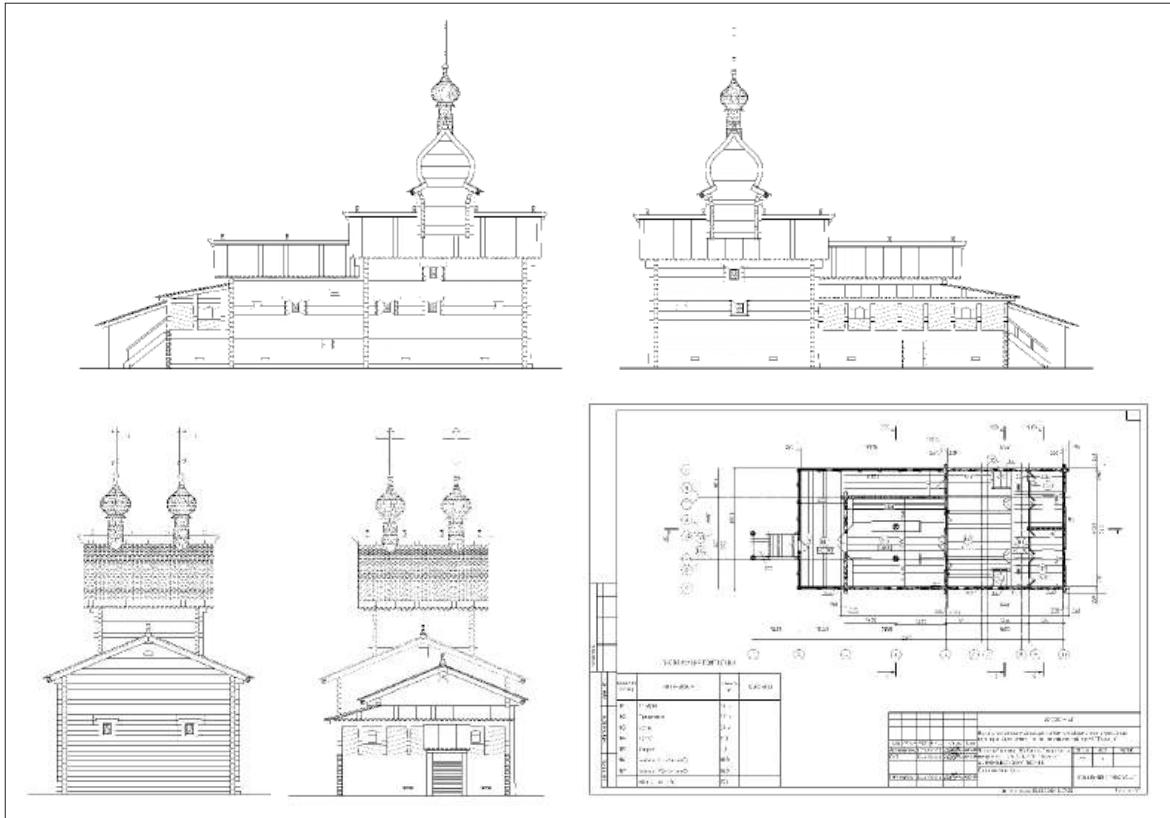

Проект реконструкции Введенской церкви. Архитектор В. А. Ополовников

Перед музеем «Тальцы» поставлена иная задача. Планируется восстановить не просто культовую постройку в традициях русского деревянного зодчества, а создать точную копию Введенской церкви, которая входила в ансамбль Илимского острога. Площадка, отведенная под строительство, замыкает улицу «Деревни-малодворки», в экспозиции которой представлены самые древние жилые постройки, что примерно соответствует хронологии памятника. Такая постановка памятника отражает историческую правду изначального расположения Введенской церкви в Слободе в некотором отдалении от Илимского острога и в то же время визуально связанного с ним. Создание в перспективе рядом с церковью поклонного креста и экспозиции «Ленский волок» с достоверным показом волоковой дороги позволит организовать уникальный тематический экскурсионный маршрут первых сибирских поселенцев и способов их продвижения на восток.

Новый проект воссоздания Илимской Введенской церкви для музея «Тальцы» был выполнен ООО СИБНИПИ «Наследие» в 2018 г. Автор проекта — В. В. Сосновская при участии И. В. Калининой, конструктор — Ю. П. Пинайкин.

Высокое одноэтажное на подклете здание сложено из толстых бревен с рубкой углов в обло. Объемная композиция складывается из разновысоких срубов храма, трапезной, галереи и крыльца. Высокий квадратный в плане четверик храма перекрыт в продольном направлении двускатной самцовской крышей. В центре в крышу врезан высокий и стройный поперечный сруб, который завершен бочкой с полицами на повалах. Бочку венчают две одинаковые луковичные главки с массивными деревянными восьмиконечными крестами. Поверхность бочки, главок и их шеек покрыта городчатым лемехом.

*Проект воссоздания Введенской церкви на территории АЭМ «Тальцы».
ООО СИБНИПИ «Наследие». Архитектор В. В. Сосновская при участии
И. В. Калининой, конструктор Ю. П. Пинайкин*

Апсида в объемной композиции не выражена, алтари двух приделов, Введенского и Никольского, располагаются в восточной части главного четверика и отгораживаются от кафоликона двумя иконостасами. Глубина алтарей в русских деревянных храмах обычно составляла от 2,5 до 3 м. Учитывая, что в Введенской церкви алтари и кафоликон размещаются в одном объеме, при реконструкции плана принята минимальная глубина алтарей в 2,5 м, позволяющая обеспечить достаточную длину помещения для молящихся, которая составила за вычетом солеи около 5 м. Между собой алтари равные и разделяются глухой бревенчатой стеной, которая не имеет переруба в наружной восточной стене четверика. Внутреннее пространство кафоликона едино без разграничения на приделы — с южной стороны располагается придел во имя Введения Пресвятой Богородицы, а с северной — придел во имя Святителя Николая Мирликийского. За южным и за северным клиросами поставлены большие во всю высоту помещения кресты с Распятиями.

С западной стороны к главному четверику примыкает более низкий объем трапезной, перекрытый продольной самцовкой кровлей. Ширина трапезной уже ширины четверика. С южной стороны ее стена рублена заподлицо со стеной храма, а с северной образуется небольшой уступ, который хорошо виден на фотографиях, сделанных Г. А. Леоновым в 1930 г. В плане трапезная близка к квадрату и лишь незначительно вытянута по продольной оси. В центре ее стоят два столба, вокруг которых лавки. Столбы размещены симметрично по поперечной оси трапезной. Это два массивных круглых в плане столба одинаковой конфигурации. Известно, что к началу XX в. один столб был круглый, а второй прямоугольный в плане, однако предполагается, что первоначально столбы были

одинаковые, но по ветхости один из них был заменен прямоугольным. Вдоль стен расположены лавки, конструктивно связанные с бревенчатым срубом.

С двух сторон трапезную огибает галерея, установленная на высоком срубе и перекрытая односкатной крышей. Ширина галереи различна, если с северной стороны она соответствует глубине выступа четверика храма, то с западной она чуть шире. Галерея дощатая на столбах, с каждой стороны по семь прясел. Освещается она через пять проемов.

Узкое длинное высокое крыльцо, перекрытое односкатной кровлей, расположено с западной стороны галереи со сдвижкой к югу от продольной оси. В основании крыльца стоят два круглых столба. Лестница имеет деревянное ограждение.

Церковь поставлена на подклет, который указан в одном из исторических описаний. Именно в подклете первоначально располагалась печь. Видимо, после установки в XIX в. новой печи в трапезной, подклет перестал использоваться, а с течением времени с поднятием культурного слоя о нем перестали упоминать, считая церковь одноэтажной. Первоначально церковь отапливалаась «по-чernому». Проект предусматривает воссоздание этого древнего способа обогрева. С этой целью в поперечной стене между трапезной и кафоликоном по бокам двери воссозданы специальные проемы с задвижными шторками. В наружных стенах трапезной в верхних бревнах сделаны специальные отверстия для выхода дыма. В интерьере помещение трапезной изначально было чрезвычайно темным, поскольку при достаточно большой площади она с целью сохранения тепла имела источник света в виде только одного слюдяного окна и, вероятно, нескольких волоковых.

Согласно историческим описаниям, в церкви было всего девять косящатых окон, затянутых слюдой. Два окна в восточной стене четверика предназначались для освещения двух изолированных алтарей. На южной стене главного четверика три проема, два в нижнем ряду и одно в верхнем, еще одно окно — волоковое. С северной стороны в четверике два окна, верхнее, устроенное почти по центру, и нижнее, с небольшой сдвижкой. Еще одно косящатое окно в трапезной. Кроме этих окон предусмотрены еще и волоковые, которые задвигаются дощечками.

Фасады из массивных бревенчатых стен не имеют дополнительного оформления декоративными элементами, а прорезаны лишь небольшими оконцами, забранными разноцветными слюдяными вставками. Окна на фасадах расположены асимметрично, что типично для русского зодчества. Фасадная композиция отражает внутреннюю планировку в совокупности с размещением церковных атрибутов. Местоположения оконных проемов и их габариты заданы шириной алтаря, солеи и клиросов, а также наличием двух массивных крестов интерьера.

К началу XX в. Введенский храм был самым древним сохранившимся на территории Сибири, по времени сооружения он уступал лишь Илимской Спасской острожной башне (1667 г.). Возвели церковь в 1673 г. при воеводе Силе Осиповиче Оничкове, который вошел в историю как строитель Илимского острога. Введенская церковь со дня своего построения и до обрушения по ветхости в 1949 г. сохраняла свой первоначальный вид, не перестраивалась и не дополнялась пристройками. Факт этот крайне редкий в церковной архитектуре, значительно повышающий научную ценность памятника в истории русского деревянного зодчества.

Архитектура храма уникальна, она соответствовала ранним традициям русского деревянного зодчества XVII в. с размещением в едином объеме алтаря и кафоликона. Объемная композиция складывалась из разновысоких

живописных срубов с редким в православии двуглавым венчанием. Также самобытен был и интерьер церкви — массивные резные столбы, тябловый иконостас, два массивных креста во всю высоту храма, древние иконы «дониконовской живописи», тусклое освещение через маленькие слюдяные окна. Воссоздание Илимской Введенской церкви и экспозиции «Ленский волок» в музее «Тальцы» позволит реконструировать редкий тип русского православного храма в составе комплекса построек сибирской крепости первых русских первопроходцев, продвигающихся на восток и осваивающих новые земли в середине XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 40.
2. Там же. С. 41.
3. Опись Илимскому городовому и всякому строению нынешнего 1703 г. // Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 55.
4. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 168.
5. Опись Илимскому городовому и всякому строению нынешнего 1703 г. С. 58.
6. Путь от с. Тулуновского на р. Лену. (Илимско-ленский волок) // Иркутские губернские ведомости. 1879. 4 мая (№ 36). С. 5.
7. Опись Илимскому городовому и всякому строению нынешнего 1703 г. С. 59.
8. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 168.
9. Собрание Российских и Сибирских городов. СПб., 1769–1771; Алексеева М. А. Собрание Российских и Сибирских городов. Серия гравюр XVIII в. // Сообщения Государственного Русского музея. Л., 1964. Вып. 8.
10. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 35, табл. 3.
11. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 58.
12. Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд. СПб., 1844. С. 61.
13. Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1913. Вып. 50. С. 128; Попов С. В. Описание древних памятников Илимского острога // Записки и Труды Иркутского губернского статистического комитета. Иркутск: Изд. Под редакцией члена-секретаря Комитета Д. Д. Ларионова, 1868–1869. Вып. IV.
14. Ведомость Илимской Спасской церкви (Киренское благочиние). 1817 г. // ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2105.
15. Ведомость Илимской Спасской церкви (Киренское благочиние). 1830 г. // ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3466.
16. Ведомость Илимской Спасской церкви (Киренское благочиние). 1914 г. // ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14829.
17. Сизой М. Защитный город Илимск, его древние памятники и некоторые черты из его прежней церковной жизни, достойные примечания: (Историко-археологический очерк) // Иркутские епархиальные ведомости. 1883. 29 янв. (№ 5). Прибавления, с. 63.
18. Ровинский И. А. Между Ангарой и Леной // Изв. СОИРГО (Иркутск). 1872. Т. 2, № 4. С. 10.
19. Пономарёв Н. А. Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. С. 34.
20. Клировые ведомости Илимской Спасской церкви (Киренское благочиние). 1914 г. // ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14829. Л. 32.
21. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 58.
22. Чертеж Илимскому городовому и всякому строению 1703 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 201. Д. 1372.

23. Собрание Российских и Сибирских городов. СПб., 1769–1771; Алексеева М. А. Собрание Российских и Сибирских городов. Серия гравюр XVIII в. // Сообщения Государственного Русского музея. Л., 1964. Вып. 8.
24. Ведомость, сочиненная в Ылимской канцелярии по силе присланной промемории Академии наук от господ профессоров и приобщенных при той промемории пунктов о строениях илимского города и о казенном в том городе строении и о артиллерии и о церковах и монастырях и о прочем о чем значит ниже сего // РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 481. Ч. 7. Л. 142.
25. Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд. СПб., 1844. С. 61.
26. Вид церквей и башен заштатного города Илимска // Архив ИИМК РАН. Фотофонд I, 22.55; 0702 (2).
27. Попов С. В. Описание древних памятников Илимского острога // Записки и Труды Иркутского Губернского Статистического Комитета. Иркутск: Изд. Под редакцией члена-секретаря Комитета Д. Д. Ларионова, 1868–1869. Вып. IV.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Ровинский И. А. Между Ангарой и Леной // Изв. СОИРГО (Иркутск). 1872. Т. 2. № 4. С. 10.
32. Там же.
33. Сизой М. Защтатный город Илимск, его древние памятники и некоторые черты из его прежней церковной жизни, достойные примечания. (Историко-археологический очерк) // Иркутские епархиальные ведомости. 1883. 29 января (№ 5). Прибавления, с. 65.
34. Сизой М. Защтатный город Илимск, его древние памятники и некоторые черты из его прежней церковной жизни, достойные примечания. (Историко-археологический очерк) // Иркутские епархиальные ведомости. 1883. 29 января (№ 5). Прибавления, с. 66.
35. Опись имущества Илимской Спасской церкви и часовен Киренского уезда. 1907 // РГИА. Ф. 799. Оп. 15. Д. 861. Л. 5–6.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Султанов Н. В. Остатки Якутского острога и некоторых других памятников деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 24. С. 135.
40. Там же.
41. Там же. С. 136.
42. Там же. С. 137.
43. Пономарёв Н. А. Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне–июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. С. 34–35.
44. Там же. С. 34.
45. Там же.
46. Там же. С. 34.
47. Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1913. Вып. 50. С. 129.
48. Там же.
49. Савватеев Н. Описание древних храмов, церковной утвари и башни, находящихся в заштатном городе Илимске Киренского уезда Иркутской губернии и его окрестностях // Иркутские епархиальные ведомости. 1915. № 11. Прибавления, с. 409–412.
50. Серебренников И. И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск, 1915. С. 7–8.
51. Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1: Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 293.
52. Проект постановления Иркутского губернского исполнительного комитета № (отсутствует) мая 1925 года // ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 768. Л. 1.
53. Акт о передаче инспектору Отдела охраны памятников искусств и старины Иркутского государственного областного научного музея Ф. Э. Караптонис от 14 августа 1925 г. // ГАИО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 169. Л. 79.
54. Леонов Г. А., Леонова Т. Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск, 2009. С. 268, 342; рис. 176, 177, 182, 200, 201, 202.
55. Переписка по делам охраны памятников искусства и старины. 1933 г. // ГАИО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

56. Постановление Совета Министров РСФСР от 22 апреля 1948 года № 503. Приложение // ГАИО. Ф. р-3161. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
57. Акт обследования исторических зданий в с. Илимске Н.-Илимского района Иркутской области. 15 апреля 1948 г. // Архив Иркутского областного художественного музея. Инв. № 248 ПИ-40.
58. Там же.
59. Там же.
60. Выписка из протокола от 26/VIII–1948 г. общего собрания партактива с. Илимск // Архив Иркутского областного художественного музея. Инв. № 248 ПИ-40.
61. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 56; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 2001. С. 17.
62. Письмо Г. И. Дудина председателю Илимского сельсовета Н.-Илимского района т. Оглоблину А. В., секретарю Илимской парторганизации т. Барабанникову А. С., представителю Н.-Илимского райисполкома т. Юмошеву П. С. 26 августа 1949 г. // Архив Иркутского областного художественного музея. Инв. № 248 ПИ-35.
63. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Земля Иркутская, деревянная... М.: ОПОЛО, 2004. С. 204–205.

E. P. Ладейщикова

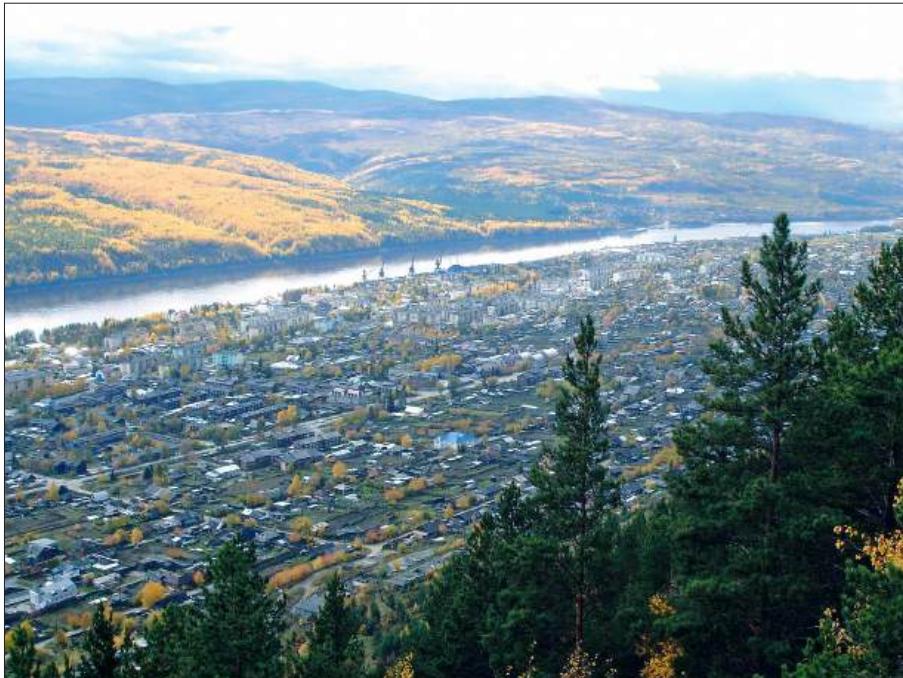
**БОДАЙБО — ГОРОД. ОСОБЕННОСТИ
ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ**

Реализация программы развития АЭМ «Тальцы» по сохранению и трансляции артефактов материальной и духовной традиционной культуры всех этносов и этнических групп, проживающих в Предбайкалье, а также особенностей экономико-хозяйственной деятельности была бы не полной без показа такой важнейшей отрасли как золотопромышленность. Значение и важность этой отрасли сложно переоценить как для Иркутской губернии, так и всей России в целом. Разработка россыпей в Лено-Витимском районе началась в середине XIX в. и к началу XX в. здесь уже добывалось до 70% российского золота.

Учитывая огромную значимость золотодобычи для развития края, АЭМ «Тальцы» планирует создание Витимской золотопромышленно-промышленной экспозиционной зоны [1]. В экспозиции предполагается показ процесса добычи золота промышленным и лоточным способами. Также будет реконструирован фрагмент приискового поселка с характерными жилыми землянками и бараками и некоторыми казенными объектами, такими как золотосплавочная лаборатория, контора и пр.

В разное время сотрудниками музея проводились натурные исследования, изучались исторические материалы, связанные с золотодобычей, имеется ряд публикаций [2]. Сама тема развития золотодобычи в Витимском крае чрезвычайно интересна и многогранна, но есть аспекты, не попадавшие ранее в поле зрения исследователей, а именно — градостроительные особенности приисковых поселений. А особенности эти значительны, и приисковые поселения кардинальным образом отличаются от любых исторических населенных пунктов.

В настоящей статье речь пойдет о появлении и развитии столицы Витимского золотопромышленного края — города Бодайбо и о факторах, повлиявших на своеобразие его градостроительной структуры. Бодайбо с полным правом можно отнести к одной из разновидностей моногородов, возникавших рядом с местами нахождения полезных ископаемых (в данном случае золота), основной функциональной ролью которых было обслуживание этих месторождений. Даже при кратком знакомстве с этим городом очевидны некоторые особенности планировочной структуры и застройки, отличающие его от большинства других обычных исторических поселений. Так, в частности: историческая застройка этого прибрежного поселения, а именно к этому типу относится Бодайбо, не имеет ориентации на реку; сетка улиц, расположенных в прибрежной зоне, отсеченной железной дорогой, не координируется с разбивкой улиц в северной части города (не совпадают поперечные улицы); не имеется исторических усадебных комплексов с традиционным зонированием и обычным набором усадебных построек (при этом ясно, что дело не в перестройках и утратах более позднего времени); в прибрежной части города сохранились крупные участки с многочисленными складами и большие пространства, явно застроенные лишь в советское время. Обращает на себя внимание и контраст — наряду с добротными историческими строениями встречаются здания с низким качеством исполнения и убогой, упрощенной архитектурой, явно появившиеся изначально как временные. Очевидно, что город развивался по своим специфическим законам.

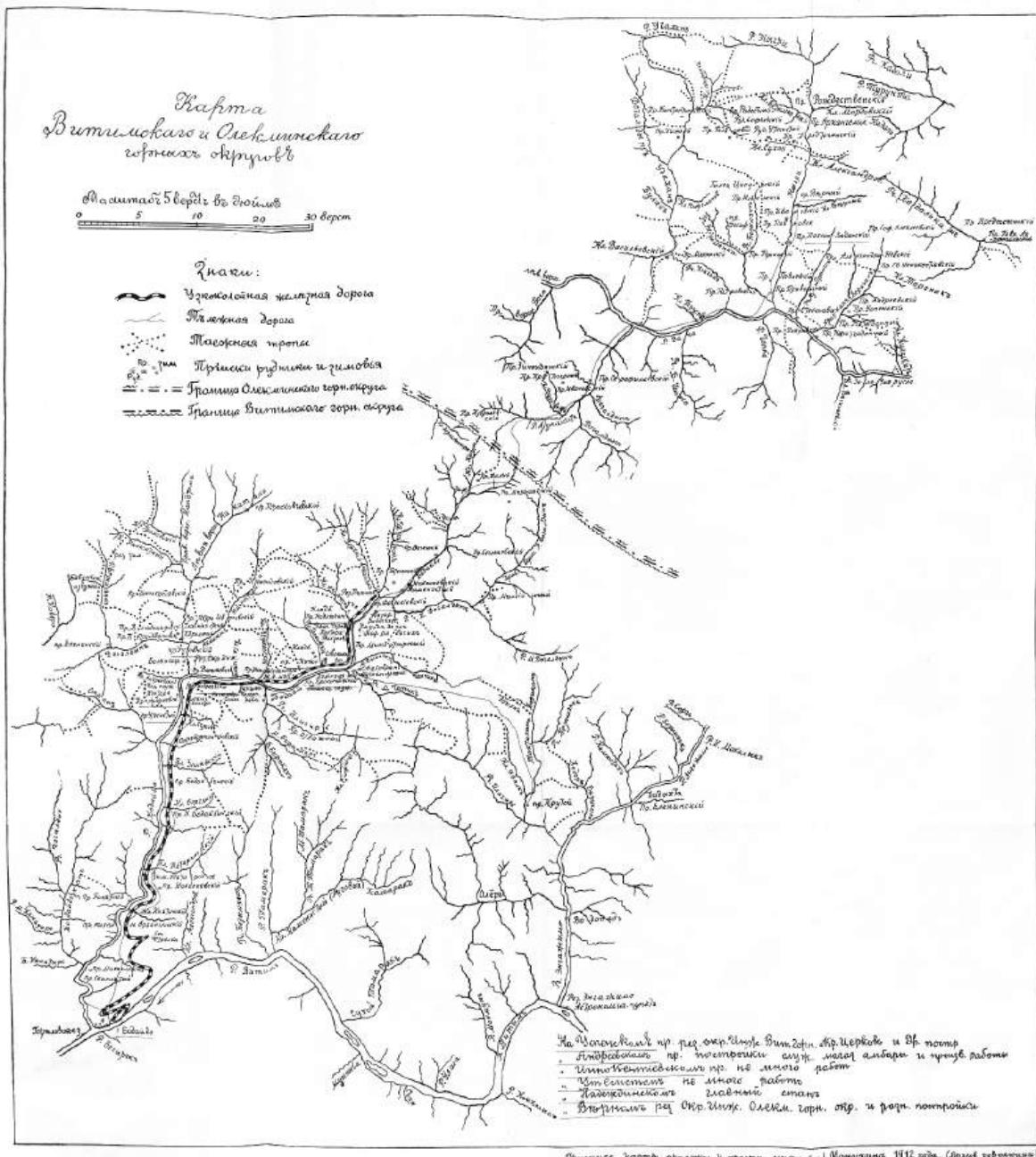
Ил. 1. Панорама современного города Бодайбо. Вид с северо-востока

Ключ к пониманию исторической застройки города Бодайбо дает история его возникновения и особенности развития в первые несколько десятилетий. Изначально это поселение появилось и развивалось не как жилое, а как своего рода хозяйственная база для обслуживания золотых приисков, расположенных в бассейне реки Бодайбо. Все последующее его существование также напрямую связано с золотодобычей и обеспечением этого процесса.

Напомним, что активное освоение этой отдаленной северной территории началось в середине XIX в. и было связано с открытием в 1846 г. рассыпного золота в верховьях р. Хомолко (система рек Хомолко–Жуя–Чара–Олекма–Лена) — Олекминский горный округ (ил. 2).

В Витимском горном округе в верховьях реки Бодайбо золото было открыто чуть позже — в 1863 г. поисковой партией иркутского купца Михаила Александровича Сибирякова (ил. 2). На тот период эта территория имела статус «государственных пустопорожних земель» и фактически не была освоена русскими. Здесь обитали кочующие роды тунгусов и эвенков. По легенде именно кочевые охотники, хорошо знавшие местность, привозили на торговые ярмарки золотые самородки, побудившие начать в этих местах активную разведку золота.

Первый отвод в Витимском горном округе по реке Накатами (приток р. Бодайбо) под будущий прииск Благовещенский был заявлен иркутским купцом М. А. Сибиряковым [3] 27 июня 1863 г. Одновременно, доверенный Сибирякова казак Иван Новицкий застолбил участок под названием Стефано-Афанасьевский на правом берегу реки Витим, немного выше устья р. Бодайбо. В те времена заявка на отвод прииска обозначалась в натуре вкопанным столбом с вырезкою на нем первых двух букв имени и фамилии золотопромышленника [4]. По закону отвод заявленного участка должен был производиться в течение одного года. И почти в установленный срок — 20 июня 1864 г. отвод был отмежеван, и утвержден 30 декабря 1864 г. Участок Сибирякова «располагался вдоль реки Витим от ключа (около нынешнего здания "Лензолото" на протяжении 1067 м и имел ширину 217 м /общая площадь

Ил. 2. Карта Витимского и Олекминского горных округов.
Приводится по: http://irkipedia.ru/content/lenskie_zolotye_priiski

23,2 га/. На этой площади сейчас находится управление ОАО "Лензолото", почта, церковь, музей, стадион, территория ЗАО "Светлый")» [5]. Именно этот участок и дал начало будущему городу Бодайбо.

Место под отвод участка было выбрано далеко не случайно. Основным критерием в условиях безлюдной местности и полного отсутствия каких-либо транспортных артерий была возможность создания здесь транспортного узла для связи приисков с хозяйственными центрами края. И поскольку речное сообщение было фактически единственным возможным, то и было выбрано место слияния двух водных артерий — золотоносной реки Бодайбо с ее многочисленными притоками, где находились основные месторождения, и судоходной реки Витим [6], правого притока р. Лены, связывающих эти месторождения с «большой землей» [7].

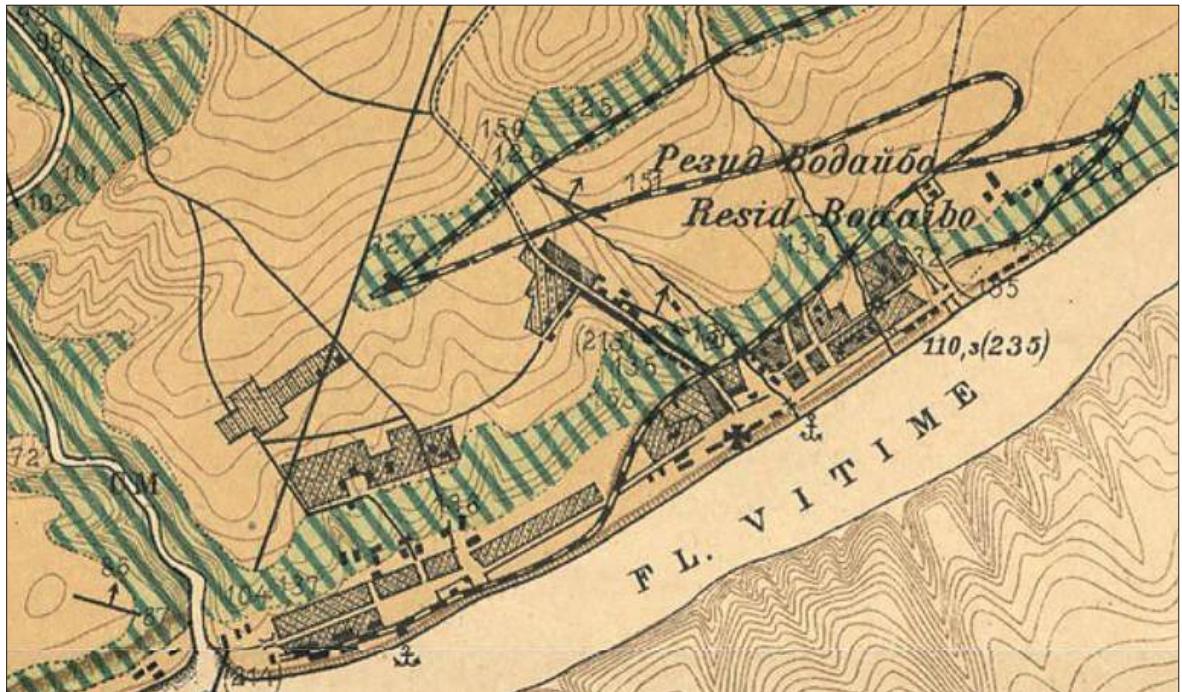
Создание на берегу Витима своеобразного перевалочного пункта с причалами, складами, жильем, оказалось очень удачным решением, и вслед за Сибиряковым и другие золотопромышленники начали отводить участки по соседству на берегу, также для устройства своих резиденций. Участки отводились довольно крупные, нередко с перспективой последующего освоения. Впоследствии все поселение, состоящее из совокупности отдельных землеотводов, получило общее наименование «Бодайбинская резиденция». В соответствии с толковыми словарями, значение слова «резиденция» — местопребывание правительства, главы государства, высокопоставленного лица. И в данном случае название, как ни странно, довольно точное, и означает — место управления прииском и обеспечения его функционирования.

Первостепенное значение берега задало основной вектор развития поселения — вдоль реки. Именно здесь — от устья р. Бодайбо в восточном направлении базировались участки с многочисленными причалами и складами. От берега берет начало и сухопутный тракт, ведущий к приискам — второй важнейший вектор развития (современная главная улица Мира, бывшая Советская, бывшая Большая Коммерческая). Тракт начинался от резиденции Сибирякова и далее следовал в северном направлении вдоль оврага и ручья. Как своеобразная точка отсчета пути на прииски в 1876 г. на берегу была построена церковь Рождества Христова [8].

Свою роль в формировании планировочной структуры поселения сыграл и природный рельеф. Современный город занимает южный склон сопки, понижаящийся к берегу. Склон разделен на две наклонные платформы с перепадом по современным улицам Урицкого, Красноармейской и Березнеровского переулка.

Первоначально поселение развивалось на нижней платформе вдоль берега Витима. К концу XIX в. его северная граница совпадала с местом перепада рельефа. Эта граница в 1890-х гг. была жестко зафиксирована линией одноколейной железной дороги, проложенной вдоль современной улицы Урицкого, что на какое-то время послужило своего рода искусственным препятствием для естественного роста поселения в северном направлении. Отсюда нестыковка выходящих на ул. Урицкого поперечных улиц, расположенных на нижней и верхней платформах (севернее и южнее этих улиц).

Строительство железной дороги, связывающей Бодайбинские резиденции с приисками, было делом чрезвычайно важным [9], оно не только позволило решить массу проблем, связанных с доставкой грузов и рабочей силы и вывести золотопромышленность на новый более высокий технический уровень, но и в свою очередь повлияло на планировку будущего города. Дорога была проложена непосредственно по берегу Витима вдоль причалов от русла р. Бодайбинки, разветвлялась и, обходя участок Сибирякова, следовала вдоль современной улицы Урицкого на восток, далее серпантином поднималась по сопке и уходила в северном направлении к приискам. Небольшое ответвление было проложено вдоль берега по участку Сибирякова. В восточной оконечности резиденций был разбит небольшой станционный поселок с вокзалом, бараками для железнодорожников, а также депо, мастерскими, кузницей, лесопилкой, водонапорной башней и пр. В этом месте была создана целая паутина ответвлений железнодорожных путей, обслуживавших, в том числе, и частные береговые участки. Со временем территория отвода железной дороги и станционный поселок вошли в состав города, а сама дорога стала одним из важных факторов, повлиявших на развитие планировочной структуры будущего города.

Ил. 3. Фрагмент «Геологической карты Ленского золотоносного района». 1901 г.

Наглядное представление о начальном периоде развития Бодайбо дает «Геологическая карта Ленского золотоносного района. 1901 г.» [10] (ил. 3). При всей схематичности и условности изображения, этот документ довольно точно передает характер поселения: показаны крупные участки резиденций, сухопутный тракт, железная дорога, места причалов. На данный момент это одно из наиболее ранних изображений будущего города.

Отвод участков на месте будущего города имел свою специфику, что также сказалось на планировочной структуре. Дело в том, что первые отводы делались именно для устройства резиденций, однако по документам эти участки фигурировали как горные отводы, перспективные для золотодобычи. Все дело было в разнице цен и условий на отводы. По действующему законодательству под резиденцию можно было получить ограниченную территорию (10 десятин земли) за довольно большие деньги, а «...под горный отвод — хоть 100 га и по пониженной цене...» [11]. Этим объясняются довольно крупные размеры и форма первых землеотводов, а также местоположение — непосредственная близость к судоходному Витиму и расположение вдоль него. Первоначально отводы участков делались непосредственно вдоль берега, позже начала появляться и вторая линия застройки. К началу XX в. отдельные участки имелись и в отдалении от берега (ил. 3).

Ориентации застройки на берег Витима не было изначально. Берег имел ценность прежде всего утилитарную — здесь базировались пассажирские пристани, хозяйствственные причалы, склады разного назначения и пр., и пр.

Специфический способ хозяйствования привел к кардинальным отличиям от обычных жилых поселений. Здесь не было привычной решетки улиц, усадебных комплексов с традиционной планировкой и набором строений. Более того, первые десятилетия поселение развивалось без какого-либо предварительного плана путем добавления разных по габаритам и форме отдельных землеотводов, подчиняясь рельефу местности и сложившейся системе дорог-связей. В промежутках между этими отводами располагались проходы

Ил. 4. Берег Витима. Фотооткрытка начала XX в.

и проезды, которые в дальнейшем легли в основу планировочной структуры исторического ядра города.

Дальнейший рост поселения осуществлялся в северном и восточном направлениях. В северном направлении в первую очередь начала осваиваться территория вдоль сухопутного тракта — будущая главная улица Мира. С первых лет заселения здесь, севернее современной улицы Урицкого, по обе стороны от тракта и чуть в стороне находились старые кладбища. Со временем непосредственно вдоль тракта начали появляться отдельные постройки (ил. 4), вытянувшись до второго изгиба железной дороги — район современной улицы Труда. Причем в основном это были именно отдельные постройки без усадебных наделов.

Практика отводов и оформления участков земли как «приисковых отводов» существовала до конца 1890-х гг. и, вполне целесообразная поначалу, в итоге послужила значительным неудобством для населения и сдерживающим фактором развития поселения. Количество разного люда, прибывающего в Бодайбинские резиденции, довольно быстро и бесконтрольно увеличивалось. Одни следовали транзитом на прииски и обратно, другие желали поселиться на разные сроки

Ил. 5. Пассажирская пристань на берегу Витима. Фотооткрытка начала XX в.

в самой резиденции. Соответственно, для прибывающих на время требовалось временное жилье, которое нужно было арендовать. Для желающих остаться на более длительный срок требовалось постоянное жилье. Но в этом-то и состояла основная сложность. Рынок арендного жилья был несопоставимо мал. Но еще большая проблема вставала перед желающими построить собственное жилье. Существующий статус поселения не предполагал свободного выделения участков для желающих. О сложностях законного отвода земли было сказано выше. Фактически отвести новый участок под строительство было невозможно. Строить и арендовать постройку можно было только на уже отведенных землях, принадлежавших частным лицам и компаниям. История сохранила многочисленные упоминания о непомерно высокой арендной плате и кабальных условиях. Например, известно, что иногда арендная плата за десятину земли доходила 600 руб. в год, в то время как собственники резиденций выплачивали казне только 10 руб. в год и пр., и пр.

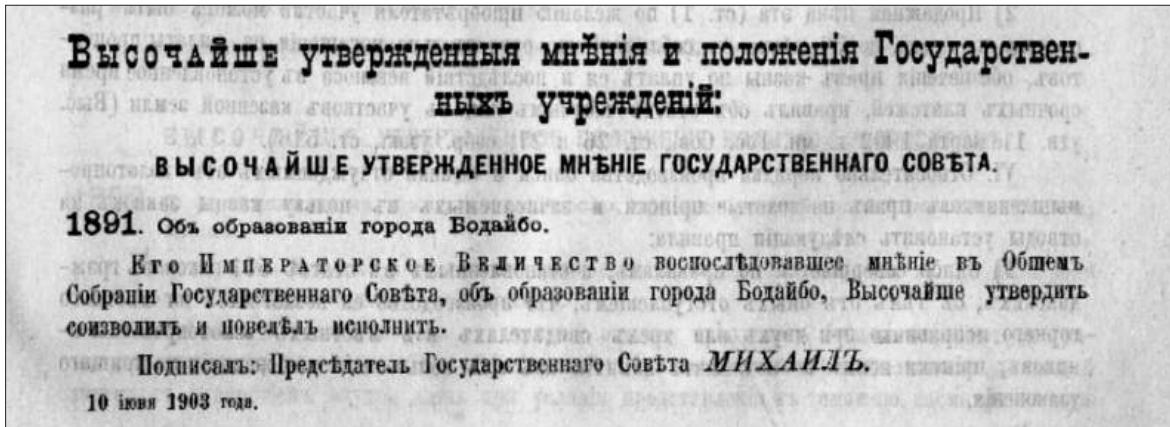
Существовал и еще один вариант — строительство на самовольно захваченных участках вне территории резиденций, но это было уже прямым нарушением закона, и застройщики рисковали в любой момент потерять недвижимость. Естественно, что строительство на арендованной земле и тем более на самозахваченных участках, как и любое временное, не отличалось ни добротностью, ни качеством.

С ростом поселения земельные и имущественные проблемы нарастили и к началу XX в. пришли к непреодолимым противоречиям. Разрешить этот вопрос могло только изменение статуса поселения, а именно — получение статуса города. В этом случае, помимо прочего, появилась возможность отвода дополнительных новых территорий, упорядоченного заселения, свободного получения земельных наделов, регламентации строительства.

В 1901 г. на имя иркутского военного генерал-губернатора последовал ряд прошений от жителей Бодайбинской резиденции о предоставлении им прав на землю, занятую в резиденции их постройками, и о необходимости введения в резиденции городского управления. Вопрос о статусе поселения довольно долго изучался властями и рассматривался на разных уровнях. Была проведена большая подготовительная работа, в том числе и перепись населения, согласно которой на 1 мая 1901 г. на территории Бодайбинской резиденции находилось 2 766 человек обоего пола [12].

Домохозяев	Мужчин	150 человек
	Женщин	126 человек
Служащих	Мужчин	528
	Женщин	159
Временно проживающих	Мужчин	1074
	Женщин	361
Детей	Мальчиков	185
	Девочек	183
ВСЕГО:		2 766 человек

Число лиц владевших недвижимой собственностью — 82 человека. 38 усадеб было занято самовольно, а остальные по условиям на определенный срок и только некоторые бессрочно [13].

Ил. 6. Собрание узаконений и распоряжений правительства.
1903 г., № 120, отдел первый, ст. 1891

В итоге рассмотрения всех «за» и «против», оценки перспектив добычи золота, в 1903 г. был подписан указ о присвоении поселку «Бодайбинская резиденция» статуса города.

История основания города неоднократно и очень подробно описана разными авторами, здесь же отметим, что присвоение статуса города позволило решить ключевые проблемы поселения. Согласно Собранию узаконений и распоряжений правительства, 1903 г., № 120, ст. 1891, «...Государственный Совет, рассмотрев представление Министра Земледелия и Государственных имуществ об образовании города Бодайбо, мнением положил:

Образовать из возникшего в Иркутской губернии при впадении р. Бодайбо в р. Витим поселка, называемого "Бодайбинская резиденция", город под наименование "Бодайбо".

Проект Высочайшего указа об изъятии отведенных золотопромышленникам золотых приисков, расположенных на землях, предназначенных под устройство города Бодайбо, из пользования отводовладельцев, а равно о зачислении в казну сделанных в той же части заявок на золотые прииски, поднести к Высочайшему Его Императорскому Величеству подписанию...».

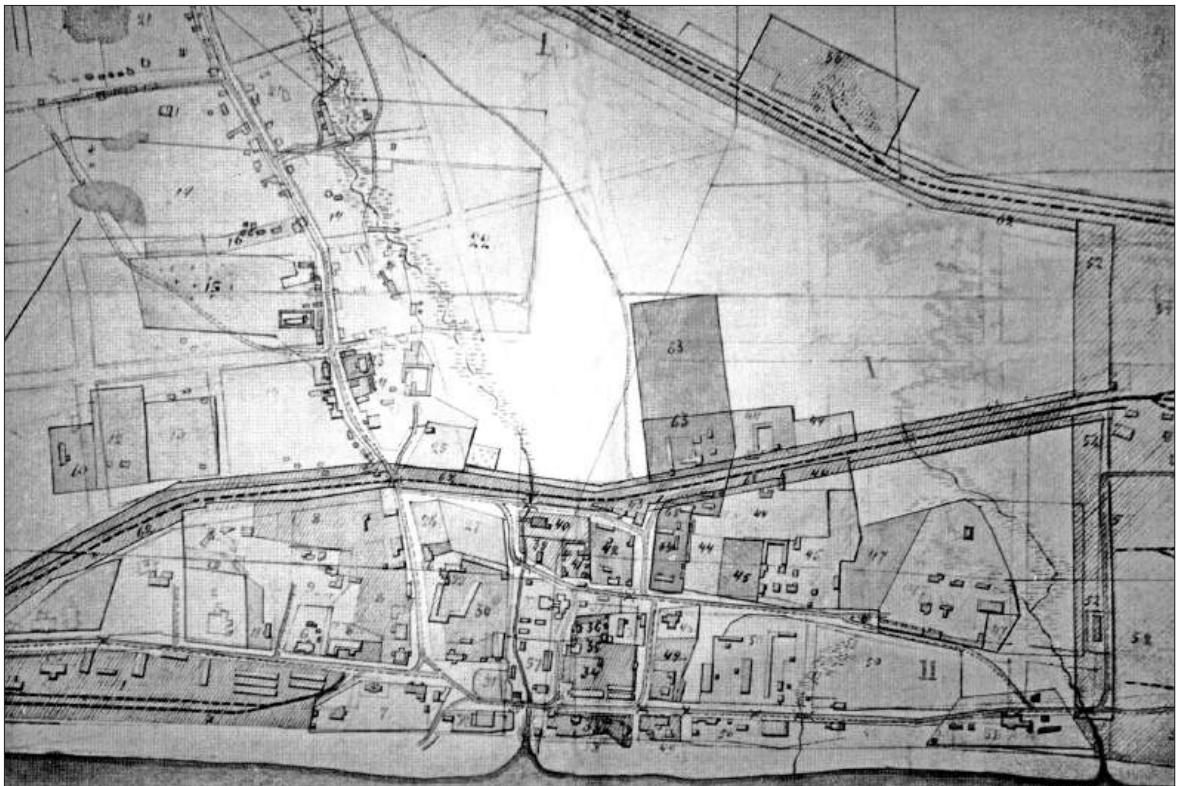
Далее в этом же документе говорилось об отведении для вновь учреждаемого города до двух тысяч десятин казенной земли; определении пространства под селитебную и выгонную площади; выделении участков, занимаемых или предназначенных к занятию казенными учреждениями разных ведомств. Для частных лиц предполагалось:

— Предоставить безвозмездно в собственность отводовладельцев участки, занятые в пределах отводов непосредственно им принадлежащими постройками и сооружениями, возведение коих было начато и окончено до 1 апреля 1902 г.

— Частным лицам, застроившим к 1 апреля 1902 г. участки земли в пределах отводимой городу Бодайбо площади или начавших к этому сроку возведение построек и сооружений, отвести занятые участки в собственность на определенных основаниях (продажная цена участков уточнялась).

Согласно действующему законодательству, статус города требовал разработки генерального плана. В 1904 г. уездным землемером А. Беляевым был составлен первый проектный план города (ил. 7). Этот план интересен прежде всего тем, что на нем зафиксирована ситуация на конец XIX — начало XX в. — обозначены крупные участки резиденций, отдельные строения, система существовавших дорог. Согласно проекту, на вновь отведенной тер-

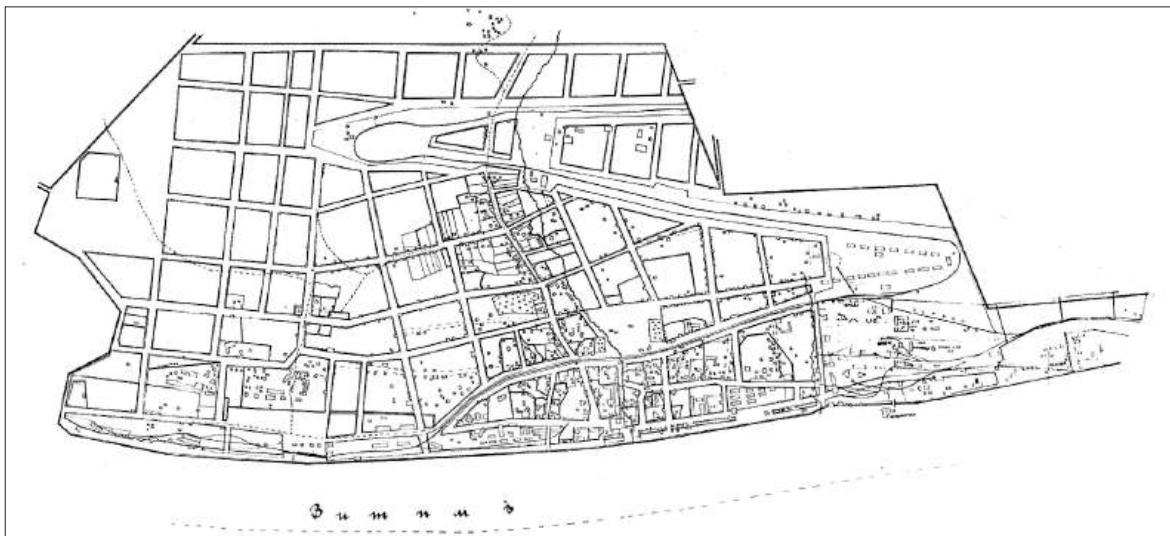
ритории планировалась поквартальная застройка, характерная для городских поселений, пробивка дополнительных улиц по уже сформированной застройке. Самым «больным» и сложным вопросом стала необходимость отчуждения части территорий от резиденций. По проекту под селитебную и выгонную площади предназначалось 1 990 десятин 2 378 кв. саж. земли. Эти цифры вполне соответствовали распоряжению правительства 1903 г., но встретили активное противодействие владельцев земельных участков. В итоге план не был одобрен.

Ил. 7. План 1904 г.

Следующая версия генерального плана «Проектный план города Бодайбо» составляется тем же автором, уездным землемером Иркутской губернии А. Беляевым, в 1907 г. [14]. Согласно этому плану под селитебную часть города предполагается 441 десятина 880 кв. сажен. Проектный план 1907 г. (ил. 8) так же, как и предыдущий предполагал регулярную поквартальную разбивку, частичное спрямление отдельных существующих улиц. Причем в освоенных местах жесткость регулярности корректировалась в соответствии с уже существующей застройкой, сложившимися направлениями, трассировкой железной дороги и рельефом. Более строгая регулярность предполагалась в основном на периферии на вновь отведенных землях. Планом выделялись участки под существующие частные строения и казенные заведения, а также и под вновь планируемые постройки (например, для новой тюрьмы). В стороне от застройки, около западной границы города, было выделено место для нового кладбища. Особо выделялись места для складирования сена.

Согласно проектному плану рост города предполагался в северном и северо-западном направлениях между существующими границами: на юге — берегом Витима, на востоке — железной дорогой и станционным поселком, на западе — руслом р. Бодайбо.

Ил. 8. Проектный план 1907 г.

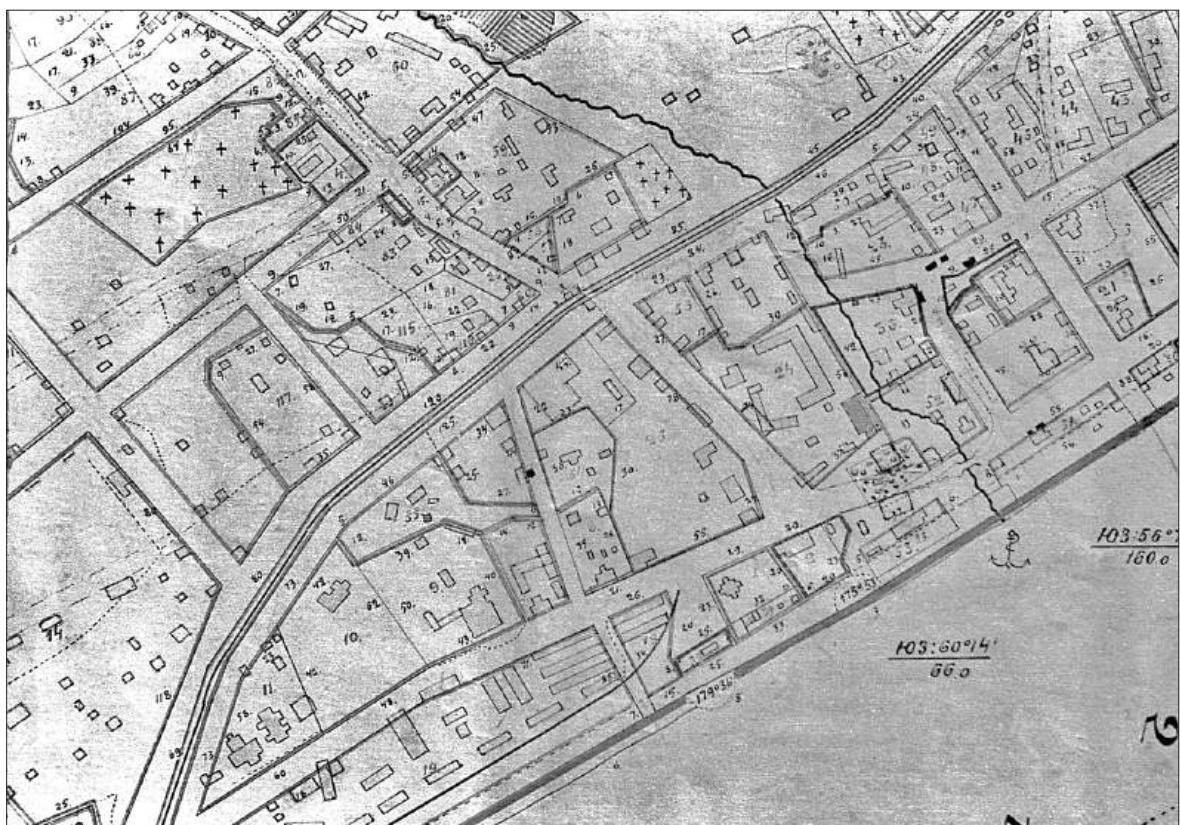
Эта версия городского плана также встретила противодействие. На подлиннике плана зафиксированы протесты представителей Компании промышленности, Ленского золотопромышленного товарищества, представителей города:

В 1910 г. проводилась очередная корректировка проектного плана и вновь это было связано с отводом дополнительных территорий и необходимости отчуждения земли от ранее выполненных землеотводов. Сведений об официальном утверждении окончательной версии генерального плана города Бодайбо начала XX в. на данный момент не имеется. Однако, судя по всему, город развивался в соответствии с проектными предложениями 1907 г. и более поздние корректировки касались в основном увеличения селитебной территории на периферии. План 1923 г. (ил. 9) показывает, что основные проектные предложения были реализованы с небольшими изменениями [15].

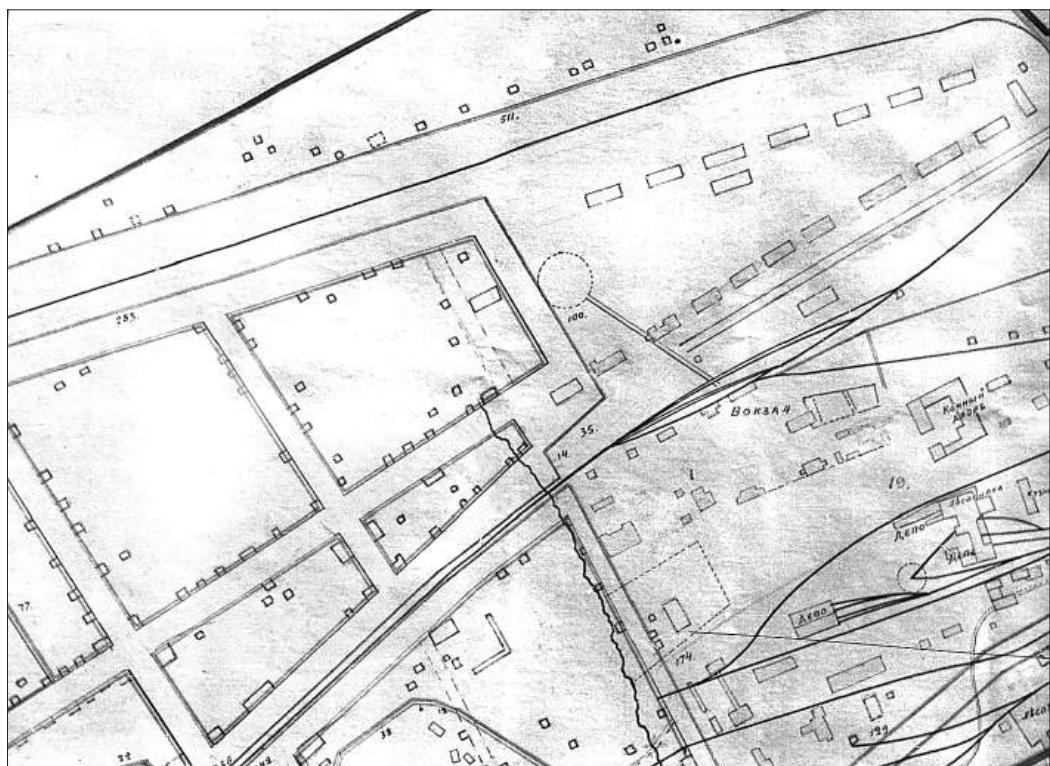
В 1900-х гг. наблюдается количественный и качественный рост города, связанный с привлечением крупного капитала и расширением работ на приисках. Как следствие, увеличивается численность населения, в 1910 г. в Бодайбо на-

Ил. 9. План города 1923 г.

Ил. 10. Фрагмент проектного плана 1907 г. Центральная часть (застройка между линией железной дороги и берегом Витима) и фрагмент главной улицы. Крестами обозначены кладбища

Ил. 11. Фрагмент проектного плана 1907 г. Восточная часть города.
Слева — проектируемые жилые кварталы, справа — поселок железнодорожников,
круглая водонапорная башня, вокзал, депо, конный двор

Ил. 12. Бодайбо. Главная улица. Фотооткрытка начала XX в.

Ил. 13. Бодайбо. Фотооткрытка начала XX в.

считывается уже 6,8 тысяч человек. Возможно, отчасти тому способствовал и новый статус города и юридическая защищенность домовладельцев. В начале XX в. в городе имелись: больница, почта и телеграф, отделение государственного банка, городское управление, реальное училище, женская прогимназия, тюрьма, множество магазинов и лавок. В описаниях города того времени упоминается так называемая «монополька» (заведение для торговли государственной водкой), частный пивоваренный завод, квасоварни, многочисленные кустарные мастерские. Было много заведений обслуживающего характера: цирюльни, бани. По воспоминаниям старожилов был в Бодайбо и городской театр, так называемый «Народный дом». Застройка была в основном одноэтажная деревянная. Фотоматериалы рубежа XIX–XX вв. фиксируют лишь небольшое количество двухэтажных зданий различного назначения и единичные каменные строения.

В настоящее время историческая застройка города Бодайбо представлена немногочисленными зданиями конца XIX — начала XX в., которые неизбежно ветшают и постепенно заменяются новыми строениями. Градостроительная структура — элемент более устойчивый. И сегодня в разросшемся городе считаются планировочные фрагменты начального периода — периода существования отдельных резиденций и регулярная решетка первых проектных планов.

Ил. 14. Панорама застройки г. Бодайбо. Вид с северо-запада.
Фotoоткрытка начала XX в.

Ил. 15. Панорама Бодайбо. Вид с северо-запада.
На первом плане — линия железной дороги. Фотооткрытка начала ХХ в.

Ил. 16. Бодайбо. Улица Горная. Фотооткрытка начала ХХ в.

Ил. 17. Бодайбо. Здание общественного собрания. Фотооткрытка начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тихонов В. В., Нефедьева А. К. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (программа). Иркутск, 2006. С. 61–62.
2. Тихонов В. В. Бодайбинская золотопромышленная историко-культурная зона Иркутской области // Известия АЭМ «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 205–220.
3. По действовавшему законодательству (до 1872 г.) к производству золотого промысла (разведке и добыче) допускались потомственные и личные дворяне, почетные граждане, купцы 1-й гильдии и лица, имевшие свидетельство этой гильдии, и пр.
4. Лоранский А. Наши законы о золотодобычи до 1872 года // Золотодобыча. 2008. Май (№ 114) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zolotodb.ru/article/10112> (дата обращения: 28.03.2019 г.).
5. Мунгалов Н. Бодайбо как городу — 100 лет // Земля Иркутская. 2003. № 1 (21). С. 27.
6. Витим — крупная река, длина — 1 837 км с площадью бассейна в 227 тыс. км², является правым притоком р. Лены. Вскрывается р. Витим у г. Бодайбо в середине мая, замерзает во второй половине октября, подо льдом находится около 200 дней в году. Навигационный период длится около 100 дней.
7. Из Иркутска к приискам Витимского горного округа можно было попасть, следя сначала по сухопутному тракту до Качугской или Жигаловской пристаний, затем по р. Лене и далее вверх по р. Витим.
8. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII — начало XX века. М.: «Галарт», 2000. С. 195.
9. В 1893 г. в адрес иркутского генерал-губернатора от Витимско-прибрежной Компании и Компании промышленности последовало прошение о строительстве узкоколейной железной дороги. В 1894 г. был произведен отвод участка и в 1895 г. началось строительство. Общая протяженность дороги — 45 верст.
10. Геологическая карта Ленского золотоносного района. 1901 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=794> (дата обращения: 28.03.2019 г.).
11. Мунгалов Н. Бодайбо как городу — 100 лет // Земля Иркутская. 2003. № 1 (21). С. 27.
12. Торшина Н. Г. Дворец культуры г. Бодайбо. Историко-архивные и библиографические исследования. Иркутск, 2018. С. 9 // Архив ЦСН.
13. Мунгалов Н. Бодайбо как городу — 100 лет // Земля Иркутская. 2003. № 1 (21). С. 29.
14. Находится в Бодайбинском городском краеведческом музее им. В. Ф. Верещагина.
15. «План г. Бодайбо с разделением земельных участков как учреждений, так и частных владельцев. Съемка производилась и составлялся план в 1923 г. чертежной Бодайбинской железной дороги».

B. B. Тихонов

**ПЕРСПЕКТИВА АКТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПЕРИОДА
СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Вопросами актуализации историко-культурного потенциала этносов и этнических групп, проживающих на территории Иркутской области, автор занимался в процессе проводимого историко-культурного зонирования региона для дальнейшего использования полученного материала при создании экспозиций в этнографических музеях под открытым небом регионального, муниципального и локального (усадебного) масштабов. Миграционные процессы на территории региона происходили в течение практически всего периода существования цивилизации с той или иной степенью интенсивности, но лишь переселенческая политика царской России, известная как Столыпинская аграрная реформа начала XX в. обозначилась такой массостью, что население региона, по статистическим данным, увеличилось с 1897 по 1914 гг. почти в 1,8 раз [1]. При естественном приросте на это понадобилось бы около 50 лет. В период Столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.) в Сибирь переселилось 2,3 млн переселенцев, из них в Иркутскую губернию — 104 тыс., это 18,5 тыс. семей. Наличие на начало XX в. в Иркутской губернии такого сообщения с Центральной Россией как Транссибирская железнодорожная магистраль позволяло перевезти в Сибирь и, в частности, в Иркутскую губернию большое количество переселенцев. Льготный железнодорожный тариф в три раза меньше обычного, составлявший 0,3 коп. за версту, также способствовал более интенсивному переселению [2].

В результате инвентаризации свободных для ведения сельского хозяйства земель, в основном в полосе около 100 км вдоль железнодорожной магистрали на юге региона и по Якутскому тракту, только в Нижнеудинском, Балаганском и Верхоленском уездах было распределено 1 498 788 десятин земли, что составило 83 % земель переселенческих участков. Даже на бурятских землях в Холатском, Баяндаевском и Ольхонском ведомствах под переселение выделили 89 460 десятин. К 1917 г. в Иркутской губернии под переселенцев отдали примерно около 2 млн десятин [3]. Нарезка земли для переселенцев составляла 15 десятин на душу мужского пола [4]. Наиболее плодородные участки земли раздавались крестьянам, занимавшимся земледелием (украинцам, русским, белорусам и т. д.). Менее плодородные выдавали крестьянам, у которых в приоритете помимо земледелия было еще и скотоводство, например, татарам. Основную массу переселенцев составляли крестьяне, но были и иные категории населения — служащие, мещане, рабочие и т. д. К примеру, пос. Вершина Боянского района образовали переселенцы из безработных шахтеров Домбровского угольного района Царства Польского.

Переселенцам оказывалась царским правительством и финансовая помощь в виде выдачи казенных ссуд от 60 до 100 руб. [5]. Оказывали финансовую помощь и ходокам в размере 25 руб. [6]. Ходоки — это уникальное явление в освоении сибирских территорий. Для осмотра новых для обживания территорий от представителя села, а иногда и нескольких семей, посыпались люди с целью определения условий жизни, регистрации земельных участков за собой и за пославшим их обществом. Нормативным актом-циркуляром (от 20 января 1897 г.) посылка от общества ходоков была обязательной для получения раз-

решения на переселение [7]. Ходоки также получали походные свидетельства на получение льгот, в том числе железнодорожных.

До 1908 г. устройством переселенцев на распределенные участки занимались чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, называвшиеся «заведующими выдворением», в последующем их называли «заведующими землеустройством и переселением» [8]. Указанное управление также занималось прокладкой дорог к выделенным переселенческим участкам, выделением участков и их нарезкой.

В большинстве своем выделяемые переселенцам участки были залесованы или вообще покрыты тайгой, поэтому в первые годы под ведение землепашеских работ требовалось освобождение их от леса — раскорчевка. Переселенческие участки старались нарезать вблизи водоемов (рек и речушек), хотя из-за больших площадей переселенческих участков основным источником воды служили колодцы. Переселенческие поселки представляли квадратные или прямоугольные участки, поделенные параллельными и перпендикулярными улицами шириной от 25 до 40 м. Административные структуры (школы, управы, больницы, культовые сооружения и т. п.) стали появляться по прошествии пяти лет со времени образования переселенческого участка, когда переселенцы обосновались в своих усадьбах. Основная масса переселенцев прибывала с весны по осень. Для первоначального жилья они строили шалаши или маленькие землянки. Последние в последующем использовались как погреба для хранения скоропортящихся продуктов. Первые дома, в особенности летом, строили по архитектурным образцам с мест переселения, и только в последующем, перезимовав, приспосабливали или строили новые дома с учетом суровых сибирских зим, уже используя местные строительные традиции. У основной массы переселенцев набор усадебных построек был одинаков: землянки, жилой дом, стайки, амбары, навесы для скота, колодец. Хотя у разных этносов были значительные отличия.

Проведенные автором в 1995–2015 гг. исследования по татарскому (поволжскому) этносу, переселившемуся в Иркутскую губернию по Столыпинской аграрной реформе, показал, что по числу переселившихся — это четвертый этнос после русских, украинцев и белорусов, сохранивших этномаркирующие составляющие в материальных носителях до настоящего времени. Для выделения основных этномаркирующих составляющих этнической группы поволжских татар по части домостроения, для формирования татарской этнической экспозиции в музее «Талъцы», автором совместно с А. К. Нефедьевой в 1999–2003 гг. был совершен ряд экспедиций по татарским переселенческим селам, расположенным вдоль Транссибирской магистрали: Талые ключи (Нижнеудинский район), Биликтуй (Черемховский район), Шеховское (Аларский район), Черемшанка (Заларинский район), районный центр Залари, а также по Якутскому тракту — пос. Нижняя Слобода (Жигаловский район) [9]. Компактно проживающий татарский этнос, переселившийся в Иркутскую область в период Столыпинской реформы, встречаем в Тайшетском, Нижнеудинском, Чунском, Заларинском, Аларском, Черемховском, Жигаловском и Боянском районах. При обследовании пос. Биликтуй установлено, что территория поселка негласно поделена на две половины. В одной из них живут русские, а через дорогу татары, поселившиеся здесь еще до Столыпинской аграрной реформы. А за счет столыпинских переселенцев татарская часть поселка дополнительно увеличилась. На русской половине поселка была церковь, в татарской половине — деревянная мечеть. Основная масса татарских домов не отличалась от домов, построенных про-

живающим в Сибири населением. За основу этих домов брались клети, очень часто на подклети, размерами по стороне от 4 до 6 м. В дальнейшем к ним делали прируб, имитируя пятистенок, или пристраивали дощатые сени [10]. Пристраивали со стороны входной двери крыльцо, возможно, с навесом. В более позднее время ставили что-то типа веранды. С 40-х гг. XX в. рядом со старым домом более зажиточные хозяева иногда строили новый дом по местному образцу, более просторный, а старый дом использовали в виде летней кухни или зимовья для приезжих гостей или родственников из «города». Кровля первых домов переселенцев была стропильная и крылась мелкой доской или дранкой в три ряда в два слоя. В экспедиции 1999 г. в пос. Черемшанка слышали рассказ сторожилки села о том, что сначала татары дома ставили по своим обычаям, глухой стеной на улицу [11]. Это было связано с тем, что, по их обычаю, мужчины (посторонние) с улицы в окно не могли увидеть женщину в доме. Были дома на подклете с расположеннымными высоко окнами. Иногда на улицу делали только одно маленькое окно со стороны калитки и ворот. Во время приезда в музей «Тальцы» президента Республики Татарстан Рустама Минниханова при рассказе автора об этих особенностях в татарском домостроении одна из членов делегации из пос. Черемшанки, сказала, что помнит такие «двуэтажные» дома. Автор считает, что малолетнему ребенку дома с высоко расположенными окнами (конечно, одноэтажные на подклете) могли показаться двухэтажными. Но у переселенцев того времени двухэтажных домов не строилось. Еще одним внешним отличием татарских домов от домов другого местного населения было отсутствие на окнах наличников и ставней. Наличники и ставни у татарских домов появились позднее, при этом украшений старались делать минимум, в основном в виде геометрических фигур.

Внутри дома практически не было мебели, кроме столов, табуреток и нар. В центре дома чуть со смещением [12] стояла печь, от которой внутреннее пространство дома делилось тканевыми занавесками-перегородками на входную, спальню и кухонную зоны. Нары обычно располагались вдоль стены, которая была напротив входа в дом. Иногда нарь продлевали еще по одной из сторон дома. Вещи складывались и хранились в многочисленных сундуках [13], расставленных как в доме, так и в чулане, располагавшемся в части прируба или, в последующем, в пристроенных сенях. Парадно-выходная одежда развешивалась по стенам. В доме было много ковриков, в том числе на полу. Часто обеденные столики были низкими, за ними сидели на подушках [14]. Имела свою особенность и татарская печь. Часто это было сочетание русской печи или печи с плитой (в более позднее время) с отдельно пристроенной и единственным дымоходом печи под казан. Во дворе усадьбы также практиковали летнюю печь под казан.

Любимым животным татар являлся конь, поэтому в составе усадьбы первоначально появились навесы для лошадей и, в последующем, конюшни. Для содержания другого скота держали стайки, порой по русскому образцу с поветями. Колодцы располагались первоначально на улице, иногда один на несколько домов, позднее стали появляться индивидуальные колодцы в усадьбах [15]. Бани были не у всех. Пользовались соседскими банями, иногда мылись просто в доме. В 40–50-х гг. XX в. стали появляться общественные бани. Татары помимо скотоводства занимались земледелием, сеяли рожь, овес, ячмень и пшеницу. Поэтому в инфраструктуре усадьбы у них строились амбары под зерно. Татары пользовались в основном земледельческой технологией в виде трехполья.

Конфессиональной принадлежностью татарских переселенцев был ислам [16]. Свои религиозные отправления татары осуществляли в мечетях и молельных домах. Мечетей было немного: в Черемхово, Усолье-Сибирском, Иркутске, Нижней Слободе, Биликтуе, Заларях, Кимельте. До нашего времени дошли фотографии мечетей: в Иркутске деревянной и рядом стоящей каменной из бутового песчаника (ил. 1, 2, 3). Все они были построены до Столыпинской аграрной реформы, в конце XIX в. В 1896 г. в Иркутске Шайхулле Шафигуллину губернатором было выдано разрешение на переустройство существующего деревянного дома в мечеть. Ровно через год магометанская суннитская мечеть была открыта. Интересен был минарет, прообразом которого стали минареты татарских мечетей Среднего Поволжья. Столыпинским переселенцам требовалось как минимум три года для налаживания единоличного хозяйства. И только после этого общество переходило на строительство общественных строений. Отсутствие мечетей на участках столыпинских переселенцев татар объясняется очень просто. Переехали в Иркутскую губернию в 1908–1912 гг., пока обживались, наступил 1914 г., Первая мировая война. Значительную часть мужчин забрали на фронт. Поэтому в первые годы строили небольшие молельные дома, на базе дома-клети со стропильной дощатой двухскатной кровлей и дощатым фронтоном. Конечно, в тех немногих населенных пунктах, где уже были мечети, столыпинские переселенцы пользовались ими, как это было в Нижней Слободе. Магометанские общины к 1917 г. уже существовали в селах: Ново-ямское, Биликтуй, Черемхово, Усолье-Сибирское, Голуметь, Залари, Кутулик, Слюдянка, Александровское, Олонки, Манзурка, Тайшет, Нижняя Слобода, Трактовый Курзан, Нижнеудинск, а также в переселенческих участках: Кулиш, Тарея, Черемшанский, Чернореченский, Чичиковский, Ново-Утюмишинский, Харагун, Шаховский [17].

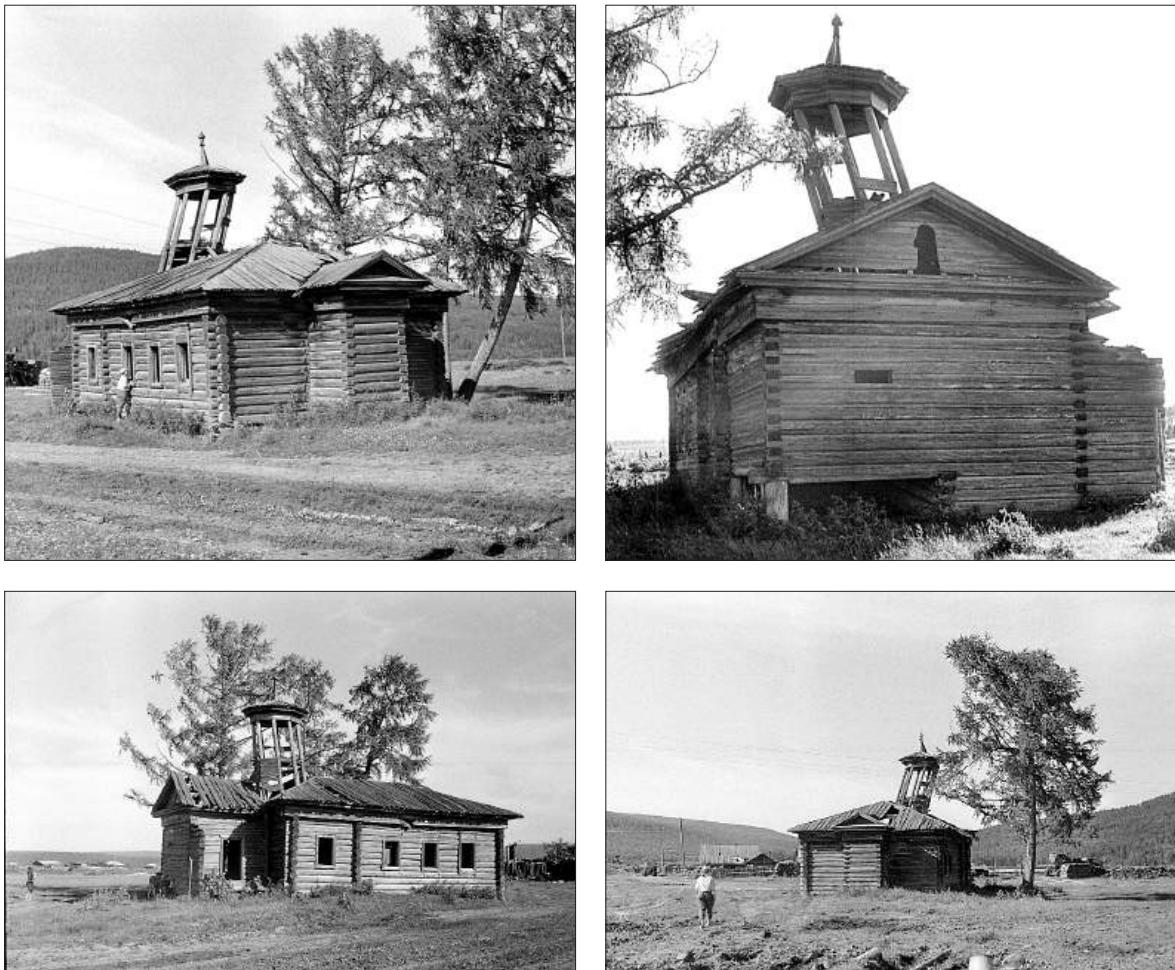
Из всех мечетей наше поколение застало только мечеть в Нижней Слободе и в 1987 г. фактически ее остатки зафиксировало на фотопленку. Это было сделано специалистами ЦСН Е. Р. Ладейщиковой, И. В. Калининой, Л. Г. Басиной во время инвентаризации объектов культурного наследия. В материалах по

Ил. 1. Деревянная мечеть 1897 г. (на первом плане) и каменная мечеть XX в. (на втором плане) в Иркутске.
Фото из архива ЦСН

Ил. 2. Заларинская мечеть. Конец XIX в.
Фото из фондов Заларинского краеведческого музея

Ил. 3. Мечеть в с. Нижняя Слобода Жигаловского района.
Фото Е. Р. Ладейщиковой, 1989 г.

инвентаризации за 1991 г. дано описание мечети: «Расположена в центральной части деревни на открытом пространстве. Одноэтажная деревянная постройка. Основной объем, прямоугольный в плане, рублен из бревен в "обло" и перекрыт двускатной вальмовой тесовой кровлей. Над ним, ближе к северному торцу, устроен восьмигранный открытый минарет под пологим колпаком со шпилем. С южной стороны основного объема — михраб, с северной — сени, рубленные из бруса, под двухскатной кровлей с фронтоном. Вход с западной стороны, акцентирован глухим выпуском торцовой стены сеней. В основе плана стандартная схема: сени — вестибюль — квадратный молитвенный зал с михрабной нишой. Фасадный декор очень скромен. Прямоугольные окна обрамлены рамочными наличниками и горизонтальным сандриком на гладком подвышении. Нижняя часть наличника (подоконая) волнообразного очертания со слегка намеченными прямоугольными подвесками. Верх стен опоясывает дощатый фриз и карниз. Редкий для сел Восточной Сибири пример деревянной татарской мечети» (ил. 4).

На основе выявленных в результате проведенного на территории Иркутской области детального историко-культурного зонирования этномаркирующих составляющих поволжской этнической группы татар, переселившихся на территорию Иркутской губернии по Столыпинской аграрной реформе в 1908–1914 гг., было принято решение о строительстве в региональном Архитектурно-этнографическом музейном комплексе под открытым небом «Тальцы» экспозиции, отражающей материальную, в первую очередь, и в какой-то мере

духовную культуру этой этнической группы, в Переселенческом секторе, где также формируется показ других переселенческих этнических групп того периода: украинцев, белорусов, голендров и поляков. Общая переселенческая экспозиция создается посредством формирования переселенческой деревни за счет аутентичного воссоздания усадеб с перенесенными в них натуральными постройками, выявленными в экспедициях, и строительством отсутствующих сооружений, а также воссозданием отдельно стоящих культовых построек. Учитывая то, что экспозиции татар и поляков имеют культовые постройки, в общей переселенческой экспозиции (секторе) они разнесены по краям формируемого экспозиционного пространства. Татарская экспозиция будет состоять из деревянной мечети (аналог мечети из с. Нижняя Слобода Жигаловского района) и татарской усадьбы, состоящей из жилого дома, стайки, амбара, навеса для лошадей, завозни, бани, колодца-журавля, уличной летней печи с казаном под навесом. Выбор дома не произведен — предполагаются еще экспедиции. Если дом в чисто татарских архитектурных традициях не будет найден, то его придется создавать в новоделе, с глухой стеной на улицу. Вариант использования дома по местному русскому образцу, как это в свое время было сделано автором при создании экспозиции в локальном этнографическом музее под открытым небом «Усадьба польского переселенца периода Столыпинской аграрной реформы Зеленского», где особенности польского этноса были показаны только во внутренних объемах дома, построенного по русскому образцу, исключается. Рабочая документация на мечеть полностью готова, и к ее сооружению планируется приступить после общей земельной планировки переселенческого сектора к концу 2019 г. (ил. 5, 6, 7).

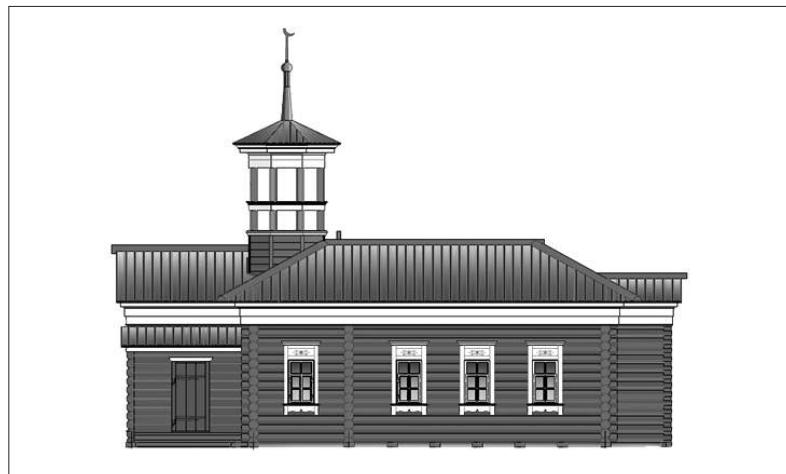
В регионе планируется сохранение в музеефицированном варианте традиционной культуры татарского этноса еще в одном этнографическом музейном комплексе под открытым небом муниципального масштаба — в Баяндаевском этнографическом музее (пос. Баяндай). На сегодня в этом музее представлена

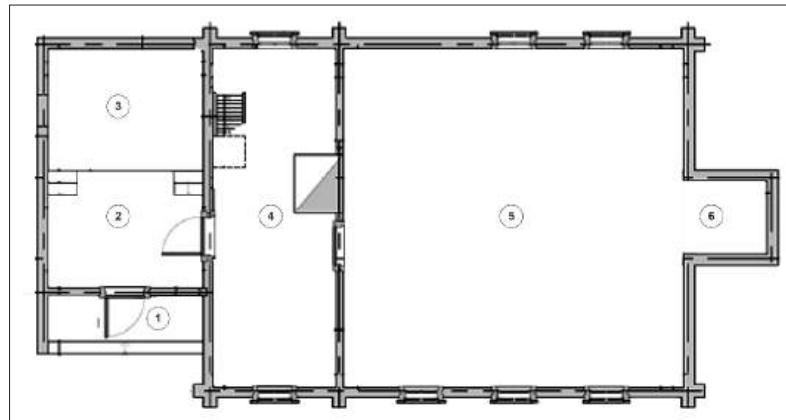
Ил. 4. Нижне-Слободская мечеть. Фото Л. Г. Басиной, 1991 г. Архив ЦСН

Ил. 5. Нижне-Слободская мечеть. Графическая реконструкция.
2017 г. (архитектурная мастерская АРМ-10)

Ил. 6. Нижне-Слободская мечеть. Эскизный проект 2017 г.
Фасад (архитектурная мастерская АРМ-10)

Ил. 7. Нижне-Слободская мечеть. Эскизный проект 2017 г.
План (архитектурная мастерская АРМ-10). 1 — крыльце, 2 — сени,
3 — место для омовения ног, 4 — вестибюль, 5 — молитвенный зал, 6 — михрабная ниша

усадьба (утэг) западных (предбайкальских) бурят. Ведется достройка частично работающей усадьбы белорусских переселенцев. Третим экспозиционным комплексом планируется создание татарской усадьбы. Варианты этой экспозиции пока прорабатываются. В будущем в регионе возможно строительство и локальных (усадебных) музейных комплексов под открытым небом, отражающих традиционную культуру татарского этноса, в местах компактного проживания татарского населения. Во многом последние варианты будут зависеть от инициативы самого населения. И для этого не обязательно бюджетное финансирование. Как показала практика создания локальных (усадебных) музейных комплексов под открытым небом в Иркутской области, это можно сделать и на частные средства, причем не очень большие.

Актуализация историко-культурного наследия этнических групп населения, адаптировавшихся в суровых условиях Сибири, через сеть разномасштабных этнографических музейных комплексов под открытым небом позволит наиболее объективно и наглядно передать будущим поколениям историко-культурный потенциал даже маленьких этнических групп, из которых формируется вся человеческая цивилизация. А сохранение в материальных носителях переселенческой культуры периода Столыпинской аграрной реформы станет материально воплощенной памятью выдающемуся российскому государственному деятелю, реформатору начала XX в. Петру Аркадьевичу Столыпину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тихонов В. В. Перспектива музеификации историко-культурного наследия переселенческого периода Столыпинской аграрной реформы Предбайкалья // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 26. С. 50.
2. Там же. С. 49.
3. Там же. С. 51.
4. Колганова Е. Ю. Этнокультурное наследие столыпинских переселенцев Предбайкалья. Иркутск, 2014. С. 69.
5. Тихонов В. В. Перспектива музеификации... С. 50.
6. Там же.
7. Там же.
8. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 10. Карт. 1064. Д. 2471. Л. 1.
9. Тихонов В. В. Отличительные элементы материального наследия этносов и этнических групп, сформировавших историко-культурный потенциал Предбайкалья второй половины XIX — начала XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 28. С. 92.
10. Колганова Е. Ю. Музеификация сохранившихся элементов традиционной культуры татар Предбайкалья времен Столыпинской аграрной реформы // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2012. № 5 (112). С. 255.
11. Тихонов В. В. Перспектива создания Переселенческой экспозиции в музее «Тальцы» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 186; Тихонов В. В. Историко-культурное наследие Предбайкалья. Иркутск, 2013. С. 176.
12. Тихонов В. В. К вопросу о музеификации и реконструкции традиционной культуры татар Предбайкалья // Современный музей как важный ресурс развития города и региона. Казань, 2005. С. 240.
13. Колганова Е. Ю. Музеификация сохранившихся элементов... С. 256.
14. Колганова Е. Ю. Исследование и музеификация жилищ татарских переселенцев Иркутской губернии времен Столыпинской аграрной реформы // Северные рубежи истории. Екатеринбург; Сургут, 2012. С. 209.
15. Тихонов В. В. Перспектива создания Переселенческой экспозиции... С. 185.
16. Тихонов В. В. Перспектива музеификации... С. 54.
17. Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конца XIX — начала XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2009. С. 152.

E. Ю. Колганова

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПОЗИЦИОННОГО КОМПЛЕКСА
«УСАДЬБА КУПЦА ВОИНОВА» В ТРАКТОВОЙ ЗОНЕ АЭМ «ТАЛЬЦЫ»**

Одной из центральных экспозиций, формируемой в настоящее время в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» в Трактовой экспозиционной зоне, является купеческая усадьба, призванная отразить в музейном пространстве материальную и духовную культуру купеческого сословия трактовых сел Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX в.

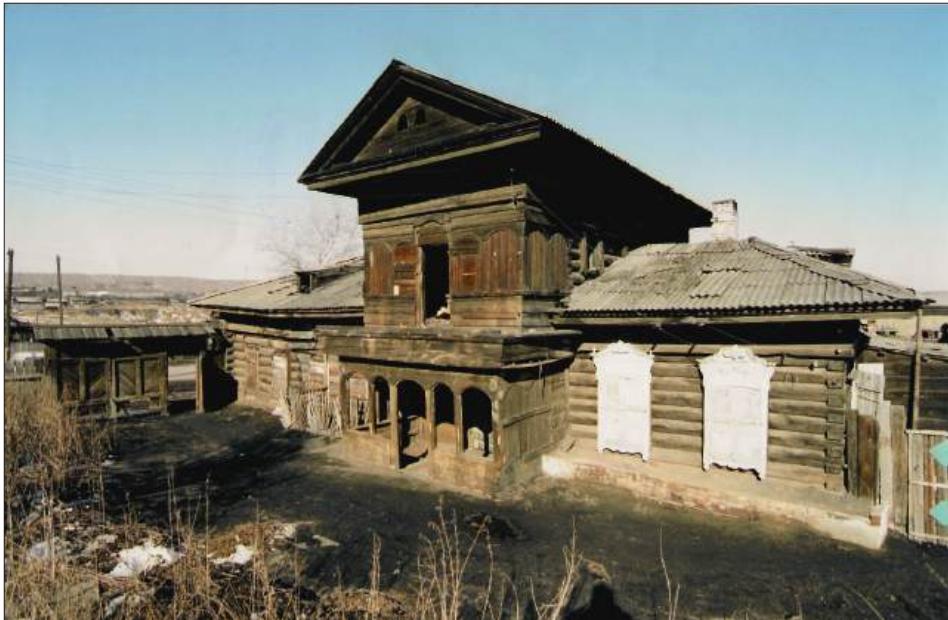
Внушительные габариты купеческих усадеб, количество и разнообразие надворных построек, архитектурное решение домов, их внутреннее убранство являлись своего рода маркером достатка и статуса владельцев, внешним свидетельством размаха их хозяйственной деятельности. К сожалению, в настоящее время купеческие усадьбы с полным набором построек в Предбайкалье не сохранились. После установления советской власти они, как правило, первыми подверглись разорению, оставленные спасающими свою жизнь владельцами, или были значительно перестроены под иные нужды.

Известно, что чем ближе сельское поселение находится к центрам рыночных связей, тем более уклад жизни их обитателей приближается к городскому, в том числе это проявляется в архитектуре и убранстве домов. Во второй половине XIX в. с многократным увеличением численности населения в трактовых селах Иркутской губернии, активным развитием торговли выделяется купеческая прослойка. В крупных селах, таких как Залари, Кутулик, Голуметь, Кимильтей, Зима, Тулун и др., появляются купеческие дома городского типа со сложной планировкой, двухэтажные, с балконами и мезонинами. Такие дома резко выделялись из общего ряда крестьянских построек, часто располагались в центре села, служили его украшением.

В 2004 г. в музей «Тальцы» из пос. Кутулик Аларского района был вывезен один из подобных домов. До революции он принадлежал купцу 3-й гильдии Воинову. Постройка дома относится к последней трети XIX в., он имеет значительные размеры, сложную объемно-пространственную композицию, полученную в результате двух строительных периодов. Основной объем с мезонином был возведен с отступом от линии уличной застройки, позднее к крылу, обращенному к улице, был сделан пристрой под торговую лавку, тогда же дом был украшен барочными наличниками и обшил калеванным тесом. Своеобразие постройке придает балкон мезонина над объемом террасы-сеней, служащий его основанием [1].

О самом купце известно немного. Воинов был выходцем из зажиточной крестьянской семьи. Начал купеческую деятельность с торговли иголками в Монголии: менял их на скот с последующей перегонкой его и продажей в Иркутске, позднее торговал с Монголией мануфактурой, откуда привозил китайскую продукцию. В лавке своего кутуликского дома торговал мануфактурой и продуктами питания, существенный доход приносила торговля спиртным. В начале XX в. Воинов получил статус купца 3-й гильдии. После революции эмигрировал в Китай, умер в конце 1930-х гг. [2].

Состав усадьбы Воинова представлен в описи 1925 г. при ее муниципализации: «дом с мезонином, крытый тесом, и пристрой для лавки по фасаду, флигель и кладовая, пристройки в низовой части дома, амбар трехкамерный

*Дом Воинова, пос. Кутулик Аларского района Иркутской области.
Фото В. В. Тихонова, 2003 г.*

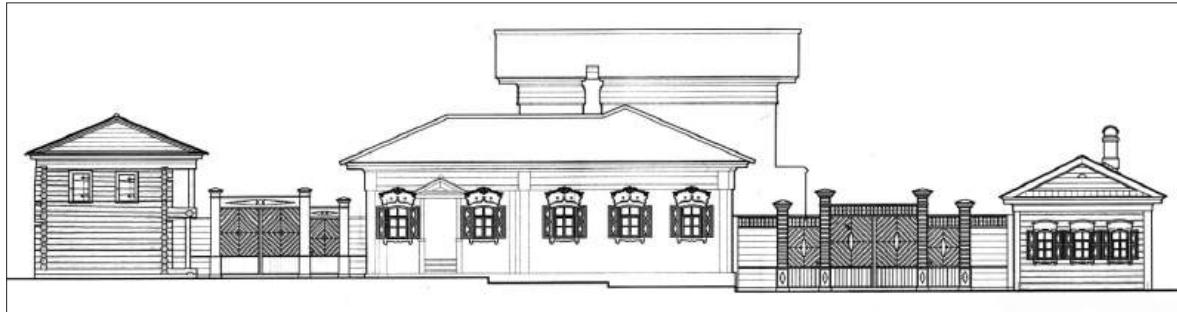
с пристроем кладовой с погребом, баня» [3]. В советское время надворные постройки были частично утеряны, дом искажен пристроями.

В 2012 г. началась работа по реставрации дома на территории Трактовой экспозиционной зоны АЭМ «Тальцы» и созданию усадебного комплекса. Подбор объектов хозяйственной инфраструктуры осуществлялся научными сотрудниками музея во время экспедиционных обследований поселений по Московскому (отмечена малая сохранность надворных построек без изменений) и Качугскому трактам Иркутской области. Объекты, которые не удалось вывезти, воссозданы по аналогам.

Музеефицируемая купеческая усадьба имеет горизонтальную планировку, дом делит усадьбу на чистый и хозяйственный дворы. Для усадьбы характерна плотная застройка надворными службами. В инфраструктуру чистого двора вхо-

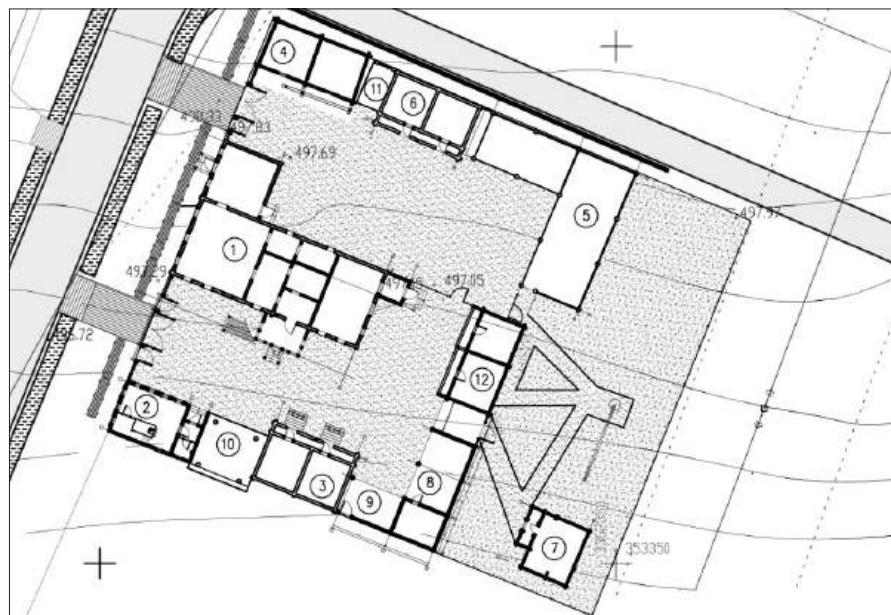
Дом Воинова в музее «Тальцы». Фото Е. Ю. Колгановой, 2018 г.

Развертка усадьбы. Архитектурная мастерская АРМ-10, 2018 г.

дят флигель, навес с погребом, три одноярусных двухкамерных амбара, завозня. Хозяйственный двор состоит из двухъярусного амбара (вывезен из Качугского района — редкий сохранившийся образец амбара с помещением конторы на втором «этаже»), однокамерного амбара, навеса-дровяника, конюшни-завозни. Баня и колодец-журавель будут представлены в огороде, ворота реконструированы по сохранившимся изображениям подлинных ворот в усадьбе Воинова.

Внутренние объемы дома состоят из прихожей, проходной, гостиной-столовой, коридоров, кабинета, спальни в помещении мезонина. Кухня будет представлена во флигеле усадьбы.

Генплан усадьбы Воинова. Архитектурная мастерская АРМ-10, 2018 г.

- 1 — жилой дом, 2 — флигель, 3 — амбар одноярусный двухкамерный,
- 4 — амбар двухъярусный с конторой, 5 — конюшня с завозней, 6 — амбар одноярусный двухкамерный, 7 — баня, 8 — навес, 9 — навес, 10 — навес с погребом,
- 11 — навес-дровяник, 12 — амбар одноярусный

Экспозиция дома будет включать в себя несколько тематических блоков: «Истоки сельского купечества Иркутской губернии» (проходная); «Быт и нравы провинциального купечества Иркутской губернии» (гостиная-столовая); «Предпринимательская и общественная деятельность» (кабинет); «Мир женщины в купеческой семье» (мезонин); «Торговля в трактовых селах Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX в.» (торговая лавка).

Историческими источниками для интерьерного решения дома явились архивные материалы, в том числе описи имущества частных домов, описи приданого; имеющиеся в иркутских музеях предметы, происходящие из жилых интерьеров интересующего нас временного периода; значительный фактический материал почерпнут из мемуарной литературы иркутян.

Комплектование предметов быта для экспозиции дома велось на протяжении многих лет, основными критериями для подбора экспонатов являлось их хронологическое и смысловое соответствие купеческому «звучанию» интерьера. Предметы должны соответствовать достатку и вкусам провинциальных сибирских купцов средней руки: мебель добротная, не столько изысканная, сколько богатая, характерно сочетание предметов разных стилей, получают распространение предметы обихода европейского производства.

Чергой времени было обилие в интерьере предметов мебели, картин, цветов, драпировок, создающих впечатление уюта, но, в то же время, перегруженности пространства. Это хорошо иллюстрируют воспоминания уроженки села Кимильтей, бывавшей в доме купца Якова Метелева (в 1891 г. цесаревич Николай, останавливаясь в Кимильтее, провел две ночи в этом доме, совершая поездку по Московскому тракту в Китай и Индию): «Очень хорошо помню их большой зал-гостиную. Это была огромная комната: вся устлана коврами, вся заставлена кадками с фикусами и олеандрами. По стенам развешаны картины, оплетенные декоративными растениями. На крупных ломберных столиках были альбомы, и тепло-тепло. Не комната, а сказочная оранжерея» [4].

Центром экспозиции усадебного дома является гостиная-столовая, самая презентативная его часть, где собраны предметы, отражающие богатство и высокий статус купца. Внутреннее убранство состоит из дубового обеденного стола и стульев второй половины XIX в.; горки-буфета в стиле модерн (начало XX в.) с парадной посудой, киота с иконами, дивана и кресел. Оконные простенки украшают два одинаковых зеркала с подзеркальными столиками (сохранен родной фацет). Постепенно в домашний быт сельской верхушки входит такой сложный музыкальный инструмент, как фортепиано. В экспози-

Интерьер гостиной-столовой в экспозиции «Дом купца Воинова».

Фото Е. Ю. Колгановой, 2019 г.

Интерьер кабинета в экспозиции «Дом купца Воинова».
Фото Е. Ю. Колгановой, 2019 г.

ции представлен образец фирмы «Oskar Kohler» (Берлин) последней четверти XIX в., экспонат выполнен из массива ореха, украшен резными элементами в виде львиных голов. В интерьере представлен граммофон и часы (не так давно считались редкостью в сибирской провинции, теперь становятся одним из обязательных предметов быта). Главным украшением интерьера служит массивная керосиновая люстра, выполнена из бронзы, снабжена кроме лампы розетками под свечи, сохранен подлинный плафон (50 см в диаметре). Люстра имеет подъемный механизм, позволяющий менять световой поток. Стены в гостиной оклеены обоями (получают массовое распространение), дверные проемы украшают нарядные портьеры бордового цвета в тон обивки мягкой мебели. Элементом «престижной» обстановки является керамическая печь, изразцы для которой изготовлены по образцам сохранившихся печей в иркутских домах рассматриваемого периода (всего в доме воссоздано четыре голландских печи: две керамические — в гостиной и кабинете, еще две, обтянутые жестью, — в помещении лавки и мезонина).

На протяжении XIX в. возникает новая формация купечества — образованных и интеллигентных, многие купцы выписывают книги и журналы, например, заларинский купец Курсанов имел личную библиотеку, которая была доступна для жителей села [5]. Это явление находит свое отражение в экспозиции кабинета купца. В ней представлена традиционная обстановка: книжный шкаф, письменный стол с принадлежностями, бюро. Игровые карты на ломберном столе, чучела звериных голов, муляжи модных в те годы английских охотничих ружей, курительные и кофейные принадлежности, журналы и книги открывают мужской мир увлечений, проникших и в провинциальную купеческую среду.

Также в экспозиции представлен массивный кожаный диван и богатая кровать со спинками, отделанными маркетри из орехового капа (в нашем случае кабинет совмещает в себе функцию спальни, как это зачастую встречалось). Оживит экспозицию оригинальный манекен купца, отдыхающего на кровати с

газетой и курительной трубкой (одежда будет реконструирована по историческим образцам, находящимся в иркутских музеях).

Женская спальная комната находится в помещении мезонина. Предметный ряд составляют характерные дамские атрибуты: столик для рукоделия, будуарный стол, фарфоровый настенный умывальник (Голландия, XIX в.); в красном углу традиционная икона с рушником. Центром композиции является нарядно убранная кровать с пышной периной, одеялами, горкой подушек. Гордостью хозяек была разнообразная вышивка, которая также нашла свое место в экспозиции. Оживит обстановку звучание музыкальной шкатулки и оригинальный манекен купчихи за рабочим столиком.

Комплектование интерьерной экспозиции в настоящее время продолжается, требуется закуп картин и восточных предметов интерьера — в рассматриваемый период в обстановке современниками отмечался «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз, статуэток, картин. В большинстве купеческих семей пили чай из китайского фарфора, на китайских тарелочках подавали десерт из китайских же фруктов и конфет [6].

В экспозиции «Торговая лавка» представлен ассортимент продаваемой во второй половине XIX — начале XX в. продукции в поселениях по Московскому тракту. Современниками была отмечена особенность сибирской торговли в отсутствии специализации по отдельным видам товаров, в лавках продавалось все понемногу, начиная от предметов роскоши и до самых грубых изделий, в одной лавке можно было найти сукно, шелковые материи, холст, чай, сахар, конскую упряжь, скобяные изделия и многое другое.

Духовный мир купечества — традиции семьи, нормы поведения, проведения досуга — будет раскрыт посредством экскурсионной работы и проведения культурно-просветительских мероприятий.

Таким образом, музеефицируемый в настоящее время в АЭМ «Тальцы» типичный для Иркутской губернии второй половины XIX — начала XX в. купеческий усадебный комплекс отразит в себе основные черты хозяйственно-бытового уклада жизни купеческого сословия трактовых сел, а именно, сочетание традиционных устоев и новых веяний, постепенное изменение вкусов, тяготение к городскому образу жизни, проявившемуся как в материальной культуре, так и в духовной. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что именно частности домашней жизни, иногда кажущиеся несущественными, формируют историческое лицо времени, в этом повседневном пространстве, цитируя Юрия Лотмана, «чаще всего развертывается настоящая история» [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щербин В. Т. Комплексное обследование памятников истории и архитектуры поселка Кутулик Иркутской области. Иркутск, Иркутский политехнический институт, кафедра истории архитектуры и основ проектирования, 1986. С. 18 // Архив ЦСН.
2. Тихонов В. В. Перспектива сохранения усадьбы купца Воинова из пос. Кутулик // Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности: сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 226.
3. Там же.
4. Семакин А. Кимильтей жаловал русский царь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikal-info.ru/koreika/2007/48/006001.html> (дата обращения: 25.02.2019 г.).
5. Макогон Г. Н. История одной усадьбы // Тальцы. 2008. № 1 (31). С. 40.
6. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. С. 170.
7. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. С. 13.

A. B. Зиброва

**ТОРГОВАЯ ЛАВКА В ЭКСПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»**

Экспозиционное строительство — основополагающая часть деятельности Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». По сей день в музее продолжается реконструкция трактовой экспозиционной зоны, основная цель которой — отражение материальной и духовной культуры старожильческого населения Предбайкалья, проживавшего вдоль линии Московского тракта в период с середины XIX до начала XX в. Музеефикация культурно-исторической среды происходит посредством подбора и структурирования оригинальных построек — культовых, жилых и хозяйственных, определявших род занятия старожилов: земледелие, торговля, дворничество, извоз, ремесленная деятельность.

На сегодняшний день в составе трактовой экспозиционной зоны музей располагает двумя завершенными экспозициями: «Постоялый двор» и «Кабак». Первая разместилась в стенах дома Усова конца XIX в., вывезенного из села Кимильтей Зиминского района, подробно раскрывающая смысл одного из основных занятий трактового населения — дворничества. Другая — в стенах дома-лавки конца XIX в., вывезенного из села Тулюшка Куйтунского района, основным критерием создания которой стала идея демонстрации сельской торговли, в частности, виноторговли.

Крупное трактовое старожильческое село не обходится без доминанты — культового сооружения. Осенью 2017 г. в музее завершилась реконструкция Троицкой церкви начала XX в., вывезенной из деревни Дядино Жигаловского района. Реставрация внутренних объемов и организация экспозиционного пространства церкви находятся в стадии разработки.

Летом 2018 г. трактовая экспозиционная зона пополнилось новым экспозиционным объектом — торговой лавкой конца XIX — начала XX в., разместившейся в одном из помещений дома Воинова. Актуальность экспозиции обусловлена присутствием характерного для старожильческого населения занятия — торговли.

Повсеместное распространение и развитие сельской торговли в Предбайкалье, в частности в притрактовой полосе, началось в XIX в., чему способствовала политика государства по отношению к населению и ряд обстоятельств, связанных с развитием региона. К внешним факторам развития сельской торговли следует отнести крестьянскую реформу 1861 г., по которой свободные и независимые крестьяне получили право выкупа небольших участков земли и право заключения гражданских сделок; строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, в результате которого в Сибирь хлынул поток крестьян-переселенцев из европейской части России; столыпинскую аграрную реформу начала XX в., наделившую переселявшихся в Сибирь крестьян собственной землей и возможностью занятия фермерством, посредством освоения новых территорий. Внутренние факторы возникают вследствие строительства Московского тракта — основного почтового и торгового пути сообщения, следовательно, тесного взаимодействия между собой трактовых сел и деревень.

Стремительное увеличение численности населения Предбайкалья увеличивало численность вовлеченных в торговлю людей и, соответственно, численность сельских торговых заведений. Так, на последнюю треть XIX в. в трактовых селах и промышленных поселениях Московского тракта работали 136 питейных заведения и 152 бакалейные, мануфактурные и галантерейные

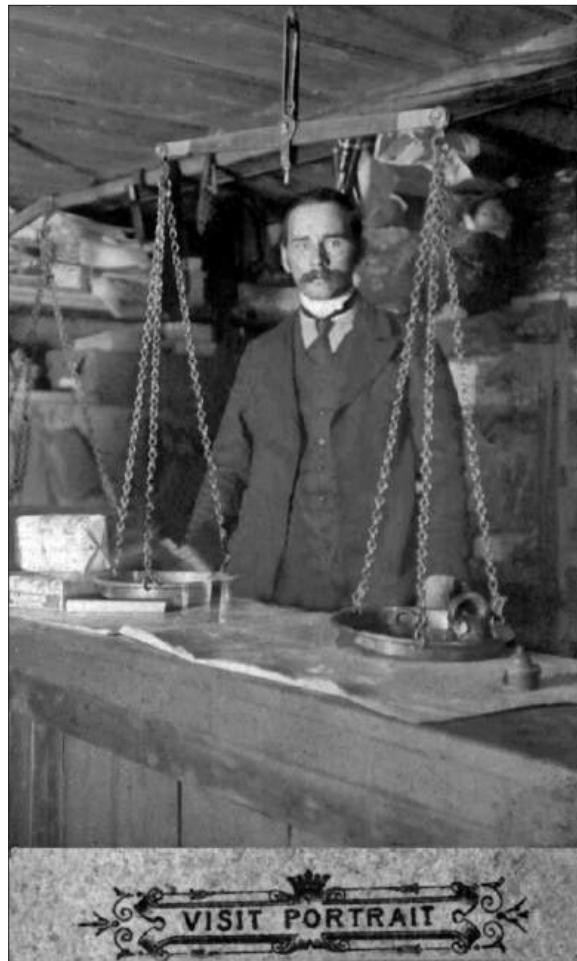
Интерьер торговой лавки. Село Мишелевка, Иркутский уезд, 1905 г.

лавки, что вместе составляло 288 торговых заведения [1]. К концу XIX в. в 32 трактовых селах существовали уже 151 питейное заведение и 169 бакалейных лавок [2].

Несмотря на внушающие цифры, торговых лавок в Предбайкалье по сравнению с центральной Россией было значительно меньше. Так, на 1890 г. Борисоглебский уезд Тамбовской губернии насчитывал 988 торговых лавок, Саратовский уезд Саратовской губернии — 549, Острогожский уезд Воронежской губернии — 910, в двух исследованных округах Иркутской губернии (Балаганский, Нижнеудинский) — 323 лавки [3].

Для открытия торговой лавки предпримчивому крестьянину или купцу требовалось наличие приспособленного под торговые нужды помещения — части собственного жилого дома, а также приобретенные торговый билет и промысловое свидетельство государственного образца.

Размах торговли и разнообразие представленного ассортимента различался в связи с социальным статусом и оборотным капиталом владельца торгового заведения. По сравнению с купеческими, крестьянские торговые лавки не отличались масштабностью, собственно, как и хозяйственная усадебная инфраструктура в целом. Из-за

*Приказчик в торговой лавке.
Центральная Россия,
конец XIX — начало XX в.*

удаленности сибирского рынка от крупных производителей товаров массового потребления, крестьяне-лавочники по большей части торговали продуктом земледелия и товаром промысловой деятельности. В лавку такой товар поступал непосредственно от населения и ремесленников. Потребность в продукции подсобного производства являлась мерой вынужденной, однако имела преимущество — стимул к развитию местных промыслов, в частности, сапожного, кожевенного, бондарного, берестяного, гончарного, шорного, санно-тележного, скобяного и т. д.

Купечество, как правило, располагало торговыми точками в крупных трактовых селах: Урик (купец Б. Швец), Усолье (иркутские купцы Метелев и Щелкунов), Залари (Г. Г. Курсанов), Тыреть (московская купчиха А. И. Гримова), Кимильтей, Голуметь (Г. И. Блаженский, И. А. Можаев) Тулун, Тайшет и т. д. Масштабы деятельности порой достигали такого уровня, что наряду с купеческими торговыми лавками стали появляться купеческие торговые «склады с товаром в населенных пунктах, удаленных от Иркутска на 300 и более километров» [4]. Мелким крестьянам-лавочникам такая перспектива давала возможность не ездить за товаром в далекие Иркутск и волостные центры, а делать закупки на месте, сбывая товар односельчанам с небольшой наценкой.

В Предбайкалье разгар лавочной торговли приходился на период с Покрова до Рождества. С Рождества до Пасхи торговые обороты падали, а покупки все чаще приобретались в кредит. Пик кредитования покупателей приходился на весну, во время покоса и жатвы. За каждый товар, купленный в кредит, покупатель облагался процентом. Долг необходимо было вернуть осенью после сбора урожая или же уложиться в срок до зимы. Оплата кредита производилась не только деньгами, но и хлебом, сырьем, продуктами домашнего хозяйства или изделиями крестьянских промыслов. Однако процедура не являлась прямым обменом, как при меновой торговле. Например, купец составлял расчет денежной стоимости проданного товара и принесенного хлеба (сырья, продуктов и т. д.), а покупатель уплачивал разность деньгами. Такой расчет назывался покупкой «в денежный почет» [5]. Отпускать товар в кредит было выгодным для купца делом. Торговец закреплял за собой постоянную клиентуру, а покупатель при возникших финансовых трудностях получал от него мнимую поддержку. Постоянных и аккуратных в долговых выплатах покупателей хозяин лавки мог поощрять.

Купеческие торговые лавки были наполнены товарами разного рода, будь то бакалея, мануфактура, галантерея, скобяные изделия, чугунная, глиняная, медная или же латунная посуда, стекло, фарфор, предметы интерьера, лампадное масло, вакса, необходимые в быту спички, мыло, свечи, керосин, мясные и колбасные продукты, сыры, рыба, специи и многое другое. Лавочная торговля поражала не только универсальностью ассортимента, но и несовместимостью товарного соседства в одном помещении. Хоть товар и располагался с учетом того, чтобы избежать вредного воздействия друг на друга, при всей аккуратности продажа, например, сахара и керосина в одном помещении, ставила под сомнение соблюдение санитарных норм торговли. Владелец лавки всегда старался больше площади использовать под товар, меньше — для покупателя. В выборе продукции купец не был ограничен, поскольку имел возможность выезжать на крупные ярмарки в большие города и села, соответственно, предлагаемые им товары были намного разнообразней крестьянских, помимо прочего, он мог предложить более дорогой и изысканный товар. Ценообразование в лавочной торговле напрямую зависело от поставщика и места покупки товара.

О внутреннем убранстве торговых лавок можно судить по обширному количеству дореволюционных фотографий, сохранившихся до нашего времени. Обстановка интерьера типичная. Большой прилавок с contadorкой, разделявший пространство на рабочую зону и место для посетителей. Ширина столешницы прилавка с легкостью позволяла торговцу выгодно продемонстрировать свой товар, раскатать рулон ткани или же взвесить продукт на весах. За прилавком — полки для расстановки товара. Габаритные зеркала, самовары, корзины и прочее выставлялись отдельно, чтобы потенциальный покупатель мог по достоинству оценить его качество, а женщины, не отходя от прилавка, смогли полюбоваться отражением в зеркале, оценивая приглянувшийся платок или отрез ткани на платье.

Внутренняя планировка интерьера зависела от размеров помещения, от расположения входа и выхода, от удобства размещения того или иного товара. В расстановке ассортимента всегда присутствовала небрежность.

Для успешной работы торгового заведения купец нанимал служащего — приказчика, в обязанности которого входила непосредственно сама продажа товаров, а также ведение бухгалтерии — конторских книг, куда записывались все расчеты по ведению торговых дел и долговые записи односельчан. Крестьяне-лавочники торговали сами, на содержание приказчика не было средств. Помощь оказывали члены семьи. Однако в каждой такой лавочке непременно присутствовал мальчик на побегушках. Он приносил и отвешивал товар из кладовой, следил за чистотой помещения, топил печь, заправлял керосиновые лампы и выполнял все поручения хозяина. Жалования такие работники не получали, а жили на харчах.

Торговля в лавках производилась с раннего утра и до позднего вечера. Лавки часто становились местом сосредоточения сельской жизни, здесь всегда было многолюдно, народ любил здесь что-либо обсудить.

Учитывая реалии сельской торговой жизни, в музее экспозиция «Торговая лавка» построена с учетом исторической достоверности. Цель экспозиции — создание и демонстрация собирательного образа торговой лавки конца XIX — начала XX в. Как отмечалось ранее, интерьер торговой лавки воссоздан в стенах торгового помещения дома купца З-й гильдии Воинова. Постройка вывезена из поселка Кутулик Аларского района и датирована последней третью XIX в.

Дом Воинова представляет собой деревянный двухэтажный особняк с мезонином. Строение имеет сложную объемно-пространственную композицию: основной объем с мезонином возведен с некоторым отступом от линии основной застройки, а пристроенный по красной линии пятистенок слева выходит за габариты основной постройки. Таким образом, дом имеет Г-образный объем размерами 25 x 30 м. Пристроенный пятистенок служил торговой лавкой и имел отдельное крыльцо для посетителей с улицы. Окна лавки обрамлены барочными наличниками, а обшивка всех объемов постройки произведена калеванным тесом. Вход в жилое помещение оформлен высоким арочным крыльцом с сенями, служащим основанием мезонина. Мезонин в свою очередь украшен балкончиком с окнами.

Планировка купеческой усадьбы и состав надворных построек были определены сотрудниками музея в 2004 г. в ходе проведения экспедиционных научно-изыскательских работ. Дом являлся центром усадьбы. Справа от него на чистом дворе по красной линии располагался небольшой флигель, в глубине двора — амбар одноярусный двухкамерный с погребом. Слева от дома на хозяйственном дворе по периметру размещались амбар двухъярусный че-

Фрагменты экспозиции
«Торговая лавка» в музее «Тальцы»

ные изделия. В реальности при компоновке экспозиционного пространства произошло смешение товарных групп. Так, например, на полки с бакалеей хорошо вписались медные чайники и жестяная упаковка. Фарфор торгового дома братьев Переваловых и Товарищества М. С. Кузнецова соседствует со стеклянной продукцией Тальцинского завода. Рулоны ситца, шелка, штапеля, крашеного льна, сукна и монгольских тканей отлично гармонируют с барабановскими и павловопосадскими платками. Скобяные изделия, чугунная и латунная посуда стоят рядом с корзинами, керосиновыми лампами и фонарями, хозяйственным мылом, свечами и спичками. На самом верху логично расположился крупногабаритный товар — самовары, чугунные кувшины, латунные подносы, керамика. На стене — зеркало. В углу за прилавком рядом с дверью заднего крыльца выделена отдельная зона под продукты: мясные и рыбные бурятского производства, колбасы, сахарные головы, домашние яйца, ярмарочные сладости, мешки с зерном и прочее. Здесь же расположены весы. Оживляют интерьер

тырехкамерный с галереей, завозня, конюшня. С улицы въезд в каждый двор был оформлен отдельными воротами — единственной сохранившейся на момент обследования частью усадебной инфраструктуры. Внутри усадьбы чистый и хозяйственный дворы соединялись калиткой. Продолжением усадьбы являлся огород, где располагалась баня по белому.

С приходом советской власти усадьба Воинова подверглась национализации. Жилая часть дома использовалась под коммунальное расселение, торговое помещение — под магазин, а с 50-х гг. XX в. — под чайную. Известно, что драматург А. В. Вампилов, работая над пьесой «Прошлым летом в Чулымске», использовал дом Воинова в качестве прообраза чайной с верандой и мезонином.

На сегодняшний день в торговом помещении дома Воинова реконструированы Г-образный прилавок, сквозной проход через который устроен напротив двери заднего крыльца — для удобства разгрузки товара; конторка; полки; круглая печь-голландка, обитая металлическим листом.

При размещении фоновых экспонатов присутствовала своя концепция. Так, расположение полок условно делится на восемь зон под определенную группу товаров: бакалея, стекло, фарфор, текстиль, галантерея, скобяные товары, медная посуда, чугун-

торговой лавки гипсовая ростовая фигура приказчика, копошащегося в глубине полок и рекламные плакаты товаров массового потребления.

Внесенные во время монтажа экспозиции вынужденные изменения не отразились отрицательно на конечном результате. Благодаря логичному подбору экспонатов и их успешной последовательной компоновке интерьер торговой лавки конца XIX — начала XX в. построен согласно влиянию исторической среды и хозяйствственно-бытовому укладу жизни купечества Предбайкалья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. С. 245.
2. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2, вып. 4: Иркутская губерния. М.: тип. В. В. Ислентьева, 1890. С. 264.
3. Там же. С. 262.
4. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Указ. соч. С. 245.
5. Материалы по исследованию землепользования... С. 276.

P. B. Агапитова

**ЭКСПОЗИЦИЯ «ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВЫЙ СТАН
В МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»
(материалы к экскурсии)**

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» — уникальное место, где все желающие имеют возможность не только увидеть замечательные образцы народного деревянного зодчества, но и узнать о том, как жили наши предки. Ввиду большой территории (68 га), на которой находятся музейные объекты, посетителям не всегда удается познакомиться со всеми экспозициями «Тальцов», хотя они также представляют большой интерес для любителей старины.

В ангаро-илимском секторе музея, в глубине лесного массива прячется одна из самых необычных, но вместе с тем очень характерных для Сибири построек — охотниче-промышленный стан.

Охота занимала ранее видное место в хозяйстве сибиряков и часто составляла главную товарную отрасль. В XVII–XVIII вв. именно неисчислимые богатства тайги стали важным аргументом, заставившим осесть в Сибири первых переселенцев. В лесах в изобилии водился драгоценнейший зверек — соболь. В массовом количестве встречались белки, горностаи, лисицы, зайцы, росомахи, рыси и другие пушные звери. Лоси и медведи также бродили по тайге. Многочисленными были запасы боровой дичи — рябчиков и глухарей, а также птицы — уток, гусей, куликов.

В таежных реках водились хариус, ленок, таймень, сиг и другие рыбы. Наконец, тайга снабжала такими продуктами, как кедровые орехи, ягоды и грибы.

Бескрайние просторы сибирских лесов испокон веку делились на промысловые угодья — урочища, имевшие названия и постоянных пользователей. По неписанным законам старины такие угодья принадлежали ближайшей волости, считаясь как бы собственностью местных охотников.

Каждый охотник имел свой участок (называемый *«тайга»* — на Средней Ангаре, *«ухожье»* — в низовьях Ангары), где он и добывал зверя [1]. Охотничьи угодья крестьян деревни находились, как правило, в одном месте на различном, иногда значительном расстоянии от населенного пункта. В этих угодьях, удаленных от деревень на десятки, а иногда и на сотни верст, промышляли они пушнину, зверя и птицу.

Охотник, отправляясь в тайгу на длительный срок, сооружал в ухожье «становище» (*«стан»*, *«станок»*). Главное место в стане занимала маленькая избушка — зимовье (*«зимовка»*, *«складень»*), которое представляло собой простейшую клеть, с одним-двумя волоковыми оконцами и небольшой дверью [2]. Все оборудование избушки состояло из широких нар, маленького стола и печки, сложенной из дикого камня. Топка

*Зимовье в музее «Тальцы».
Фото Р. Агапитовой, 2015 г.*

производилась без дымохода, а весь дым, образовывающийся при сгорании дров, выходил через волоковые окна и в полуоткрытую дверь.

В среде охотников соблюдались традиции взаимопомощи: в зимовьях всегда можно было найти спички, сухари, кусок вяленого мяса, что часто спасало жизнь потерявшемуся в тайге человеку.

Второй элемент стана — лесной амбарчик или *лабаз* для хранения припасов, подверженных порче: продуктов, пушнины, дичи. Для предохранения припасов от грызунов и хищников амбарчики ставились на столбах и поднимались на высоту от двух до трех метров. У большинства лабазов кровли односкатные, и эта особенность являлась характерной чертой их облика [3].

Забраться в лабаз можно было только по приставному бревну с зарубками.

Третье сооружение промыслового стана — *лавы*. Они представляют собой своеобразный гарнитур, состоящий из стола и двух лавок, которые срублены из бревен. Такие лавы ставились всегда перед «главным фасадом» избушки, в двух-трех метрах от нее и чуть вправо или влево от входа.

Первой помощницей охотника на промысле была собака. Если зимовье рубили без сеней, то рядом из колотых плах делали *будку* или же поступали еще проще: с южной стороны избушки устраивали «хвоянки» — зимние убежища для собак. Они представляли собой навес из срубленных и плотно уложенных, а точнее поставленных хвойных деревьев [4].

Летом в стан доставляли все необходимое для промысла. Этот груз обычно перевозили на лодке. Поэтому станы, как правило, располагались по берегам рек и озер. Охотничьи станы всегда ставили скрытно, место обязательно выбирали сухое и закрытое от ветра. Важным условием было и то, чтобы стан стоял в «веселом», т. е. красивом месте.

Все постройки возводились в начале лета до появления мошки и гнуса, а ремонтировались перед началом белковья [5].

Вели к станам лесные *путики* — расчищенные и ухоженные лесные тропы, вдоль которых охотник размещал ловушки на зверя. Путики делились на большие и малые. Малый путик был закольцован по своему маршруту — утром вышел из зимовья, а вечером вернулся назад, т. е. он был рассчитан на один дневной переход, на нем ставился один станок. А большой путик

Лабаз. Фото Р. Агапитовой, 2015 г.

Лавы. Фото Р. Агапитовой, 2015 г.

можно было обойти за несколько дневных переходов, и поэтому на нем ставилось столько станков, сколько дней в таком переходе [6].

Вдоль пути охотник размещал ловушки на зверя: плашки, кулемки, петли.

Наиболее универсальным самоловом на пушных зверьков считалась плашка. Устройство плашки несложно, ее делали из двух плах и насторожки. Плашки рубили из кедра, сосны или ели. Срок службы плашки при хорошем уходе 20–30 лет [7].

Охотничим промыслом занималось практически все мужское население. Его традиции передавалась от отца к сыну, от деда к внуку.

Уходя в тайгу, охотник в случае необходимости брал с собой помощника — мальчика 12–13 лет, которого обучал промыслу, а через два-три года тот уже мог охотиться самостоятельно. Встречались в виде исключения и женщины-охотники. Девочек или девушек брали только в том случае, если в семье не было мальчиков, и участок для охоты находился близко от деревни. Девочки ходили с охотниками, чтобы «сторожить» ловушки на зверя, готовить пищу в зимовье. Женщины иногда ездили с мужьями в тайгу «по мясу», за лосями, попавшими в ямы — ловушки [8].

Охотничий сезон начинался в октябре и продолжался в течение двух-трех месяцев. Второй период охоты захватывал конец зимы и первую половину весны.

Сибирские крестьяне, заботясь о поддержании охотничьих ресурсов края, старались не истреблять зверя в большом количестве, имело силу старинное установление промышленников: «Бог не показал мясо даром бросать ...». Речь шла о том, что нельзя губить зверей только ради шкур или рогов. Заслуживает внимания и тот факт, что, заканчивая промысел, русские промысловики заколачивали ловушки, «чтобы потом в оные звери не попадали» [9].

Охотничий промысел играл когда-то значительную роль в жизни сибиряков. Это было любимое занятие основной массы мужского населения на протяжении более чем двухвековой истории. Воссозданная в музее «Тальцы» экспозиция охотниче-промышленного стана открывает перед любителями и знатоками старины еще одну страницу жизни старожильческого населения Ангары и Иlima.

Плашка. Из кн.: Семенов Б. Т. Промысел белки самоловами (М., 1957)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967. С. 143.
2. Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. М.: Искусство, 1983. С. 174.
3. Там же. С. 175.

4. Бычков О. В. Охотничий промысел русского населения таежного Прибайкалья во второй половине XVII–XX веке. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2003. С. 57.
5. Копылов И. П. Охотничье хозяйство Иркутской области. Иркутск, 1947. С. 43.
6. Бычков О. В. Указ. соч. С. 59.
7. Копылов И. П. Орудия и способы добывания промысловых животных. Иркутск, 1951. С. 75.
8. Сабурова Л. М. Указ. соч. С. 144.
9. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975. С. 235.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АН ГДР	— Академия наук Германской Демократической Республики
АССР	— Автономная Советская Социалистическая Республика
АЭМ	— архитектурно-этнографический музей
БГОМ	— Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары
БГСХА	— Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВСОИРГО	— Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ВСОРГО	— Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГУК АЭМ «Тальцы»	— государственное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ГЭК	— государственная экзаменационная комиссия
ГЭС	— гидроэлектростанция
ИГУ	— Иркутский государственный университет
ИЕВ	— Иркутские епархиальные ведомости
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИОГАУК АЭМ «Тальцы»	— Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ИОКМ	— Иркутский областной краеведческий музей
КБЖД	— Кругобайкальская железная дорога

КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
МВД	— Министерство внутренних дел
МПС	— Министерство путей сообщения
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ОК КПССС	— областной комитет Коммунистической партии Советского Союза
ООО СИБНИПИ «Наследие»	— общество с ограниченной ответственностью Сибирский научно-исследовательский проектно-реставрационный институт «Наследие»
РАН	— Российская академия наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СОИРГО	— Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
США	— Соединенные Штаты Америки
УНКВД	— управление Народного комиссариата внутренних дел
ЦСН	— Центр по сохранению историко-культурного наследия г. Иркутска

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапитова Римма Валентиновна — главный научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: agapitovarimma@mail.ru

Базалийская Ольга Тимофеевна — главный археограф отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск). E-mail: ogugaio@mail.ru

Басина Людмила Георгиевна — архитектор-исследователь (г. Иркутск). E-mail: lubasina@yandex.ru

Гузенков Сергей Васильевич — кандидат исторических наук (г. Иркутск).

Зиброва Анастасия Владимировна — старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: zibrova_talci@mail.ru

Калинина Ирина Васильевна — архитектор, старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: kairina-v@mail.ru

Колганова Елена Юрьевна — кандидат культурологии, заместитель директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по научно-методической работе (г. Иркутск). E-mail: eukolganova@gmail.com

Крючкова Тамара Александровна — кандидат исторических наук, главный специалист отдела библиографии Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского (г. Иркутск). E-mail: kruchkova-tamara@yandex.ru

Ладейщикова Елена Робертовна — главный архитектор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: er.lad410@gmail.com

Лыхин Юрий Петрович — кандидат исторических наук, ученый секретарь Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: yury1210.likhin@yandex.ru

Ометова Марина Леонидовна — главный хранитель фондов Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: fondi-talci@mail.ru

Павлов Александр Анатольевич — историк, этнограф (г. Братск). E-mail: pawl0ff.4l3x@yandex.ru

Тихонов Владимир Викторович — кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). E-mail: talci@irk.ru

Чивтаев Юрий Иванович — исследователь (г. Усть-Кут, Иркутская область). E-mail: yuchivt45@yandex.ru

Шабалина Наталья Николаевна — заведующая отделом историко-культурного наследия Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского (г. Иркутск). E-mail: redfond@irklib.ru

Шинковой Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея (г. Иркутск). E-mail: anshin.789@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Чивтаев Ю. И. Дневник Д. Г. Мессершмидта как исторический и этнографический источник (по материалам маршрута 1723 г. от Мангазеи до Иркутска)	7
Гузенков С. В. Изучение ангарского водного пути (1860 г. — начало XX в.): Проекты и реальность	43
Крючкова Т. А. Краеведение в деятельности священнослужителей Иркутской епархии (по материалам «Иркутских епархиальных ведомостей»)	55
Шабалина Н. Н. Протоиерей Дмитрий Гагарин: очерк жизни и творчества	63
Лыхин Ю. П. Священник Михаил Мацуев	70
Ометова М. Л. Учебные заведения духовного ведомства в Иркутской губернии. Школы грамоты Иркутского уезда. Материалы к словарю	78
Базалийская О. Т. К родословной А. В. Вампилова	86

ЭТНОЛОГИЯ

Шинковой А. И. Священные образы духов в онгонах сибирских шаманов	97
Павлов А. А. Ритуальное сооружение эвенков в пос. Стрелка-Чуня	114

АРХИТЕКТУРА

Басина Л. Г. Модерн в путевых постройках Кругобайкальской железной дороги периода строительства второго пути (1912–1915 гг.)	121
---	-----

К МУЗЕЙНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Калинина И. В. Введенская церковь Илимского острога	139
Ладейщикова Е. Р. Бодайбо — город. Особенности планировочной структуры	160
Тихонов В. В. Перспектива актуализации историко-культурного наследия татарских переселенцев периода Столыпинской аграрной реформы в Иркутской области	174
Колганова Е. Ю. Формирование экспозиционного комплекса «Усадьба купца Воинова» в Трактовой зоне АЭМ «Тальцы»	182
Зиброва А. В. Торговая лавка в экспозиционном пространстве АЭМ «Тальцы»	188
Агапитова Р. В. Экспозиция «Охотничье-промышленный стан» в музее «Тальцы»	194

Список сокращений	198
Сведения об авторах	200

CONTENTS

HISTORY

Tchivtaev Yu. I. Journal of D. G. Messerschmidt as a Historical and Ethnographic Source (based on materials of 1723 journey from Mangazeya to Irkutsk)	7
Guzenkov S. V. Research of the Angara Water Route (1860 — early XX century): Projects and Reality	43
Kryuchkova T. A. Regional Studies in the Activity of Clergy of Irkutsk Diocese (according to the materials of «Irkutsk Diocese Bulletin»)	55
Shabalina N. N. Archpriest Dmitri Gagarin: Concise Life History and Overview of Literary Works.....	63
Lykhin Yu. P. Priest Mikhail Matsuev	70
Ometova M. L. Academic Clerical Institutions in Irkutsk Province. Literacy Schools of Irkutsk District. Materials for Dictionary.....	78
Bazaliyskaya O. T. About Family History of A. V. Vampilov	86

ETHNOLOGY

Shinkovoi A. I. Sacred Images of Spirits in Ongons of Siberian Shamans	97
Pavlov A. A. Ritual Structure of the Evenks in the Settlement of Strelka-Tchuna	114

ARCHITECTURE

Basina L. G. Modern Style in Railway Infrastructure Objects of Circum Baikal Railway of the Second Track Construction Period (1912–1915)	121
---	-----

MUSEUM CONSTRUCTION

Kalinina I. V. Vvedenskaya (the Entry of the Most Holy Virgin into the Temple) Church of Ilimski Ostrog (Wooden Fort)	139
Ladeischikova E. R. Town of Bodaibo. Specific Features of Urban Planning Structure	160
Tikhonov V. V. Prospects of the Actualization of Historical and Cultural Heritage of the Tatar Settlers from the Period of Stolypin Agrarian Reform in Irkutsk Region.....	174
Kolganova E. Yu. Formation of the Exposition Complex «Estate of Voinov Merchant» in Highway Zone of Architecture and Ethnography Museum «Taltsi»	182
Zibrova A. V. Trade Shop in Exposition Space of Architecture and Ethnography Museum «Taltsi»	188
Agapitova R. V. Exposition «Hunting and Wild Foods Harvesting Camp» at Architecture and Ethnography Museum «Taltsi».....	194

Abbreviations.....	198
About authors	200

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»**

Выпуск 10

Редактор и корректор: Г. Д. Лопатовская, Е. А. Куклина
Верстка: Ю. Д. Довбыш

Подписано в печать 24.07.2019 г. Формат 60*90 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 500 экз. Заказ №. 23504.
Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
664047, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел.: (3952) 540–940. www.printrepro.ru